

PR[C - Acta.

ACTA HISTORICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

REDIGIT
E. ANDICS

TOMUS I

FASCICULUS I.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
BUDAPEST, 1951

ACTA HIST. HUNG.

ACTA HISTORICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADEÉMIA TÖRTÉNELEMTUDOMÁNYI KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST V, ALKOTMÁNY-UTCA 21

Az *Acta Historica* orosz nyelven közöl értekezéseket a történelemtudomány köréből.
Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg. Több füzet alkot egy kötetet 20—30 ív terjedelemben. Évenként általában egy kötet jelenik meg.
A közlésre szánt kéziratok, lehetőleg géppel írva, a következő címre küldendők:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi és kiadóhivatali levelezés.
Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként (egy évre) belföldre 40 forint, külföldre 60 forint. Megrendelhető a belföld számára az „Akadémiai Kiadó”-nál (Budapest, V., Alkotmány-utca 21. Bankszámla 02.878.111-48), külföld számára pedig a „Kultúra” Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Bankszámla 45-790-057-50-032 sz.) vagy külföldi képviselőiteinél és bizományosainál.

„*Acta Historica*” публикует исследования из области исторической науки на русском языке.

„*Acta Historica*” выходит в брошюрах переменного объема; несколько выпусков объединяются в одном томе (20—30 печатных листов).

Ежегодно предвидится издание одного тома.

Предназначенные для публикации авторские рукописи следует направлять, по возможности машинописью, по следующему адресу:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

По этому адресу следует направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена „*Acta Historica*” — 60 форинтов за том. Заказы принимает Предприятие по внешней торговле книг и газет „*Kultúra*” (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Счет Банка № 45-790-057-50-032) или его заграничные представительства и уполномоченные.

ВВЕДЕНИЕ

С возрождением Академии Наук Венгрии открылась новая глава в истории венгерской науки. Ученые Венгрии всеми силами стремятся служить делу трудящегося народа и своими исследованиями способствовать созидательному труду построения социализма. Венгерская Народная Республика оказывает развитию научной жизни в стране огромную материальную и моральную помощь. Еще никогда в нашей истории наука не пользовалась таким уважением и такой поддержкой, как теперь. Одной из характерных черт возрожденной науки является связь между научной теорией и практической жизнью. Это взаимодействие оказывает глубокое плодотворное влияние на развитие нашей науки.

Изданием новой серии *Acta Historica* Академия Наук Венгрии поставила себе целью способствовать углублению международных связей прогрессивной науки, дальнейшему развитию науки, делу мира и углублению дружбы народов.

INTRODUCTION

La renaissance de l'Académie des Sciences de Hongrie ouvre un nouveau chapitre dans l'histoire de la vie scientifique hongroise. Les savants hongrois se consacrent tout entiers à la cause du peuple travailleur et aident, par leurs recherches, le travail créateur de l'édification socialiste. La République Populaire Hongroise contribue largement, sur le plan matériel et moral, au développement de la vie scientifique de notre pays. En Hongrie, le travail scientifique jouit d'une estime et d'un soutien tels qu'il n'en a jamais connu au cours de notre histoire. Une des caractéristiques de notre vie scientifique renaissante est l'étroite union de la science et de la pratique dans la vie de notre pays. Cette influence réciproque contribue dans une mesure considérable au développement de notre vie scientifique.

En publiant la nouvelle série des *Acta Historica*, l'Académie des Sciences de Hongrie a voulu contribuer à l'élargissement des relations internationales dans le domaine de la science progressiste, au développement de la science, à la défense de la paix et du progrès, et à l'épanouissement de l'amitié entre les peuples.

INTRODUCTION

The rebirth of the Hungarian Academy of Science has opened a new chapter in the history of Hungarian science. The scientists of Hungary endeavour in every way to serve the cause of the working people and to help with their research work in the creative task of building socialism. The Hungarian People's Republic affords vast help and encouragement to the development of the scientific life of our country, and scientific work in Hungary of to-day is honoured and aided to an extent that is unparalleled in the history of the land. One of the characteristic features of our reformed science is the connection between scientific theory and the practical life of the country. This interrelation has a profound stimulative effect on the development of our scientific life.

The aim of the Hungarian Academy of Science in starting the new series of *Acta Historica* is to contribute to the improvement of the international relations of progressive science, to the further development of science, to the cause of peace and progress, and to the closer friendship of the peoples.

EINLEITUNG

Die Wiedergeburt der Ungarischen Akademie der Wissenschaften eröffnete einen neuen Abschnitt in der Geschichte der ungarischen Wissenschaft. Die ungarischen Gelehrten sind stets bemüht, der Sache des werktätigen Volkes zu dienen, und mit ihren Forschungen die schöpferische Arbeit des Aufbaues des Sozialismus zu fördern. Zur Entwicklung des wissenschaftlichen Lebens in unserem Lande trägt die Ungarische Volksrepublik mit äusserst bedeutsamer materieller und moralischer Hilfe bei. In unserer Heimat wird die wissenschaftliche Arbeit in solchem Masse geschätzt und unterstützt, wie noch niemals in unserer Geschichte. Einer der charakteristischen Züge unserer wiedergeborenen Wissenschaft ist die enge Verbundenheit der wissenschaftlichen Theorie und der Praxis im Leben unseres Landes. Diese Wechselwirkung ist von fruchtbarem Einfluss auf die Entwicklung unseres wissenschaftlichen Lebens.

Mit der Ausgabe der neuen Folge der *Acta Historica* verfolgt die Ungarische Akademie der Wissenschaften das Ziel, zur Vertiefung der internationalen Verbindungen der fortschrittlichen Wissenschaften, zur Weiterentwicklung der Wissenschaft, zum Frieden und zum Fortschritt, zur Sache der engeren Freundschaft zwischen den Völkern beizutragen.

АРМИЯ ГУНИАДИ

Войны Гуниади — это короткая, но славная глава в истории борьбы дунайских народов за свободу и национальную независимость своей родины, против все нарастающей экспансии турецкого государства. Их значение не ограничивалось только непосредственной защитой Венгрии от вторжения турок, они одновременно значительно улучшили положение в северной части Балканского полуострова, правда, лишь на сравнительно краткий период. Кроме того, победы Гуниади привели к согласию народы, которым угрожала турецкая опасность, и вместо безнадёжности и отчаяния в связи с постоянными поражениями, разбудили в угнетенных народах веру в освобождение и волю к борьбе. Они в течение десятилетий препятствовали вторжению турок в дунайские государства, и превращению последних в турецкие провинции, массовому уничтожению человеческих жизней и материальных ценностей, разрушению основ национального развития народов, одним словом, всем тем тяжелым несчастьям, которые несло с собой турецкое владычество народам Юго-Восточной Европы. Эта точка зрения в оценке событий возникла уже отчасти среди авторов того времени, а отчасти появилась и в позднейшей специальной литературе, однако никто не осознал значения этих войн так глубоко, как Маркё, создатель научного социализма. В его хронологических записках турецким войнам Гуниади отведено особенно большое место и оценка их результатов имеет весьма положительное значение.¹ Одновременно он обращает внимание и на те вопросы, которые вообще не были затронуты в венгерской специальной литературе или же затронуты только поверхностно. Он указывает на то, что успехи полководца Гуниади и его походы мы можем понять только тогда, когда ознакомимся с его работой по созданию и организации армии.

Действительно в специальной литературе существуют сравнительно много данных (однако, далеко не всегда удовлетворительных) о ходе походов, но почти совершенно не упоминается о самых участниках походов, о составе и организации армии. Все эти вопросы остаются в стороне,

¹ См. *Lándor B.*, *Marx jegyzetei a magyar történelemről* (Записки Маркса о венгерской истории). *Uj Hang* (Новый голос). 1941. IV, стр. 48. и сл.

а если иногда и упоминаются, то их толкование всегда ошибочно и необоснованно. Задачей этого труда является устранить эти недостатки. Чтобы правильно приступить к решению этой задачи, нам необходимо обратить внимание, во-первых, на те общие закономерности, от которых зависело развитие организации армии.

В области военного искусства и организации армии передовых государств Европы, XV век принес большие перемены. Это сказалось как в организации военной силы, так и в тактическом построении военных операций. Сущность этих перемен в том, что на смену феодальной военной организации приходят постоянные, зависящие от княжеских центров, наемные войска, и одновременно с этим, тяжелая кавалерия, занимавшая прежде исключительно преобладающее место, постепенно вытесняется с полей сражений и на ее место вступают предшественники той пехоты, которая сыграла решающую роль в следующих веках — ландскнехты — типичные наемные пехотные войска, которые позже стали называться испанским именем „инфантерия“. Появляется много новых видов различного оружия. Вместо древнего единого рыцарского, фронтального построения для наступления, новая тактика развивает расчлненный порядок и выдвигает новый принцип взаимодействия между отдельными воинскими частями.

Основы этого развития мастерски осветил Энгельс в своей статье „О разложении феодализма и развитии буржуазии“.² Вследствие развития товаропроизводства, „... в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно безцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья“. Именно эти элементы служили монархам опорой в деле укрепления центральной власти, преодоления феодальной анархии и создания централизованного государства. „... королевскую власть в ее действиях, направленных на прекращение междоусобной войны между феодалами и на защиту страны от нападения внешних врагов, находила поддержку со стороны не только городского, но и сельского населения.“³

Для проведения централизации государства, необходима была реорганизация военной силы. Феодальная армия с ее медлительностью пере-

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI. ч. 1. стр. 443. — В отношении пехоты и огнестрельного оружия см. Anti-Dühring.

³ К. Базилиевич, Опыт периодизации истории СССР феодального периода. Вопросы истории. 1949. № 11. стр. 72.

движений, с трудностью ее мобилизации, была неспособна оборонять границы страны. Кроме того, она была большей частью под контролем и управлением феодалов, и таким образом была непригодна для обуздания их стремлений, к централизации. „Вести борьбу против феодального хозяйства с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующими королевской армии — это, очевидно, означало вращаться в заколдованном кругу и не быть в состоянии сдвинуться с места. С начала XIV столетия короли стремятся освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско. С этого времени мы в королевских армиях встречаем все более увеличивающуюся часть, состоящую из наемных и нанятых полков.“⁴ В результате этих стремлений создается постоянная наемная армия, независимая от феодалов, способная оружием поддержать внутренние и внешние стремления верховной власти централизирующего феодального государства.⁵

По мере того, как создавалась и укреплялась наемная армия, подчиненная центральной власти, вытеснялся из употребления рыцарский способ борьбы, который представлял собой вершину военных знаний феодального военного искусства. Самые совершенные, прекрасно снабженные рыцарские войска терпят одно за другим поражения: французы в борьбе с английскими стрельцами, имперские войска в борьбе с гуситами, бургундские войска в сражении с швейцарцами.

„В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение закованным в железо рыцарям — на конях или спешенным — начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей.“⁶

Распространение и массовое употребление огнестрельного оружия, в связи с новой тактикой пехоты, поставило последнюю точку в развитии военного искусства на исходе века. Главную роль в больших войнах следующего века, вместо тяжелой, закованной в латы кавалерии, играет инфантерия, которая была снабжена частью огнестрельными ружьями, а частью холодным оружием. Операции пехоты, кроме кавалерии, которая все дальше удаляется от рыцарских способов борьбы, поддерживает новый вид оружия — полевая артиллерия. Первые прочные постоянные организационные формы этого оружия мы встречаем в конце века в французских и итальянских войсках.

⁴ *Маркс и Энгельс*, Сочинения, т. XVI. ч. 1, стр. 447.

⁵ *Баззлевел*, Ук. соч., стр. 97. упоминает среди основных характеристик централизованной монархии, что военная сила имела единую организацию, и подпадала непосредственно под управление верховной власти, как средство ее, в качестве его классовой, внутренней и внешней политики.

⁶ *Маркс и Энгельс*, Сочинения, т. XVI. ч. 1, стр. 448.

Полное развитие новой боевой тактики происходит в XVI веке, хотя с ее элементами мы познакомились уже раньше. В начале XVI века мы встречаем в передовых государствах только ее первоначальные формы, что необходимо принять во внимание при разборе условий развития венгерской военной силы, которое происходило в значительно более отсталых обстоятельствах.

Исследуя проблемы XV века в отношении венгерской военной истории, нам надо считаться с особенностями, на которые указывает И. В. Сталин в связи с развитием восточно-европейских народов: „На востоке Европы, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности, не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно может быть, только зарождалось, между тем, как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов востока, требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия.“⁷ Эпоха Гуниади — это время попыток создания централизованной монархии. Основа этих стремлений здесь, как и везде — развитие товарного производства, появление тех элементов (хотя и не умножение их), которые требовали положить конец вечным бессмысленным войнам и раздорам между феодалами. Эти элементы в Венгрии XV века были еще весьма слабые, но их стремления имеют важное значение вследствие угрозы извне, нарастания турецкой опасности, которая требовала немедленной ликвидации анархии, создания централизованного государства и организации армии, способной выполнить эту задачу. Поэтому попытки создать централизованное государство вытекали из необходимости обороны от турок и наоборот, старания создать военную силу, способную дать серьезное сопротивление вторжению турок, появились и могли появиться только в борьбе против центробежных сил феодализма, а в первую очередь в борьбе против феодалов, главных носителей анархии.

После этого, сущность исследуемого вопроса можно резюмировать вкратце следующим образом: была-ли венгерская военная сила до Гуниади способна осуществить двоякую цель, во первых, обороны против турок, а во вторых, задачи централизации? — а если нет, сделалась ли она (и насколько) таковой во время Гуниади? Приближалась-ли она (и если да, то в чем именно) к тому новому, более совершенному типу организации войск и военного искусства, которую мы могли обнаружить при изучении обстоятельств более передовых стран?

В дальнейшем мы постараемся ответить на эти вопросы.

*

В начале века венгерские вооруженные силы были продуктом феодального общества, достигшего высшей ступени своего развития. В составе,

⁷ И. В. Сталин, Соч. т. 5, стр. 34.

организации и деятельности армии верно отражался общественный строй, который создал ее. По своему составу армия отражала монополию ведения войны, которая принадлежала тогда дворянству и была отличительной чертой феодального общественного строя. Организационная структура показывала соотношения сил внутри господствующих классов: перевес крупных землевладельцев, магнатов и высшего духовенства. Большую часть ее ударной силы представляли собой бандерии, которые частью являлись тяжелыми, закованными в железные доспехи рыцарскими отрядами. Эти бандерии должны были (или должны были бы) быть организованы и вооружены отдельными магнатами в соответствии с их доходами. Та часть дворянства (все время уменьшавшаяся), которая не принадлежала „фамилии“ отдельных феодалов, шла в поход (или по крайней мере должна была в случае общего ополчения идти в поход) под руководством т. н. жупанов (по венгерски „ишпаны“, начальники комитатов). Военная ценность дворянских ополчений была значительно меньшей, чем ценность бандерий, кроме остальных причин, вследствие трудности их мобилизации, трудности их объединения в одно целое, вследствие недостатка у них военного опыта, а также и их слабого снаряжения. Феодальное военное искусство, на высшей ступени своего развития, как и в начале упадка, употребляло для обороны все более сложное и дорогое снаряжение, что можно видеть и по обработке панцирных частей. Это делало вооружение очень тяжелым, благодаря чему оно было почти недоступным для мелких землевладельцев. Поэтому большая часть комитатских дворян пользовалась старым, легким кавалерийским снаряжением, но без соответствующей ему тактики, организации и дисциплины легкой кавалерии. В своей тактике, вероятно, вся армия приспосабливалась к рыцарскому способу борьбы, к требованию единого, нерасчлененного плоского фронтального наступления, которое во время сражений распадалось на отдельные индивидуальные поединки.

Бандерии и ополчение дворян составляли армию, пеструю по своему составу и весьма различную по своей боеспособности. Она могла бы иметь еще известное значение, если бы, хотя бы раз, собралась вместе, под одно командование, но такого случая, в практике вооруженных сил в упомянутую эпоху не было. Почему это не осуществлялось? Во первых, вследствие феодального характера армии и исходящей из этого организационной слабости — основной тенденции феодальной анархии, которая сказывалась все более остро в военном деле. Эти тенденции проявились в том, что даже в случае необходимости создать комитатское дворянское ополчение было невозможно. Несмотря на призывы, оно или вообще не собиралось, или, что практически означало одно и то же, опаздывало на сбор. Помимо основных организационных ошибок и конкретных затруднений — анализировать которые мы сейчас не намерены — основную причину этого систематически повторяющегося явления нужно искать в известных общих

стремлениях дворянства, которое приобретая монополию военного дела и вытекающие из этого выгоды — старалось избежать военных тягот и опасностей. Эти стремления дворянства ярко проявляются, начиная с времени движения „servientes“, со времени „Золотой буллы 1222 г.“, в течение всех последующих, более важных, дворянских движений, которые в конце концов привели к сведению до минимума военных обязанностей дворян. Эти минимальные обязанности сопровождались привилегиями.

Ополчение дворян можно было созывать только в случае крайней нужды, только на определенное время, в ограниченных областях и исключительно для оборонительной войны внутри границ страны. Кроме противления дворянства выполнению военных обязанностей, что было главной причиной, вероятно, были еще и другие причины того (спокойствие государственных границ во время царствования Людвига I и то, что король признавал небоеспособность дворянского ополчения), что „generalis exercitus“, который в первой половине XIV века, судя по многочисленным документам, датированным по роспуску ополчений, довольно часто созывался, во второй половине века призывался уже значительно реже. Итак, эта часть военных сил страны, помимо того, что старалась избежать военной повинности, вследствие отсутствия военных знаний и опыта, была небоеспособна, в то время, как все усиливающийся нажим турок требовал все большего напряжения военных сил государства.

Остальная часть — бандерии — лучше снаряженная и обученная, была по большей части в руках магнатов. У короля и у королевы также были свои бандерии; аула короля — корпус придворных рыцарей — представлял собой военную организацию, которая во время войны могла увеличиваться за счет установленного для каждого из придворных дворян числа дружинников, которых он должен был поставить под королевское знамя. Таким образом, армия короля несомненно превосходила военную силу любого магната, но несомненно было также и то, что эта армия все же была значительно меньше объединенных сил магнатов. Отношения военных сил верно отражали ту черту феодального государственного устройства, согласно которой властвующий „primus inter pares“ был могущественнее любого вассала, но он мог властвовать только солидарно с главными вассалами, согласно их интересам, в случае несоблюдения которых он наталкивался на их сопротивление и в конце концов был свергнут. История пленения короля Сигисмунда довольно наглядно подтверждает правдивость этих утверждений и служит хорошей иллюстрацией этого порядка. Этим объясняются и причины небоеспособности отлично вооруженных бандерий, которые состояли из хорошо обученных и натренированных солдат. Большая часть этих войск, как же было упомянуто, была в руках магнатов, и не имела общего объединенного руководства, была подвергнута вечным тревогам и волнениям раздоров

внутри господствующего класса, которые повторялись все чаще, благодаря чему большая ее часть была занята междусобными войнами магнатов. К началу XV столетия растет значение союзов и лиг баронов, которые возникали на почве временных интересов, вследствие обострения взаимных раздоров и войн различных сторон, и к середине века положение в стране становится крайне хаотичным. В это время, вместо того, чтобы защищать родину от внешних врагов, войска баронов занимаются, главным образом, междусобными войнами, грабежом и разорением поместий друг друга. Эти обстоятельства наглядно отразились, как в сравнительно многочисленных документах, относящихся к тому времени, так и в сообщении папского легата, которое относится к несколько более позднему времени (начало царствования Матиаса, когда положение было уже более упорядоченным). В сообщении папского легата говорится: „Магнаты и дворянство страны отличаются своей воинственностью, они любят грабить и если нет неприятеля, чьи земли они могли бы грабить, тогда они грабят один другого. Таким образом, они все время заняты какими нибудь ссорами . . . Каждый магнат и дворянин держит при себе в постоянной военной готовности большое войско, чтобы в случае надобности оно было бы под рукой . . . Благодаря этому, а также вследствие того, что они и по своей натуре являются расточительными, их расходы превышают доходы, поэтому им необходимо налагать дань на своих подданных.“⁸

Эти факты в исторических трудах феодальных историков или вообще обойдены молчанием, или искажены. Достаточно привести в качестве примера, научный очерк Иожефа Деера (который с тех пор бежал за границу). „Политика короля Сигисмунда в деле обороны отечества“⁹, где он старался выставить крупных земельных владетелей в роли спасителей отечества. Уже и раньше многие критики обращали внимание на то, что исторические данные были несколько искажены, но и сами эти критики не были объективны и становились на сторону мелкого дворянства.¹⁰ Характерным является то, что так называемая „официальная“ историография не ставила этот вопрос иначе: или магнаты, или дворяне, но кто-то из них являлся защитником отечества. Таким образом, они были склонны верить или тем источникам, в которых говорилось о незначительности роли, которую играло дворянское ополчение в деле обороны страны, или другим источникам, которые указывали на вечные расколы, раздоры и междусобные войны магнатов и их равнодушие к судьбе оте-

⁸ *Kovachich M.*, *Scriptores rerum Hungaricum minores*. Буда, 1798. т. II. стр. 15.

⁹ *Hadtörténeti közlemények* (Военно-исторические сообщения). 1936.

¹⁰ *Mályus Elemér*, *A magyar társadalom a Hunyad ak korában*. (Венгерское общество во время Гуниади.) Сборник, посвященный памяти короля Матиаса I. (Будапешт, 1940.) стр. 425—426, примечания № 157 или 162. Автор обладает весьма глубокими (и солидными) знаниями по отношению к этой эпохе. В его труде приведен огромный и ценный исторический материал и освещено много получительных взаимосвязей, однако, благодаря своей классовой ограниченности он не осознал сути этих связей.

чества. Итак они искажали действительность в одном или другом направлении. В действительности же, как мы это увидим в дальнейшем, ни магнаты, ни дворяне не являлись настоящими защитниками страны.

Бандерии и дворянское ополчение, эти две главные составные части военной силы Венгрии XV века, были идентичны в одном: обе они олицетворяли собой монополию дворянства в вопросах ведения войн и были типичной феодальной армией со всеми ее слабостями и недостатками. Эта армия была непригодна для внешних войн и имела некоторое значение только тогда, когда становилась лицом к лицу с неприятелем, силы которого не превосходили ее силы ни численно, ни в отношении организации. Основные недостатки сказывались, конечно, и тогда, но не вели к окончательному разгрому. Однако, разгром был неминуем, если организация войск противника, его тактическое и техническое превосходство требовали серьезного сопротивления. Именно таким противником являлись в то время турки.

В первой половине XV века военные силы турок как численно, так и в отношении организации, подразделения воинских частей и тактической подготовке превосходили не только военные силы Венгрии, но и армии большинства европейских государств. Превосходство турецкой армии заключалось, прежде всего, в дисциплинированности и выучке регулярного войска, в огромных массах и их подвижности, в тактике обходных маневров, основанной на взаимодействии военных единиц — в известной тактике конных степных народов, усовершенствованной новыми организационными элементами и в новой военной технике. Регулярные части турецкой армии состояли из наемников и подданных. Наемниками были янычары, которые преобразовались из охотничьей свиты Султана в пехотную лейб-гвардию (уже в XIV веке). Янычары жили в отдельных казармах, имели первоклассное снаряжение и занимались исключительно войной. Их дисциплину определил в специальном регламенте султан Мурад II, современник Гуниади. Хотя в сравнении с гуситами или „решающей исход боя“ пехотой швейцарцев, они не представляли собой ударные части (их задачей было устоять при любых обстоятельствах и защитить командование лагеря), однако, судьбы многочисленных сражений были решены благодаря их необыкновенной стойкости. Даже тогда, когда положение казалось безнадежным, они продолжали бороться, принимая на себя удар главных сил противника, уничтожали его, или давали время кавалерии совершить перегруппировку, обходное движение, или вмешательство, которые решали исход битвы.

Спахии представляли собой тяжелую кавалерию, их латы и оружие были легче, чем у рыцарей, однако, превосходного качества. Феодальную по существу армию турок поддерживало на более высокой степени то обстоятельство, что владельцы феодальных поместий получали свои имения во временное пользование, только на время службы, поэтому

они старались, чтобы султан был доволен их службой. Получая имение, феодал обязан был воевать, ставя под знамя султана определенное количество солдат по установленному подоходному тарифу (что позднее стало источником коррупции и упадка). Турецкую военную силу постоянно дополняли нерегулярные части, без определенного жалования и феодального владения. Это были менее ценные в боевом отношении части, но все же представляли собой значительную вспомогательную силу, ради их массы и скорости передвижения. Одновременно они были главным фактором истребления народов, насилий и разрушений, они являлись основой походов с целью деморализации противника. Эта нерегулярная армия грабителей и разрушителей, а особенно „скачущие и сжигающие“ были причиной того, что в провинциях, граничащих с Турцией, никогда не было спокойствия. Помимо этого в договорах о перемирии необходимо было оговаривать, „что разбойничьи налеты и набеги гусар“ не представляют собой военные операции и поэтому не являются нарушением мира. Только постоянной боевой готовностью можно было защититься от их набегов.

Западные путешественники, видя, главным образом, слабое снаряжение и недостаток дисциплины нерегулярных частей, говорили свысока и презрительно о военной мощи турок. „Я не хочу недоценивать их сил, но хорошо снабженным и организованным частям не стоило бы большего труда победить турок, и я смело напал бы на них с половиной армии“ — пишет Бертрандон дела Брокиер, бургундский рыцарь. Однако следующее поколение рыцарей, „краса и гордость европейских рыцарских стран“.¹¹ потерпело решающее поражение от этого неприятеля под Никополем. Одно время, очевидно, и господствующий класс Венгрии был такого же мнения о турках; он не подавал никакого признака осознания угрожающей опасности, несмотря на то, что видел, как во время царствования Людвига I османцы пустили корни в Европе, видел их стремительное расширение, их систематические победы над Грецией и южно-славянскими государствами, необъединенными для общей борьбы.

Однако, опасность развернулась в полную величину после 1389 года, и ее нельзя было не осознать после того, как соединенная армия сербско-боснийско-валашского союза государств потерпела решающее поражение в первой битве на Косовополе. Армия „Молния“ Баязета стремительными ударами обрушилась на независимые северно-балканские государства, захватила большую часть Болгарии и Сербии, вызвала кризис на боснийском престоле и обеспечила возможность постепенного продвижения

¹¹ Текст Brocquière см., *Memoires de l'Institut National des Sciences et des Arts, Sciences morales et politiques* кн. V., по — венгерски *Szamota, Régi utazások Magyarországon és a Balkán félszigeten* (Древние путешествия по Венгрии и по Балканскому полуострову). Будапешт, 1891. стр. 86—87. Он говорит, между прочим, о том, что он с 15—20 000 англо-французскими стрельцами и небольшими имперскими силами дошел бы до Константинополя.

вперед, принудив Валахию платить годовую дань. Битвы разоряли границы Венгрии. Сигизмунд мобилизовал свои связи на Западе и на этот раз — первый и последний в истории турецких войн — получил помощь. Он собрал огромную, соединенную, отлично снаряженную армию. Затем последовал Никополь, где рыцарская армия Сигизмунда потерпела решающее поражение в сражении с отлично дисциплинированными янычарами, тактические операции которых были продуманы и основаны на согласованных действиях подразделений воинских частей турецкой армии.¹² Хотя турки и не расширили свою победу, Сигизмунд использовал общее чувство неприятного изумления и на заседании сейма 1397 года попробовал потребовать принятия решительных мер для обороны родины. Результатом этого, как известно, было то, что кроме утверждения решения об устройстве так наз. „земской рати“ было принято решение, что если армия короля и бандерии не достаточны для защиты страны, необходимо созывать дворянское ополчение для отражения внешнего врага. В связи с этим фиктивным обещанием, дворянство поспешило укрепить все свои ранние привилегии, в том числе и те, которые касались вопросов защиты родины.

Не имеется данных о том, что эти решения сейма были когда-либо реализованы. Это мало вероятно. Судя по тому, что сорок лет спустя Сигизмунд снова был вынужден поднять в более умеренной форме вопрос о создании „земской рати“ и провести закон об ее учреждении, мы с полным правом можем вывести заключение, что этот закон никогда не был осуществлен в своей начальной форме 1397 года. Вследствие ангорской победы Тимура, внутренних беспорядков в турецкой империи, которые были вызваны этим поражением, и последовавшей затем временной слабости Турции, военная угроза на Дунае не ощущалась в такой сильной степени. Военный вопрос был снят с повестки дня. Эта отсрочка не была использована, и положение венгерской армии было по существу не лучше, когда в 20—30 годах XV века опасность снова возобновилась; и в это время венгерские военные силы не имели более серьезных шансов на успех в деле обороны страны от завоевателей, чем предшествующее поколение.

Что надо было бы предпринять? Очевидно, основным мероприятием явилось бы прекращение анархии, которая укоренилась в организации вооруженных сил, и вместе с тем улучшение боевых качеств армии, путем увеличения числа наемных войск, которые подчинялись непосредственно королю. В связи с этим, а особенно, имея ввиду особые требования турецкого фронта, нужно было мобилизовать массы против масс, ввести расчлененный военный строй и тактику, основанную на согласованных действиях воинских частей и их способности маневрировать, применяясь

¹² О Никополе см. статьи *Bárczay* и *Wertner* в *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения). 1894 и 1925 гг. *H. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte III. Das Mittelalter* Берлин, стр. 492.

к новым достижениям военной техники. Сигизмунд многое из этого видел, но мало что осуществил. Нельзя согласиться с распространенным среди старых историков мнением, что Сигизмунд не осознал турецкую опасность или недоценивал и пренебрегал ею. Он организовал информационную службу в пограничных городах, и этим путем постоянно получал сведения о балканских событиях. В связи с защитой пограничных областей, он провел целый ряд мер, из которых многие были полезными и остались в силе и позже, время Гуниади. Его главным недостатком было то, что он не понял характера турецких войн и не видел основную причину слабости военных сил Венгрии. Поэтому, исходя из ошибочного стратегического представления, он не объединил в одно целое частные и правильные мероприятия по ликвидации организационной слабости венгерских вооруженных сил.

Главным его стратегическим планом было вероятно построить укрепленную линию вдоль Дуная, как базу для обороны с сильно укрепленными крепостями (Белград, Галамбоц и т. д.), которые были бы ключевыми точками обороны с сильными гарнизонами. При помощи крепостей и резервных войск, находящихся в их тылу, он оградил пограничные области (Мачо, Сёрень) от турецкого нападения и создал возможность северно-балканским союзникам обороняться от турок, опираясь на его крепости. Основной ошибкой плана было то, что он не считался с фактической действительностью, в нем не был учтен характер войны и не принято во внимание то обстоятельство, что крепости могут задержать только вторжение больших армий, но не могут защитить пограничные провинции от ежедневных набегов и разорения. С другой стороны, он не поддерживал интересов союзников; в случае удачи он мог бы защитить Венгрию, но, предоставляя союзников самим себе и не препятствуя вторжению турок на их территории, он тем самым допускал их полное уничтожение. Позднее события показали основные ошибки политики Сигизмунда, из чего Гуниади сделал верный вывод, поняв, что сдержать турок можно только во взаимодействии с соседними народами, и не только обороной, а и наступательными операциями, которые должны были быть дополнением обороны. План обороны, помимо его основных ошибок, не был удачен и вследствие недостатков в его исполнении. Система крепостей не была достаточно сильна. Это обстоятельство, между прочим, упомянуто и в сообщении папского легата во время царствования Матиаса, однако с тем примечанием, что линия Дуная сама по себе может заменить отсутствующие крепости, однако, это утверждение, как показали дальнейшие события, было ошибочным. Турецкие армии легко переходили линию Дуная и возвращались обратно, пользуясь бродами. Ключом оборонительной линии, а вместе с тем единственным действительно сильным опорным пунктом был Белград, который представлял собой хорошо снабженную и, судя по очерку Брокиера, вполне пригодную для обороны крепость, вмещавшую до 5—6000

всадников. Эту крепость Сигизмунд получил дипломатическим путем после смерти Степана Лазаревича¹³, однако, одновременно он потерял другую важную крепость, которая контролировала восточную часть нижнего Дуная — Галамбоц. Он попытался взять обратно Галамбоц, но этот поход закончился позорным поражением.

Система крепостей, как это позднее осознал Гуниади, мало значила сама по себе, без преобразования оперативной армии. Сигизмунд, хотя и старался все время проводить известные реформы в этом направлении по плану, намеченному им еще в 1397 году, но это было по существу, безуспешно. Он добился проведения закона об учреждении „земской рати“ в 1433—35 гг. хотя в более умеренной форме, чем в законопроекте, предложенном 40 лет тому назад. Надо предполагать, что и в этом случае результат остался только на бумаге, т. к. из наших источников не видно, чтобы эта „рать“, принята сеймом и впоследствии утверждена в законе, участвовала в каком бы то ни было походе. Не придавая большой важности самому факту существования этого войска, мы ставим вопрос, что бы представляла собой, собственно говоря, эта „земская рать“, если бы ее создание было осуществлено. В законе говорится, что землевладельцы обязаны давать с каждых 33-х крепостных наделов по одному, а с каждых 100 по 3 конных стрельца, снабженных самострелами в тех областях, где провозглашался „*generalis exercitus*“. Сигизмунд подробно разработал способ учета земель, требуя, чтобы эта задача была доверена „среднему дворянину“, который не имеет большой власти, и который должен был передать регистр жупане комитата. Дальше в законе упомянуто, что помещики, которые сражались в бандериях магнатов или в войске короля, в случае мобилизации должны были поставлять известное число стрельцов (в зависимости от количества наделов) в рать жупана комитата, не распространяя это требование на держателей бандерий и крупных магнатов, из чего можно вывести заключение, что последние могли присоединять своих стрельцов к собственным дружинам. (Позднее, при переработке этого закона в 1454 году, магнаты, пользуясь этим правом, провели такую формировку этого закона, по которой крепостные тех дворян, чьи поместья были разбросаны в нескольких областях, мобилизуются в войско в той области, в которой живет их владелец, и если последний этого желает, то крепостной должен сражаться *под его знаменем*.¹⁴

Из всего вышесказанного мы можем видеть следующее: Сигизмунд старался пополнить свою армию новым элементом, он, в противовес турец-

¹³ *Pesty Frigyes*, Brankovics György rác despota birtokviszonyai Magyarországon és a rác despota cím. (Поместия рацкого деспота Георгия Бранковича в Венгрии и титул „рацкий деспот“.) Будапешт, 1877. стр. 4—6, 12 и след.

¹⁴ 1435 или 1454 г. *Corpus Iuris Hungarici*, т. I. Будапешт, 1899 стр. 245 и след. стр. 316 и след. относительно закона 1435 см. Государственный Архив, ДЛ. 44.025. — Выражение — „*jobagiones exercituanes*“ само по себе нельзя рассматривать решающим моментом, так как оно встречается и в другом значении; но в связи с текстом (1435. глава 2., 1454. глава 7.) его нельзя понимать иначе, как дословно.

кой легкой кавалерии, хотел создать конно-стрелковые полки. Бремя, которое несло с собой это пополнение, он совместно с магнатами государственного совета и дворянами сейма хотел взвалить всецело на крепостных. Неясно только, хотел ли он это оформить в виде налога, или же в форме действительной военной повинности. Выражение „воюющие крепостные дворян“ (*jobagiones exercitantes nobilium*) указывает на последнее. Этим объясняется также и то, почему это новшество осталось только на бумаге: „Венгерские феодалы и не думали о том, чтобы дать оружие в руки крепостных.¹⁵ С другой стороны, тогда возникает вопрос, как вообще могло быть вынесено это решение. Оно возникло из противоположных интересов внутри господствующих классов, именно как следствие противоречия, существовавшего между этими стремлениями. Внешняя угроза нарастала и требовала усиления военной силы, с другой стороны, дворянство старалось избежать воинских обязанностей и самое простое решение этой дилеммы было: свалить все бремя войны на класс крепостных, которое вообще несло на себе все бремя феодального строя; оно было бы простым в том случае, если бы не угрожало важнейшим интересом господствующего класса. Однако, вооружение крепостных представляло собой опасность и совершенно вероятно то, что дворянство и до 1437 года ясно это сознавало, и поэтому оно всеми силами противилось бы этому решению. Как тогда могла быть решена эта дилема? Так, что новые, крепостные элементы армии нужно было влить в организм старой армии и поставить его под контроль последней. Дворянство не возражало против того, чтобы отдавать в солдаты крепостных, но требовало, чтобы из этих солдат не были сформированы отдельные воинские части, а они были влиты в состав дружин самых могущественных магнатов и жупанов комитатов. Этим был обеспечен полный контроль над новыми элементами в армии и, таким образом, если бы это решение практически осуществилось, результатом было бы новое усиление перевеса магнатов. Но, как известно, создание „земской рати“ не было осуществлено, прежде всего, вследствие того, что „могущественные“ изъяли свои поместья из под учета; вероятно, с их стороны были и другие злоупотребления (очевидно, для этого было поставлено условие, чтобы участники не были из среды магнатов), и также еще и потому, что „среднее дворянство“ не проявляло большого усердия в этом деле. Причиной этого, кроме того, что после 1437 года дворянство особенно боялось дать оружие в руки крепостных, было то, что мелкие помещики еще менее желали отпускать своих крепостных в солдаты, чем сами магнаты. Это очень хорошо показывалось в 1514 г. Итак, вновь вынесенное в 1454 году решение в создании „земской рати“ никакого значения не имело, так как исполнение закона полностью, перешло в руки представителей дворянства, избранных по комитатам,

¹⁵ *Molnár E., A magyar társadalom története az Árpádkortól Mohácsig* (История венгерского общества со времен Арпада до Мохача). Будапешт, 1949. стр. 277.

а эти представители постольку проводили лишь решение, поскольку они хотели; т. е. из всего этого закона в конце концов ничего не вышло.

Итак, вкратце: дворянство в принципе согласилось на создание „земской рати“, потому что не видело другого выхода из положения, однако, практически не допустило ее осуществления, видя в этом опасность для своих интересов. Значит, реформаторские стремления Сигизмунда в этой области также не удались, как не удались и его неоднократные попытки увеличить число людей в бандериях (по так называемому сиенскому регистру — до огромных размеров), неудачный были также его старания в отношении возобновления дворянского ополчения. Впрочем, создание легкой кавалерии осуществилось, правда, не вследствие законов, а ради естественной необходимости и то там, где эта необходимость более всего ощущалась — в комитэтах, которые граничили с турками. Уже в последние годы царствования Сигизмунда обратила на себя внимание, а позднее стала составной частью регулярных войск, так называемая „рацкая (сербская) кавалерия“, которую главным образом составляли люди, бежавшие от турок. Они были вооружены только саблей и копьем и занимались главным образом набегами на турок с целью мести и грабежа; их называли „хунзарами“ — разбойниками. Они приспособились и в отношении снаряжения и способа ведения войны к турецким методам, из них позднее были сформированы особые пограничные войска, предки гусар.

Итак, все старания Сигизмунда реформировать оперативные войска, по существу, остались без успеха, единственным важным новшеством было создание гусарских полков (в то время еще в первобытной форме), которое, однако, осуществилось независимо от реформ. Но этот род войск не мог оказать решающего влияния на ход войны и не мог изменить к лучшему состав военных сил Венгрии и ликвидировать их структурные недостатки. Главной задачей было создать ядро наемных войск, которое бы могло иметь решающее значение в сражениях. Сигизмунд делал попытки в этом направлении; во второй половине своего царствования он все чаще пользовался наемными войсками, особенно для обороны крепостей. Но все же, он не смог преодолеть препятствия: первым из них был постоянный недостаток денежных средств, вторым — стремление магнатов управлять военными силами страны и их контролировать. Он не имел возможность создать сильные части из наемных войск, а те наемные части, которые он создавал, были им поставлены под влияние и контроль магнатов, вместо того, чтобы попробовать создать независимое от них ядро королевской армии.

Месячное жалование одного наемного кавалериста, принадлежавшего к тяжелой рыцарской кавалерии, колебалось в середине века между 4—7 золотыми, а во время царствования Альберта оно было около 8—10

золотых. Содержание нескольких тысяч всадников тяжелой кавалерии поглощало бы все доходы казны, которые, как видно из сообщения веницианского посланника, относящего к несколько более позднему времени, были достаточны для полугодового жалования только 10 000 кавалеристов.¹⁶ В противовес этому сообщению известен факт, что Людвиг I во время своих итальянских походов содержал очень крупную армию наемников. И тогда, вероятно, доходы короля не были в состоянии покрыть связанные с этим расходы, но благодаря закону о рудниках и финансовым реформам Карла Роберта, в казне накопились огромные запасы золота, реализация которого в связи со специальной конъюнктурой на европейском золотом рынке, была чрезвычайно выгодна. Когда, наконец иссякли золотые запасы казны, а одновременно с этим положение на рынке значительно ухудшилось, Людвиг I был вынужден снова вернуться к старой организации военных сил. Хотя, помимо остального, доходы короля, вследствие развития товарного производства и денежного хозяйства, могли бы значительно возрасти, в действительности же получалось обратное, королевская казна истощалась благодаря тому, что магнаты экспроприировали эту казну во время борьбы за престол, частью легально (в форме льгот, даров и залогов), а частью иллегально, путем обычного секвестра. Большую часть остальных доходов Сигизмунда поглощала расточительная роскошь его двора, о которой есть много данных в исторических источниках. Итак, он постоянно должен был бороться с денежными затруднениями и старался выйти из этого положения путем сложных кредитных и заложных операций,¹⁷ которые имели мало успеха. Эти операции, даже в том случае, когда они и удавались, имели только переходное значение, и в конце концов не могли улучшить положение казны. Что касается заложных дел, они не только не увеличивали, а наоборот, даже уменьшали доходы казны.

Следовательно, у Сигизмунда не было достаточно денег для наемных войск. Он стремился выйти из этого положения системой, так называемых „поручений“. Он поручал вербовать наемников (обыкновенно в связи с обороной какой-нибудь крепости), а для покрытия расходов, связанных с вербовкой, отдавал имения, или какие-нибудь другие источники доходов. Так, например, известно, что огромные стяжания имений Стибора младшего являлись, главным образом, результатом таких поручений, которые он получил в связи с обороной северных крепостей или связанных с этим кредитных и заложных операций. Оборона южных крепостей была также

¹⁶ A magyar nemzet története (История венгерской нации, под редакцией S. ilágyi S.) т. VI. стр. 217. По отношению оклада жалований см. на пример *Teleki, Hunyadiak kora Magyarországon*. (Эпоха Гуниади в Венгрии.) т. X. стр. 490, 554.; *Harmutazaki Documente privattatara la krtaria Fom nltar* т. I/2. стр. 657—8.; Гессархив, Di. 13 688., и т. д. см. также уже цитированное сообщение папского легата: 3—4 дуката.

¹⁷ *Lederer E.*, A középkori pénzüzletek története Magyarországon (История средневековых финансовых операций в Венгрии). Будапешт, 1932 стр. 183—188. и т. д.

поручена наемникам. Для покрытия наема закладывались имения, или давалось обязательство на *lucrum*-доход с соседних имений, или на доходы соляных камер. Так, например, в марте 1429 года Сигизмунд приказывает служащим соляных камер выплатить 12400 форинтов из доходов сремского *cultellum* Ласло Тётёшу, кастеляну в Нандорфехервар, для выдачи жалованья его войскам, которые должны были защищать эту крепость; в мае Тётёш получает 2600, а в августе 8000 форинтов из бараньейского и валковского *lucrum*-а¹⁸. В то же время ему принадлежат и доходы от Сондско-даводских соляных камер,¹⁹ полученных им в наследство два года тому назад, после смерти Пипо Озораи, очевидно, вместе с принятием на себя части функций, которые последний исполнял.²⁰ Это систематическое употребление части доходов от соляных камер для выплаты жалованья наемным солдатам, исходит из эпохи Пипо Озораи, который в своем лице соединял одновременно должность жупана комитата Темеш и управляющего соляными камерами,²¹ и продолжалось вплоть до эпохи Гуниади. Этот способ настолько вошел в обычай, что каменная соль стала общепринятым средством для выплаты жалованья наемным солдатам, а позднее и общим платежным средством. Уже Сиенский регистр регулирует цену соли для выплаты жалованья наемным войскам, а в 1452 году Гуниади отдает приказ управляющему сегедской соляной камеры выдать соль Ласло Тётёшу, считая взамен „*centum sales stipendiales*“ по два форинта.²²

Таким образом, оборона пограничных крепостей и вербовка наемных солдат для их обороны, в форме кредита, для обеспечения которого служили королевские поместья, или же они поглощались уступкой других королевских доходов (соль, *lucrum*), стали постепенно превращаться в коммерческую операцию, и в довольно выгодную, вероятно, операцию. Неудивительно поэтому, что самые различные элементы при дворе Сигизмунда, в первую очередь всевозможные дельцы, у которых были связи с заграничными торговыми предприятиями, и авантюристы типа кондотьеров, жадно набросились на это дело. Пипо Озораи, или Филиппо Сколари, как звали его в действительности, происходил из флорентийской торговой семьи. Он организовал вербовку наемных солдат для обороны крепостей вдоль нижнего течения Дуная, и держал в своих руках до самой смерти монополию на это предприятие. В Славонии и Хорватии (а позднее

¹⁸ *Zichy-okmánytár* (Архив семейства Зичи) т. VIII. стр. 372, 376, 397., о наемных войсках в южных пограничных провинциях см. напр. *DI. 24.530.*, *Blagay-oklevéltár* стр. 310—311., *Gelcik, Ragusa és Magyarország összeköttetéseinek oklevéltára* (Архив связей Равузы с Венгрией) стр. 191.; *Zichy-okmánytár* (Зичи-архив) VI. 547. и т. д. — Весной 1437 доставляют из Братиславы в Белград на 12 кораблях наемные войска см. *Hadtört. Közlemények* (Военно исторические сообщения) 1911. стр. 547.

¹⁹ Управляющий даводскими соляными камерами был его *familiaris*. *Zichy-okmánytár* (Зичи-архив) VIII. стр. 397.

²⁰ Там же стр. 310—311.

²¹ Там же, стр. 178.

²² Там же, т. IX. стр. 319—320., см. *Molnár*, Ук. соч. стр. 184.

в Белграде и Сёрене) действовали подобным же образом Таллоци, родом из Рагузы (Дубровника). Вскоре его примеру последовали и хорватские вельможи, особенно Франкопаны, которые находились в живой связи с Венецией и городами Далмации. Примеру Франкопанов последовали и другие хорватские магнаты. Таким образом бароны узнали эту выдающуюся возможность обогащения и хотя опасность, которая была сопряжена с этим, не была им по душе, они все же не избегали этих поручений.²³ Позднее, они стали требовать поручения для вербовки солдат и смотрели на это поручение, как на источник доходов. Это видно из договора Гуниади с неаполитанским королем Альфонсом, в котором последний, желая завербовать себе людей, которые отстаивали бы его интересы в Венгерском королевстве, ставит условие, чтобы поручения для вербовки наемных солдат для войны с Турцией и деньги, отпущенные для этой цели, были разделены между баронами, для того, чтобы „те были преданы ему“.²⁴

Возможно, что поручения вербовки солдат, которые получали бароны, влияли на их преданность, но дело защиты родины от этого не улучшалось. В этой системе совершенно не была обеспечена проверка выполнения поручений, т. е. то, нанимались ли вообще наемные солдаты, а если таковые и были наняты, то соответствовало ли их число полученному поручению. Нет никаких следов, указывающих на то, что существовал какой-либо контроль выполнения диспозиций, а если это случайно и имело место, то не могло дать значительных результатов, так как в лучшем случае эту задачу поручили бы другому барону. Напротив, имеются данные о злоупотреблениях. Например о самом жестоком противнике Гуниади, Ульрике Цилеи, заметки Сильвиуса Энзаса говорят, что он приказал чеканить фальшивые монеты и ими выплачивал жалованье наемным солдатам; в другой раз он получил определенную сумму денег для вербовки назначенного числа солдат, но в армию набрал гораздо меньшее количество людей.²⁵ От таких же злоупотреблениях говорит процесс в 1448 году против Миклоша Уйлаки, который передал должность серемского подбана Базусу Химфи, с обещанием выплатить 4500 форинтов, но не выплатил обещанную сумму.²⁶

²³ См. например Hurmuzaki т. I/2, стр. 550—551.; Blagay, стр. 310—311., *Frangepán-oklevéltár* (Архив Франкопанов) т. I. стр. 127—128 и 129—130., 171—172.; Zichy T. IX. стр. 3—4. Fejér, *Genus, incunabula et virtus Ioannis Corvini de Hunyadi*. Буда, 1844. стр. 52—53.; Госархив, DI., 43.907., 49.043., и т. д. Можно предполагать, что в многих случаях наемных сделок, содержание которых не было точно определено („для надобности страны“ и подобные выражения) также скрываются поручения такого-же рода.

²⁴ *Frangepán-oklevéltár* (Архив Франкопанов). т. I. стр. 350—353.

²⁵ P. Krones, *Die Zeitgenössischen Quellen zur Geschichte der Grafen von Cilli mit Einschluss der sog. „Cillier Chronik“*. Грац, 1871. стр. 22. (Этот труд старается оправдывать Циллейцев, и поэтому усваивает противоречащую историческим источникам, необоснованную, отклоняющуюся и слишком критическую точку зрения.)

²⁶ Госархив DI. 44.511. — В связи с этим не лишены интереса данные Длугоса о правах, которые польские дворяне вынудили у Владислава Ягелло в 1430 году за признание его наследником: по 3. пункту они ведут войну вне границы только

При таких обстоятельствах система „поручений“ не могла улучшить обеспечение защиты границ и не дала значительных результатов в деле реорганизации армии. Правда, таким образом, все время увеличивался приток наемных солдат в армию, но это не были люди короля, они принадлежали различным предпринимателям, которым была поручена вербовка солдат и которые частью принадлежали к магнатам, а частью были людьми типа Пипо Озораи и Талошиев, которые наряду с поручениями получали большие поместья и высшие государственные должности и часто путем браков вступали в круг высшей знати. Благодаря этому, новые наемные элементы, притекавшие в армию, не укрепляли центральную власть, а только еще больше усиливали мощь баронов — с одной стороны, частично и потому, что доходы с этих поручений увеличивали богатство баронов, с другой стороны, потому, что эти новые наемные части находились под непосредственным управлением и влиянием баронов.

Обобщая нужно сказать, что нововведения Сигизмунда не имели успеха. Его основные стратегические перспективы были ошибочными. Его конкретные распоряжения в целях усиления военной мощи не были удачны. Создание „земской рати“ осталось только на бумаге, для содержания наемного войска казна не могла обеспечивать денежных средств, необходимых для покрытия расходов, вербовку наемного войска король поручал баронам и допускал, чтобы последние имели решающее влияние на эти новые ценные элементы армии. В составе военной силы страны не произошло значительных изменений, а те, которые произошли, только увеличивали самое большое несчастье — перевес мощи высшей знати. Итак, даже отдельные, сами по себе значительные мероприятия, принятые королем, не принесли ожидаемых результатов, как, например то, что Сигизмунд старался заставить пограничные города выстроить и содержать в образцовом порядке систему крепостей, организовал информационную службу, интересовался новшествами военной техники. Однако, после его смерти положение еще более ухудшилось. В 1438 году турки свирепствовали в Трансильвании; дворянство бездейтельно ожидало, чтобы буря, которая бушевала над их головами, улеглась. Воевода хотел наказать главных виновников конфискацией имений, но королева помиловала их. Турки наводнили Сербию, осадили Смендерово, эту третью ключевую точку оборонительной линии на Дунае. Король провозгласил всеобщее ополчение, но на этот призыв сткликнулись немногие, да и те, которые собрались, еще до битвы возвратились по домам. Смендерово пал! В последующем году король объявил новый поход, но на этот раз, на основании прошлого опыта, с наемными войсками. Знать согласилась, чтобы он с этой целью собрал чрезвычайный налог, но требовала, чтобы король собрал

за счет короля, по копыю — 5 марок; если, однако, поход не начинается через два года спустя выдачи денег, они не должны отчитываться. (*Opera omnia XIII.*, Hist. Polon. 4-ое изд. под ред. Pauli-Przed.lecki, Краков, 1877. стр. 392.)

вспомогательные войска у своих заграничных родственников и союзников. Между тем, король умер, и намеченный поход не состоялся, вместо этого между различными партиями, лигами и претендентами на престол вспыхнула борьба за престол и власть, которая продолжалась годами. О защите границ никто больше не заботился. Туроци пишет: турки опустошали Славонию, придравскую область и нижнюю Венгрию вплоть до Тиссы, опустошали целые области страны, огромные массы людей угоняли в рабство. „В это время все население страны было занято внутренними раздорами, оставляя эти края самим себе...“ и, как это говорить в одном из документов короля Ласло V-го: „Страну охватил ужас нашествия.“²⁷

В это время Гуниади одержал свои первые большие победы. Во время царствования Альберта, он, в качестве серенского бана очистил окрестности Оршовы от турок, совершавших набеги. В 1441 году он победил сендрейского бека Исхака. В 1442 году он уничтожил войско бека Мезида, которое опустошало Трансильванию и в том же году он разбил на голову беглербека Сехабедин, которого султан послал во главе всего румельского войска, подкрепленного анатольской армией и янычарами для захвата Трансильвании и Валахии. Годом позже, в знаменитом, так называемом „долгом“ походе его войска атаковали армию султана на перевалах Балканских гор. Это большой переворот в истории турецких войн. Современники совершенно ясно видели его значение. „Если бы Гуниади не преградил дорогу завоеванию, пропала бы не только Венгрия и окружающие ее страны, но и сама Италия. Вечная благодарность ему от Венгрии и соседних с ней народов за то, что он защищал их от нашествия турок.“ — Этими словами оценивал Ранзанус его победы. Подобным же образом говорит и Туроци: „... где бы, каким бы тайным путем ни старались турецкие отряды проникнуть в Венгрию, чтобы по их обычаю разграбить страну, их начинание всегда имело плохой исход, потому что войска воеводы Яноша, высланные для защиты границ, каждый раз разбивали их.“ И не только верные династии Гуниади гуманисты двора короля Матиаса рассуждали так, в таком же духе говорят все повествователи. Среди них, помимо враждебно настроенного Длугоса и Сильвиуса Энеаса, выделяется далекий беспристрастный Калкокондилас. В его обширном произведении, выдающем его большую осведомленность, мы можем прочесть следующее: Со времени Никополя турки бесчисленное число раз обрушивались на Венгрию и столько народа угнали отсюда, что этими рабами были наполнены все невольничьи рынки Европы и

²⁷ *Turóczi, Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini.* т. I. Надьсомбат, 1765, стр. 406., см. Bonfini т. III, стр. 4. — Документ Ласло V, *Fejér, Genus* ... стр. 180—194. — В отношении предыдущих событий см. декрет Альберта, от 17-го сентября 1439 года. *Teleki, Hunyéd'ak kora* (Эпоха Гуниади) т. X. стр. 71—73., см. *A magyar nemzet története* (История венгерского народа). Под редакцией Szilágyi S. т. III. стр. 622.

Азии. После победы Гуниади над Сехабеждином положение коренным образом изменилось: „Панноны переправились через Дунай и сами перешли в наступление.“ Каллимахус дополняет это повествование следующими словами: „венгры и их балканские союзники приобрели уверенность в своих силах, а агрессоры, которые привыкли к победам, напротив, стали чувствовать себя не победителями, а побежденными“.²⁸

Произошло чудо — говорили современники, стараясь этим объяснить непонятие для них успехи Гуниади, в том же смысле высказалась весьма практичная венецианская синьория.²⁹ Но то, что они считали чудом, являлось, как и всегда в истории, чудом человеческой находчивости, героизма и организации. Тактически это значило, что армия Гуниади была совсем иного рода, чем венгерские войска предыдущей эпохи, которые потерпели позорные поражения у Никополя, Галамбоца и Смендерова. Внешними причинами нельзя объяснить этот переворот в истории турецких войн, так как, хотя и справедливо то, что в то время турецкие военные силы были разделены караманскими походами, однако, гражданская война в Венгрии и несогласия между Венгрией и империей Фридриха также значительно ослабляли военную мощь Венгрии. С другой стороны, в организации, в составе и в оперативности венгерских войск произошли большие перемены. Гуниади правильно осознал основные причины слабости венгерских войск и выбрал правильный путь для ликвидации этих недостатков, а именно укрепить ядро наемных войск, зависящих исключительно от главного военного командования. Он всеми силами старался и при организационной работе и в походах привлечь в армию широкие слои народа, что было большим шагом вперед на пути создания армии, способной выполнить не только задачи в связи с турецкой войной, но и задачи централизации государственной власти. Помимо его выдающихся способностей полководца, именно этому шагу следует приписать его успехи.

В следующей части нашей работы мы постараемся подробно развить и подкрепить доказательствами это утверждение.

*

О молодости Гуниади нам мало что известно. Единственным достоверным фактом является то, что данные из исторических источников, относящихся к Гуниади, говорят о нем, как о вожде наемных солдат. Около 1430 года он поступил на службу при дворе и там получил свое первое жалование во времена префекта Мадьяра (Ungor?).³⁰ Осенью 1431

²⁸ Произведения Ranzanus, Turóczi и Callimachus см. в *Schwandtner*, *Scriptores* т. I изд. 1765 г. стр. 636—7, 411. и т. II, стр. 116—138. *Chalkokondylas* в серии *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. (Bonn, 1843) стр. 257—8.

²⁹ См. напр. *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения) 1919, стр. 27.

³⁰ *Bonfini* т. III, стр. 4. По одному из данных Халкокондиласа, которое, однако, в дальнейшем не подтверждается, Гуниади уже раньше служил у сербского князя „mercede conductus“. Срав. *Fejér*, *Genus*, стр. 16. Об остальных событиях из его молодости здесь не приводятся данные, в отношении этих см. *A. Oszwald*, *Hunyadi ifjúsága* (Молодость Гуниади). *Tört. Szemle* (Исторический обзор), 1916.

года он сопровождает короля Сигизмунда в Италию, где он участвовал в церемонии коронования (так наз. железной короной), а затем он остается там, вероятно, в качестве одного из членов того вспомогательного войска; которое император, стремящийся в Рим и занятый весьма резкими дипломатическими переговорами, оставил там для поддержки своего миланского союзника Филиппо Висконти, взамен годового займа, как гарантию против Венеции. Он провел в Милане два года в чине капитана наемных войск, отсюда происходят его личное знакомство и даже дружеские отношения с Висконти и вождем его войск (а позднее наследником) Францем Сфорца. Кое-что об этих связях сохранилось в преданиях Милана, и позднее, когда Гуниади стал знаменитым, его успехи, как полководца, приписывали учению Сфорца. Такого же рода предание возникло, между прочим, и во флоренции в записях Джакомо Поджио Брачиолини, этого знаменитого гуманиста, который был лично знаком с Гуниади. По этому преданию, Гуниади изучил искусство ведения войн у Филиппо Сколари, родом из Флоренции. Таким преданиям нельзя верить дословно, все они имеют слишком очевидную тенденцию урвать кусочек славы знаменитого человека. Однако, они сохранили много фактов и было бы несправедливо, если бы мы слишком критически отнеслись к их словам или совершенно отказались бы им верить. Гуниади, вероятно знал Сколари, даже, может быть, научился кое-чему у него и во время своего итальянского путешествия совместно со Сфорца, наверное, он познакомился с так называемым кондотьерским способом ведения войны и с теми организационными элементами военного дела, которые развились в итальянских государствах, и освоил их.³¹

Осенью 1433 года Сигизмунд вернулся назад из Италии и Гуниади присоединился к нему. Сохранился документ, выданный Сигизмундом Гуниади, помеченный датой 17 января 1434 года в городе Базеле, по которому король, в счет своего долга Гуниади в 1200 золотых, взятых им займы, отдает в залог последнему и его племяннику Яношу город Папи, вместе с прилежащим к нему марошским паромом.³² В следующем году Гуниади возвратил королю город Папи и доплатив к этому еще 300 форинтов, получил взамен в залог Комяты. Два года спустя король снова заносит в кадастр 1250 форинтов на область, заложенную братьям Гуниади,

³¹ Для вышеприведенного см., главным образом, *F. Bánfi, Hunyadi János itáliai tartózkodása* (Прибывание Яноша Гуниади в Италии). *Erdélyi Múzeum* (Музей Трансильвании), 1934, или же *Filippo Scolari és Hunyadi János, Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1930. Его пребывание в Милане и происходящая отсюда связь с Висконти и Сфорца подтверждается и другими источниками. Что касается Сколари, мы считаем более убедительным доказательством флорентинского предания, тот факт, что Пипо Озори, жупан комитата Темеш, являлся докладчиком королевского документа, согласно которому в торжественной форме Гуниади было пожаловано первое именование в Венгрии — Гуниадвара.

³² Госархив, DI. 12.574. — Докладчиком документа является Леонардо Нюффри де Баймоц: один из толпящихся при дворе Сигизмунда иностранных богачей, его семья находится в связи с домом Бардо в флоренции.

взамен выплаты ими жалования за три месяца 50 копьеносцам. Это указывает на то, что братья Гуниади осенью 1437 года служили в эскorte короля Сигизмунда, стоя во главе 50 наемных всадников тяжелой кавалерии. Из другого источника мы узнаем, (документ Ласло V-го, в котором тот подробно описывает карьеру Гуниади), что оба они участвовали в путешествии короля Сигизмунда в 1436 году в Чехию. В то время они подверглись многим опасностям, прославили свое имя и получили первые почести. Оба они сделали придворными кавалерами, а Янош, старший, кроме того и членом королевского совета.³³ Вышеизложенное доказывает, с одной стороны, что мы правильно поступаем, если ищем начало военной карьеры Гуниади в его деятельности как вождя наемных войск, а с другой стороны, это подтверждает тот факт, который имеет важное значение для понимания последующего, что Гуниади побывал в Чехии и, таким образом, путем личных наблюдений познакомился с военным искусством гуситов (хотя уже во времена его упадка, после Липана) и выдающейся боеспособностью чешских наемных солдат. Таким образом, если и есть вероятность, что известные элементы в его деятельности, как полководца и организатора войска, можно приписать его наблюдениям во время путешествия по Италии, то с полным основанием можно утверждать, что остальные, значительно более важные черты его военной деятельности указывают на чешское, точнее, гуситское влияние. Сюда относится его особое уважение к чешским наемным солдатам, его эксперименты с самой своеобразной формой гуситского способа войны, а именно с употреблением движущегося ряда подвод и т. д. Вероятно, все это можно приписать его личным впечатлениям во время путешествия по Чехии.

Вождем наемных войск Гуниади стал позднее, наверное, во времена Альберта, когда усилились нападения турок на нижедунайский участок фронта. Он совместно со своим племянником брал на себя защиту крепостей Сёрень, Гёренъ, Оршова и Михалд, вначале обязываясь поставить около ста тяжелых латников. На покрытие расходов по выплате жалования своим солдатам за три месяца, в сумме 2757 форинтов, он получил в мае 1439 года поместья в комитате Бодрог.³⁴ Он отвечал этой задаче: приведенный документ Ласло V подчеркивает, что во время нападения турок, он вместе со своим братом совершал „выдающиеся дела“ и одержал несколько небольших побед. Вероятно, он за это получил (характерно,

³³ Два заложных письма на Комяти: Госархив, Дл. 12.707. и 13.088. (Hurmuzaki, Documente т. I/2. стр. 597—598, 627—628). Их докладчиками являлись Имре Марцали и Михай Орсаг, известные стяжатели имений. Последний возвысился из среднего дворянства в среду крупных помещиков, главным образом, благодаря заложным делам. Документ Ласло V, *Fejér, Genus* . . . стр. 180—194. (Текст документа: „При восстановлении развалин Чехии“, может относиться только к поездке в Прагу в августе 1436 года.)

³⁴ *Hurmuzaki, Documente* . . . т. I/2. стр. 648. — Немного позже, королева закладывает Кечкемет на сумму в 2500 золотых для защиты крепостей, лежащих „в пасти у турок.“ Там же, стр. 651—652.

что это последовало немного позднее декрета короля Альберта, в котором он объявил в следующем году поход против турок с *наемными войсками*) свою первую государственную должность Сэремского бана.³⁵ В то время он уже держит 200 наемных солдат „в поле“, помимо обороны крепостей. Для выплаты трехмесячного жалованья этим солдатам, он получил от короля 2000 форинтов, а на имя залога на остальные 4000 форинтов большое имение (область Икёш, комитат Темеш), с городом Моржина. Он ворвался в виддинский санджак и очистил дороги от турецких захватчиков. За эти заслуги он получает от Владислава летом 1440 года имения Шольмош, Берексо, Няваляш и Бурьян в комитате Гуниад и имение Бошар в комитате Темеш.³⁶ В результате дальнейших побед, одержанных им частью в гражданских войнах, после избрания Владислава, а частью в турецких войнах, он получает (кроме новых поместий) назначения на посты воеводы трансильвании, жупана комитата Тэмеш и главнокомандующего всех войск Бельграда. Эти три, каждая в отдельности сама по себе важная должность, вместе взятые, делали их носителя самым мощным знаменосцем страны и обеспечили, наряду с огромными поместьями, рудниками и золотыми приисками, главную материальную базу для позднейшей политической деятельности Гуниади. Высшая знать, в течение поколений экспроприировавшая государственные должности, считала их почти своими латифундиями, против чего действовал Гуниади в своей государственной деятельности, особенно в вопросах организации военных сил и системы диспозиций; это знать ненавидела его уже тогда за его внезапное возвышение, за приобретение имений и за достижение высоких должностей. Она распространяло о нем клеветнические слухи и, по всей вероятности, подставила бы ему ногу, если бы осмелилось и могла принять на себя ту огромную задачу, которую принял на себя и выполнил Гуниади, а именно — задержать и оттеснить турок от границ страны.

Итак, основанием для возвышения Гуниади послужили победы, которые он одержал в самый критический момент войны на южном фронте, где угроза прорыва турок чувствовалась особенно сильно. И как сейчас, от клеветы завидовавших его положению баронов, так и позднее, когда несогласия приняли более острую форму вследствие тенденции его государственной деятельности, направленной на укрепление центральной власти и на ограничение власти баронов, от их мстительных мер и угроз его в первую очередь защитило то, что турецкий вопрос не мог быть решен иначе, как только через него. Этими соображениями нужно постоянно руководствоваться при обсуждении политических событий того времени,

³⁵ Срав. A magyar nemzet története (История венгерской нации) под ред. S. Szilágyi т. III, стр. 622—623., в общем правильно излагает события, но с ошибочными датами дней. В декрете от 17-го сентября он не приведен еще как бан, а 10 дней позже, в закладном листе относительно области Икёш, его уже именуют таковым.

³⁶ Hurmuzaki, Documente... т. I/2, стр. 657—658., или же стр. 664—665. Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади). т. X. стр. 89.

так как внезапное перемещение сил во внутренней политике государства, одновременно с острыми изменениями в событиях на турецком фронте: Варна — Косово Поле, нельзя иначе толковать.

Наши источники ничего не сообщают о том, кто были и откуда появились наемные солдаты Гуниади в первоначальном периоде. Позднее; в его больших походах, когда ежегодно через состав его армии проходили большие массы наемных солдат, мы видим, что он набирал их из различных стран, но большинство из них все-таки были чехи. В 1443 году, во время „долгого похода“, значительная часть его армии состояла из чешских наемных солдат. По сообщению, которое датировано июнем 1443 года, король ждет только чешских повстанцев „Чарчо“, которым Гуниади хотел поручить лагерь повозок. По сообщению, относящемуся к августу того же года, Гуниади имел военные подводы, „снаряженные по чешскому образцу“. Чешские наемные солдаты сражались также и в королевской бригаде, записки одного из этих солдат составленные в форме дневника, представляют собой весьма поучительное изложение истории похода. Наконец, большинство из наемных крестоносцев составляли чехи, как это подчеркивает Франко Таллоци в своей довольно резкой речи в сейме, направленном против папского легата, который протестовал против приглашения еретиков и переговоров с ними.³⁷ В этом походе помимо польских и румынских наемных солдат, в эскorte Бранковича находились много южнославянских добровольцев, а в войсках короля и Гуниади участвовали много польских добровольцев и добровольцев из „других наций“, среди которых, как мы еще убедимся, были венгерские крепостные ополченцы.³⁸ На Косово Поле Гуниади выступил с лагерем подвод „по чешском образцу“, в то время как в его сопровождении было много „тевтонских и чешских наемников“, но помимо этого его окружало и много польских наемников, а также и румыны (последние, вероятно, не как его наемные, а скорее как вспомогательные отряды валахов).³⁹ В 1450 году, когда Гуни-

³⁷ „Ни из одного народа не вышло столько крепостноносцев, как из малочисленного чешского...“ говорится Каллимахусом (*Schwandtner*, *Scriptores* т. II. (1765). стр. 161.); *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади). т. I, стр. 372. — Остальные данные см. *Chmel*, *Materialien zur österreichischen Geschichte* т. I. стр. 113. *Fontes Rerum Austriacarum* II/62, стр. 71.; *Huber*, *Die Kriege zwischen Ungarn und die Türken 1440—1444*. *Archiv für österreichische Geschichte*, 1886. стр. 178.

³⁸ Срав. источники в *Hedtört. Közl.* (Военно-исторический журнал) 1919., стр. 32, или же *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I, стр. 323.

³⁹ Главнейшие источники по следам Прай, Катона, Фейер см. *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 78—100. Однако, его национализм приводит его в противоречие с собственными данными, напр. стр. 97: „... мы не желаем утверждать, что среди наемных солдат не находились и немцы и чехи, но большинство их состояло из венгров... и было бы преступлением против патриотизма, если бы мы лишили сынов нашей Родины тех лавров, которые они добыли себе ценой смерти“. — Источники — за исключением гуманистов, которые жили при дворе и льстили высшей знати — подчеркивают чешско-немецко-польские элементы среди наемников. Турецкий писатель Нешри очевидно, указывает на состав войска, когда говорит, что Гуниади окружали чешские, польские, румынские и секлерские наемники. По турецкому Анониму, венгры воевали в союзе с „немцами, чехами, латинскими народностями и румынами“. *Thury*, *Török történetírók* т. I. стр. 62., и 23.

ади готовился к выступлению против Бранковича, который подружился с турками, последний получил точные информации от своего венгерского вассала Яноша Каллай Лэкэшэ, в которых говорится, что „войска Гуниади состоят из чехов, поляков и других наций“.⁴⁰ Все вышеизложенное, по нашему мнению, достаточно наглядно указывает на интернациональный состав наемных войск Гуниади и перевес в последних чешских и польских элементов, преимущественно из краёв, населенных гуситами. Это, впрочем, остается характерной чертой для наемного войска Гуниади, а также позднее, не только для так называемой „черной армии“ Матиаса Корвина, но и для тех военных частей, при помощи которых Михаил Силади мстил за убийство Ласло Гуниади придворным.⁴¹ Этим мы не желаем утверждать, что среди наемных солдат совсем не было венгров, так как иногда встречаются данные, утверждающие обратное, однако, на основании единодушных свидетельств источников можно установить, что в большинстве своем наемные войска уже тогда, как и позднее, состояли из иностранных элементов и, главным образом, из чехов. Иностранцы, которые нанимались на службу, приводили с собой и своих вождей, как, например, пехотницы „Хапхо“ в 1443 году. Итак, командный состав по своему происхождению, совпадал с рядовым составом, хотя существует вероятность, что и вассалы Гуниади вербовались в его войска.

Гуниади, как и все крупные землевладельцы того времени, имел свою „фамилию“, свое вассальное войско, члены которого, помимо других обязанностей должны были с оружием в руках поддерживать все его начинания. Тогда, как большинство баронов расточало свои военные силы в раздорах и гражданских войнах, Гуниади поставил свое вассальное войско на службу защите родины. Это войско увеличивалось вместе с тем, как росли его поместья и должности. Вначале это войско состояло в большинстве из кенезов из области Гуниад и мелких дворян из Трансильвании, встречались между ними также и горожане из Торда. Позднее в нем служили и члены несколько более состоятельных семейств среднего дворянства из областей Тиссы, южной и восточной Венгрии, а еще позднее в нем можно было встретить людей со всей территории страны. Документы о награждении за военные заслуги служавших в вассальных войсках, особенно те, которые относятся к начальному периоду, содержат не только пустые фразы, но точные перечисления заслуг, что доказывает, что Гуниади включал эти войска в военные операции и даже пользовался ими для ее организации. Все это показывает, что кроме новых элементов наемных отрядов, которые он всеми силами старался развивать и которые имели решающее значение в его походах, он не мог совершенно обойтись без

⁴⁰ Госархив. Dl. 55.456. (Старая номенклатура: Kállay, saec. XV. App. R. III. n. 72.)

⁴¹ По Длугош, и Кухаи см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II, стр. 522.

войска старого типа, построенного на вассальных отношениях, как это сделал его сын, Матиас, во второй половине своего царствования.⁴²

В этой эпохе не всегда легко различить вассальные и наемные отношения; данные в исторических источниках часто весьма туманны. „XV столетие в Венгрии было переходной эпохой от натурального хозяйства к товарно-производственному денежному хозяйству. Поэтому феодальная организация войск была проникнута структурными элементами наемных войск, которые исторически развивались одновременно с денежным хозяйством.“⁴³ Часто новые, развивающиеся формы наемных отношений были прикрыты традиционными формами и наименованиями вассальных зависимостей, но несмотря на это, деньги начинали играть все большую роль в жаловании вассалов вместо платы натурой, которая прежде имела перевес. Благодаря этому и существуют те неясности, которые мы встречаем в исторических источниках.⁴⁴ Однако, эти две системы в самой своей сущности совершенно различны. Их разница становится очевидной после того, когда мы только определим их общественные и экономические основы и характерные черты. Фамилиарная зависимость является венгерской формой феодального сцепа, сущность которой определяется отношениями натурального хозяйства. Личные отношения между сервитором и доминусом обыкновенно выражаются формулой „взаимная верность“, что в сути своей означало, что сервитор во всех областях отождествлял

⁴² Госархив. Dl. 29.792, регистрационный приказ Гуниади своим вассалам Миклошу Поган и Имре Зинди, гражданам города Торда, которые участвовали в некоторых походах. — Именно благодаря их деятельности в качестве вассальных офицеров, возвышаются из кнезов в высшее сословие семейства Кендерфи, Кендереш, Чолнакоши и т. д., см напр. A Hunyadmegyei Tört. és Fég. Társ. Évkönyve (Ежегодник исторического и археологического общества комитата Гуниад), т. IV, стр. 90; *Fejér, Codex Diplomaticus* т. XI. стр. 506. — Для мелких дворян Трансильвании см. напр. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади). т. X, стр. 139.; *Zichy-okmánytár* (Архив Зичи). т. IX. стр. 67. — Повышаются в высшее сословие дворяне Байоми, *Károlyi-oklevéltár* (Архив Кароли), т. II, стр. 918. — Здесь мы не можем заниматься обсуждением проблем вассальных зависимостей; их эластичное применение характеризует случай с Михаилом Доци, который был вассалом семьи Таллоци и сборщиком камерных доходов, предназначенных для содержания крепостей; когда Гуниади стал начальником войск Белграда, Доци сделался его вассалом. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади). т. X. стр. 87, 124.

⁴³ *Molnár*, Ук. соч. стр. 278.

⁴⁴ Несколько примеров смешения вассальных и наемных зависимостей: Ласло Гуниади посылает вассала своего отца Котвица с шестью всадниками в Нежидер; через несколько дней он лишет городу Пожонь (Братислава), что город должен платить этим жалованье (*Teleki, Hunyadiak kora*. т. II. стр. 278., примечание); Ласло Гедервари, епископ г. Эгер, дает указание священникам в комитате Берепе платить из „десятин“ Миклошу Вардаи: „pro sustentatione mensae suae ad quatuor lanceas“ (*Zichy-okmánytár* т. IX, стр. 360.); Иштван Этре заключил договор с пещским епископом в том, что он поступит к последнему на службу, вместе с десятью всадниками, за годичную плату в 150 форинтов деньгами и вино, одежду, т. е. сукно для себя и своих людей натурой (Госархив. Dl. 44.630); Общему собранию комитата Сабольч была подана жалоба на Франка Шепшей в том, что он угрожал жалобщику жизнью, но Шепшей заявил, что в его распоряжении находятся много чешских, польских и венгерских вассалов и он не может ручаться за то, что с их стороны не будет кое-что предпринято против жалобщика. *Zichy-okmánytár* (Архив Зичи). т. IX. стр. 232.

свои интересы с интересами доминуса и брал обязательство преданно представлять их в самых различных поручениях, в том числе и с оружием в руках. В свою очередь, доминус должен был защищать его и заботиться о его снабжении. Последнее могло осуществляться, как это обыкновенно и происходило в постоянных дружинах, путем снабжения питанием, одеждой, возможно, и некоторой суммой денег, или же в форме предоставления имения, или же права на пользование им. Таким образом, при этой системе характерно то, что тот, кто поступал на службу, получал жалованье, большей частью в натуре, за что должен был выполнять различные поручения и не только в определенной области, как, например в военном деле. В противоположность этому, наемный солдат получал большую часть своего жалованья в деньгах, или в денежных ценностях и должен был выполнять исключительно военные обязанности. Необходимо подчеркнуть эту последнюю характерную особенность системы наемничества, так как выделение и отделение воинского звания от остальных элементов общества в историческом развитии происходило именно наряду с развитием наемных войск и именно в этой форме.

Из всего вышеизложенного следует, что нельзя считать наемником такого дворянина, который служил в „ауле“ короля, или в эскорте своего феодала и взамен за так называемый „*stipendium*“ становился участником одного, или нескольких походов последнего; таким же образом не является наемником вассал, который получает свой „*sallarium*“, частично в деньгах, но за это обязан выполнять не только военные, но и различные другие обязанности. Имеются данные, которые указывают на то, что и дворяне нанимались на военную службу, однако, это так кажется лишь на первый взгляд. При более подробном изучении оказывается, что они поступали на службу на условиях старой формы военной организации, почти всегда в качестве вассала, и если их сеньеры не шли на войну, считали это причиной для того, чтобы не выполнить свои обязательства. Весьма показательным в этом отношении является описание вербовки в 1456 году Яноша Таглиякоццои, согласно чему: „среди дворян и клиентов многие надевали на себя знак крестоносца, но в военном лагере никто из них не появился, так как венгерские дворяне по обычаю служат в войсках своих господ, а эти последние остались дома, как и дворянские ополчения комитатов.“⁴⁵ Из этого следует, что дворянство не играло значительной роли в создании отечественных наемных войск.

Таким образом, из вышесказанного выясняется, что Гуниади создавал свое наемное войско способами, которые существенно отличались от тех, которые употреблял для этой цели Сигизмунд, и не только вне рамок

⁴⁵ *Katona*, *Historica critica*, т. XIII. стр. 1078—1079. См. напр. случаи с Ласло Болгаром, который в 1443 году решил, что он поступит на наемную службу к „воеводе“, но ставит в условие, чтобы его назначили к Иштвану Банфи, если тот пойдет в бой (*Teleki-oklevéltár* Архив Телеки). т. II, стр. 11.

старой организации войск, а по возможности совершенно независимо от нее. Уже в то время, когда он исполнял должности регента и главнокомандующего войск, его начинания в этом направлении имели общегосударственные масштабы. Его стремления становятся особенно очевидными, если в исторических источниках обратить внимание на данные и косвенные ссылки о противоположных стремлениях. Однако, Гуниади при организации военных сил страны не хотел совершенно отказаться от элементов старой организации войск, от активного участия последних в борьбе против турок. В связи с этим он постоянно требовал и в государственном совете и в сеймах, чтобы бандерии и дворянские ополчения комитатов также внесли свою долю в кровавые жертвы войны. Эти его стремления; как мы увидим из дальнейшего, не всегда имели успех. С другой стороны, его стремление создать новую армию из наемных элементов имело большой успех. Он не только увеличивал число наемных солдат в своих походах, но, кроме того, старался создать ядро маневренных войск короля. Путем предоставления систематического жалованья он постоянно увеличивал и укреплял королевскую бригаду, кроме того, во время военной угрозы — а таковая была почти всегда — он держал под оружием вспомогательные оперативные отряды „peregrina auxilia“.⁴⁶ Одновременно он постоянно увеличивал свою собственную армию, которая в то время, так как не было короля, считалась вооруженными силами центральной власти. В то же время мы видим, что он старался извлечь из под влияния и контроля баронов эти новые наемные элементы государственной военной силы. Это он проводил отчасти таким образом, что централизовал вербовку солдат и прекратил диспозиции (на это указывает та часть цитированного выше договорного письма неаполитанского короля Альфонса, в котором последний, очевидно, в интересах баронов и против стремлений Гуниади, ставит условия, чтобы Гуниади не употреблял непосредственно предназначенную в связи с турецким походом сумму для вербовки солдат, а разделил ее между венгерской знатью; с другой стороны, он стремился уменьшить перевес баронов в старом типе войск, увеличивая королевскую бригаду за счет остальных бандерий. Это видно, например, из пункта второго закона 1454 года, в котором опять, также в интересах баронов и против Гуниади, подчеркивается, что необходимо контролировать, получают ли наемную плату из доходов короля те, кто по „honore baronatum“ составляют бандерии.⁴⁷ Если это наше предположение является

⁴⁶ „Premimur, re vera, magnis oneribus regni, nam ultra regalem curiam, quam opportunis salariis promovemus, oportuit etiam, hoc tempore, peregrina alere auxilia pro defensione regni“ — читаем мы в письмах Йоханнис де Зредна летом 1450 года, во время обостренных боев, одновременно на двух фронтах с Гишкрой и Бранковичем. *Schwandner*, *Scriptores*, т. II. (Вена, 1746), стр. 86.

⁴⁷ По общему мнению, закон 1454 года создавался под впечатлением падения Константинополя, и обозначал укрепление положения Гуниади. Это правильно. Однако, в то же время существовала другая, очень сильная тенденция ограничения власти Гуниади, торможения его успешной деятельности, в первую очередь, со

правильным, то оно указывает на то, что уже сам Гуниади стремился к тому — что в последствии осуществил его сын —, чтобы ослабить в самых основах систему бандерий, сокращая им выдачу казенных сумм, предназначенных для их содержания, и использовать эти суммы для усиления центральных вооруженных сил.⁴⁸ Наши источники не дают вполне точного указания на то, имели ли стремления Гуниади в этом отношении успех, однако, можно предполагать, что они, по крайней мере, в значительной своей части, были успешны, так как в противном случае бароны не были бы вынуждены ставить такие условия в отношении Гуниади, как те, о которых мы только что упомянули. С другой стороны, об этом свидетельствует и то, что они значительно усилили свое сопротивление начинаниям Гуниади, свои клеветнические походы против него и даже строили планы убийства. Все это ясно указывает на то, что они не только ненавидели его, но и видели в нем роковую опасность для своей власти. Они распространяли о нем слухи, что он стремится экспроприировать страну в своих личных интересах, что он стремится подчинить страну своей власти, и среди их обвинений не на последнем месте стоит то, что *военная сила страны зависит исключительно от него*.⁴⁹ Клеветнические обвинения такого рода со стороны баронов, особенно тех, которые держали сторону двора, освещают одну из самых положительных черт в деятельности Гуниади и его самый крупный успех, а именно то, что, усиливая новые элементы в организации военных сил страны, ему удалось извлечь их из под влияния баронов, а также и то, что он стремился ослабить перевес баронов внутри воинских частей феодального типа.

Для того, чтобы содержать наемное войско в достаточном количестве, ему нужны были крупные денежные средства. Сам собою возникает вопрос, откуда он их брал? Нам известен тот факт, что он вел постоянную переписку с Венецией, с императором, с папой и другими властителями, ища содействия в борьбе против турок и преследуя цель организации общего наступательного похода. Он часто вынужден был теропить обещанную помощь в форме войск или же денежных средств. Но весьма ошибочно было бы думать, что эта его инициатива имела успех. Турецкая политика Венеции и других итальянских городов была определена интересами их торговли с Ближним Востоком, а их они почти всегда могли обеспечить без военных действий. В таких случаях они не хотели и слышать о войне

стороны придворной партии. Это видно также из текста закона, особенно, если принять во внимание указания короля и клевету придворных. (См. напр. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 265, 283, 325 и т. д., однако, он не замечает настоящего смысла королевских указаний.

⁴⁸ В связи с упомянутыми распоряжениями Матнаса, см. *Mályusz, A magyar állam a középkor végén* (Венгерское государство в конце средневековья). *Magyar Művelődéstörténet* (История венгерской культуры под ред. S. Domanovszky), т. II. стр. 62.

⁴⁹ *Bonfini*, т. III, стр. 8, *Aeneas Silvius* Hist. Bohem. LXIV.; *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 368—369.

с турками, а бывали случаи, когда они „оружием, военным снаряжением; продовольствием, лошадьми и железом“ помогали туркам и даже за хорошую плату сражались в их рядах.⁵⁰ От западных монархов не было получено ничего, кроме пустых слов.⁵¹

Немецкая знать в 1443—44 годах открыто угрожала стране тем, что она может оказаться между двумя огнями. Хотя и позднее на имперских собраниях было дано много обещаний по вопросам ополчения и денежной помощи, но из всех этих обещаний ни одно не было исполнено.⁵² Литература в общем единогласно приводит эти факты. Однако, в литературе встречается много расхождений по вопросу о помощи римского папы. Клерикально настроенные историки, особенно Фракнон, стараются представить факты так, как будто бы папы, одни из могущественных властителей в Европе, бескорыстно и эффективно спешили на помощь нашей родине, которой угрожала опасность. Остальные данные показывают этот вопрос совсем в другом освещении и поэтому его следует рассмотреть подробнее.

Клерикальные и буржуазные писатели уже со времени появления сельджуков неоднократно предлагали церкви объявить крестовый поход против „босурман“. Однако, эти призывы остались безрезультатными и те незначительные действия, которые были предприняты с целью похода против турок до начала XV века, итальянские города финансировали только тогда, когда это было в их коммерческих интересах. Папа во время Никополья и позднее принимал участие в приготовлении войны против турок и в организации интернационального союза, который вел эту подготовку. Но в то же самое время он воскрешает забытый вопрос о соединении восточной и западной церквей. Причина этого совершенно очевидна. Вследствие соборного движения и двоякого избрания пап, папство, расшатанное в организационных формах, а затем и вследствие еретичества, потрясенное в самой своей основе, хваталось за каждое подходящее средство, которое могло бы восстановить его авторитет и кредит. Такими средствами являлись союз церквей и поддержка войны против турок. Разрешение обоих этих вопросов стало неотложным, когда базельский собор поставил их на повестку дня. В то время политика папы становится активной. Вначале последовало отпущение грехов для всех тех, кто принимал участие в войне против турок или же материально поддерживал эту войну.⁵³ Следующим шагом было послание легатов,

⁵⁰ См. напр. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 451. (Письмо папы, в котором он отлучает от церкви такие элементы. *Raynald, Annales ecclesiastici*, т. XVIII. стр. 294.

⁵¹ Так пишет современник, хорошо осведомленный Иванич в связи с посещением бургундского посланника в 1445 году. *Epistolae Johannis de Zredna*. стр. 21—22.

⁵² *A magyar nemzet története* (История венгерского народа, под ред. S. Szilágyi). т. IV. стр. 42, 142 и т. д. Эти же сословия три раза предприняли крестовые походы против гуситов, однако, каждый раз они терпели позорное поражение.

⁵³ Такое отпущение грехов объявили в Венгрии уже в июне и декабре 1432 года. Госархив. *Dl.* 43.919., и 43.930.

как например Цезарини в Венгрию в сороковых годах, которому один из циркуляров папы Евгения IV приписывал успехи Владислава на Балканах.⁵⁴ Легат действительно вербовал наемные войска и выплачивал им жалованье из денег папской помощи, как мы это узнаем из речи Франко Таллоци в сейме. О числе этих войск ничего неизвестно, но в сравнении с вооруженными силами страны их не могло быть много. Наши источники говорят о том, что было много добровольцев: — „огромные массы людей, которые оставили свой дом не ради жалованья, а для защиты христианства“ —, однако, все они шли в поход с знаком крестоносца.⁵⁵ Одновременное выступление папского флота, которое было предусмотрено на это время, не удалось.

Начинание папы Евгения IV в связи с неуспешными операциями флота, в следующем году обозначало вершину папской политики помощи, т. к. потом она никогда больше не проявлялась. После поражения при Варне, Гуниади был принужден все чаще напоминать папе — который ускорил расторжение мира —, о его обязанностях, однако, ожидаемой помощи он все-таки не получил.⁵⁶ Новый папа, Николай V, наградил Гуниади, который торопил помощь, княжевским титулом, который он, однако, никогда не употреблял. „Если Вы действительно хотите почтить меня — писал Гуниади в своем ответе — дайте мне возможность исполнить то, на что Вы обнадеживали меня“ (т. е. изгнание турок). Однако, его посланник вернулся домой — по свидетельству хорошо осведомленного современника Иванича —, с пустыми обещаниями: „привез много красивых слов и несколько обещаний относительно помощи против турок“.⁵⁷ Гуниади снова торопит папу, который предлагает отсрочку; „лучше я умру в латах и с оружием в руках, чем снова увижу бедствия моего народа“ — отвечает Гуниади.⁵⁸ После битвы в Косово Поле, Гуниади снова собирается в поход; папа советует ему дожидаться отечественного согласия. „С радостью отзываюсь на Ваши слова, которые торопят согласие — отвечает Гуниади — но не понимаю, почему Вы в то же время советуете мне сидеть дома и перестать вооружаться. Действительно странно то, что истинный отец христианства предлагает только оборону против неверных, а кроме этого отказывает во всякой помощи...“.⁵⁹

⁵⁴ Történelmi tár (Исторический сборник), 1901. стр. 162—163.

⁵⁵ Callimachus у Schwandtner, Scriptores, т. II. (1765), стр. 142; Бонфини, т. III. стр. 5. также подчеркивает большое число добровольцев, а Фракнои все-таки говорит о большом числе наемников, завербованных на деньги папы из уже указанных источников. (Церковные и политические связи с папским престолом. т. II. От синода в Константинополе до поражения у Мохача.) Будапешт, 1902. стр. 53; поражение флота, там же, стр. 51.

⁵⁶ Фракнои, Ук. соч., стр. 65—67.

⁵⁷ „Reportaverat multa pulchra verba et quardam etiam promissionem de subsidio contra Turcos“, Epistolae Johannis de Zredna стр. 50.; письмо Гуниади там же и Fejér, Genus, стр. 109—111., см. Фракнои, Ук. соч., стр. 69.

⁵⁸ Fejér, Genus, стр. 116—119.

⁵⁹ Epistolae Johannis de Zredna, стр. 63., см. Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 118.

Главной причиной нового переворота в папской политике, как на это уже указал Телеки,⁶⁰ было то, что базельский собор в это время был распущен в Лозанне и распадался, а контр-папа Феликс V отказался от своей должности в апреле 1448 года. Ни вопрос о союзе церквей, ни турецкая война не были уже такими наболевшими вопросами, как раньше, и, в сущности, Николай V отказался от них обоих. Его помощь ограничилась тем, что он предоставил в юбилейном году — по просьбе Гуниади —, всем тем, кто жертвует на турецкую войну, такие же церковные привилегии, какими пользовались римские пилигримы, однако, вопреки просьбе, он распространил эту меру только на „благородных“. Гуниади снова обратился с просьбой к папе, чтобы эта льгота распространялась и „на всякий пол и класс народа, одним словом на всех, у кого общая родина“, однако, папа в своей новой булле так высоко поднял цену отпущения грехов (половина расходов на путешествие в Рим), что этим практически сделал невозможным сбор пожертвований среди бедных. Благодаря этому необходимые деньги так и не были собраны, так как после этого имущие классы медлили с принесением лепты даже такого незначительного размера для „общей“ родины.⁶¹ И во время Калликста III (Альфонс Боржия) положение также по существу не изменилось, хотя он и клялся в том, что все свои силы употребит для борьбы против турок, „но вскоре его поступки доказали, что ему ближе к сердцу было обогащение своих родственников“.⁶²

Все это значит, что турецкая война, в сущности, была только предлогом, вернее средством для укрепления расшатанного положения папства, и после прекращения еретических волнений и ослабления активности собора потеряла свою актуальность, а 60 лет спустя, после провала мантовского конгресса, этот вопрос был снят с повестки дня. Во время Гуниади папская политика помощи не представляла собой серьезную поддержку, во всяком случае, она не могла послужить базой для походов и реформирования вооруженных сил. Гуниади обеспечивал финансовые средства для вербовки наемников — не считая поддержку извне, из стран, которым угрожала опасность, в особенности из Сербии — из венгерских источников: кроме своих личных доходов, из одной части королевских доходов, которые находились в его руках.

Во времена Гуниади для содержания пограничных крепостей и их военного гарнизона служили, главным образом, доходы сегедской соляной камеры и *lucrum* соседних комитатов. Для покрытия расходов по расширению центральной армии в широком масштабе использовали наряду

⁶⁰ Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 116.

⁶¹ Epistolae Johannis de Zredna, стр. 81—82., Ук. соч. 73—74.

⁶² По Engel, Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 367. — В отношении планов и волокиты после взятия Константинополя см. напр. Franknoi Ук. соч. стр. 93—96.

с доходами от соляных камер и *lucrum*, также все остальные королевские доходы, как например цензы и „приношения“⁶³ городов, прибыли монетного двора и прибыли от обмена денег, как и от обязательной отдачи благородных металлов.⁶⁴ Доходы с рудников как, например, с богатых залежей серебра рудников Бранковича в местности Новобрдо, являлись важными денежными источниками; это выясняется из письма государственного совета от 21-го июля 1455 года, в котором говорится о занятии вышеупомянутых рудников турками, которые тем самым отрезали „главный нерв нашей прочной обороны“⁶⁵ — из чего можно заключить, какое значение имели для развития военной силы золотые прииски, расположенные в комитате Гуниад, находящемся в руках Гуниади, а также и в Надбання, перешедшей впоследствии в его руки. К общим доходам страны Гуниади добавил из своих доходов: для военного похода в 1443 году 32 000, в последующем году 63 000 золотых и эти суммы он истратил „из своих собственных средств, не считая деньги, полученные из других источников.“⁶⁶

Для восстановления развалин городских стен, в 1454 году он сбавляет налог города Себена на 40 марок серебра и дает сборщикам налогов отдельное долговое обязательство в том, что если король не примет налоговый расчет, он из своих средств покроет недостаток.⁶⁷ Во время больших походов, кроме этих налогов, необходимы были и чрезвычайные военные налоги, которые при Сигизмунде взимались еще редко, но, начиная с Альберта, их стали взыскивать более или менее систематически. Однако, для этого необходимо было еще преодолеть большие трудности, которые состояли в том, что знать с одной стороны не противилась обложению налогами, но с другой стороны, под предлогом освобождения от налогов, или же по другим причинам, а иногда и просто насильственным путем, хотела поступающие деньги использовать для собственных целей. Характерно отметить при этом тот раздор, который возник в 1443 году (т. е. после укрепления власти Владислава в году „долгого похода“) между Циллей и уполно-

⁶³ *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 335., примечание № 2. В начале 1443 года Гуниади берет из „ценза“ города Брашо 50 марок серебром в качестве аванса на выплату жалованья наемникам. *Gelcich*, *Raguza*, стр. 465—466: вследствие воззвания Гуниади, Рагуза предлагает для военного похода, планировавшегося на лето 1447 года, 2000 золотых, которые должны быть уплачены при переходе Дуная.

⁶⁴ В 1443 году сейм принимает решение о чеканке новых и обязательном обмене старых монет, возлагая проведение этого постановления в жизнь на Гуниади (*Teleki* *Hunyadiak kora*, т. I. стр. 380, в отношении мер, которые Гуниади предпринял в этом деле см. там же стр. 384—385 и т. X. стр. 149); точно также в 1447—48 гг. (*Fejér*, *Genus*, стр. 107, см. *Hurmuzaki Documente*, т. XV. стр. 34.)

⁶⁵ „*Praecipuum illum durantis nostrae defensionis nervum*“, *Katona*, *Historica critica*, т. XIII. стр. 1010—1011.

⁶⁶ *Fejér*, *Genus*, стр. 71—75. (Свидетельское письмо капитула города Арада о признании Бранковича в том, что для возмещения одной части затрат, Гуниади передается Вилагошвар „хотя он заслужил и больше“.)

⁶⁷ *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 431.

моченными сеймом славонскими сборщиками налогов, Ласло Тёттёшом и людьми Детре Берзевици Похарнока. Сейм распорядился взыскивать налог, но его уполномоченные все-таки считали еще нужным испрашивать специальное разрешение у старшего Циллеи для сбора налогов в его владениях. Циллеи дал им защитную грамоту, но одновременно заявил, что она недействительна для сбора налогов в имениях его сына; наведенные сборщиками справки показали, что огромное большинство имений принадлежало его сыну. Итак, высланные сеймом сборщики налогов только даром потеряли время, но они заявили своим поручителям, что „мы боялись управляющих замков и служителей графа Циллей“. Впоследствии хорватско-славонский бан, представитель центральной власти Матко Таллоци, посредничал в ведении мирных переговоров между Теттешом и Циллей.⁶⁸ Весьма возможно, что имели место и другие такие случаи, вероятно, и денежные злоупотребления: на следующем заседании сейма было принято решение по упорядочению дел о непоступающих налогах.⁶⁹

Для выполнения задач, связанных с оборонной, Гуниади необходимо было энергично действовать против всех злоупотреблений и произволов. Он проводил это в жизнь не только путем постановлений сейма, но и государственно-административными распоряжениями. Так, например, в 1443 году он угрожал всей знати, которая будет препятствовать сбору налогов, потерей головы и благосостояния⁷⁰ а позднее, во время своего регенства, он довольно часто применял подобные устрашительные меры против имевшей власть знати, которая уменьшала королевские доходы (так, например, в 1448 году против Иштвана Банфи, который сопротивлялся уплате установленной цены на соль.)⁷¹ Выполнение подобных мероприятий всегда находилось в зависимости от действительных соотношений сил, но они во всяком случае имели больше веса, чем пустые постановления сейма. Все указывает на то, что Гуниади, будучи на вершине своей власти, в большинстве случаев проводил в жизнь свою волю. Этим и объясняются направленные против него барснами обвинения, что он якобы экспроприирует для себя доходы (т. е. не допускает расхищения казны баронами) и угнетает „страну“ (т. е. ограничивает баронов). Эти обвинения снова освещают одну очень положительную сторону деятельности Гуниади, т. е. направленную на то, чтобы покончить с баронскими злоупотреблениями и этим улучшить положение казны. Они были увековечены Сильвиусом Аэнеас, который резюмирует по этому поводу:

⁶⁸ Zichy-okmánytár (Архив Зичи), т. IX. стр. 55, 57, 58. Ввиду таких случаев статья 9 закона 1454 года, которая должна была быть строгой, подчеркивает, что необходимо составить реестр городов короля, королевы, деспота, Циллеи и другой знати, а также и в отношении Славонии.

⁶⁹ См. Kovachich J: Sylloge decretorum, т. I. стр. 74.

⁷⁰ Katona, Historia critica. т. XIII. стр. 246.; Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 332., 1. примечание.

⁷¹ Fejér, Genus, стр. 115—116.

„Как говорят — (т. е. бароны, недовольные деятельностью Гуниади) —; он в отсутствие короля управлял страной железным кнутом и не смягчал свои меры даже в присутствии короля“.⁷²

Все это способствовало успешной вербовке большого количества наемных солдат. Однако, Гуниади не был достаточно силен для того, чтобы совсем оттеснить баронов, прекратить их произвол, а еще меньше — получить всецело обратно экспроприированные ими королевские доходы. Нам известны его старания в этом направлении, но они не имели большого успеха. Ему довольно часто приходилось бороться с недостатком денег, с материальными трудностями. В такие времена случалось, что он возвращался к методам займов под залог имений, которые практиковались так часто при Сигизмунде, хотя в общем он стремился избежать таких сомнительных кредитных операций.⁷³ Случалось также, что он не мог выплатить жалованье солдатам. Но несмотря на это, солдаты все-таки оставались с ним. Они знали, что они получают свою долю и даже больше этого: после победоносных походов он всегда разделял добычу между ними. Бонфини рассказывает, что он в лагере Сехзбеддина нашел столько драгоценностей, „что разбогатеет не только каждый из его витязей, но и их наследники“. Весьма вероятно, что он это имел в виду, когда он во время своих различных переговоров подчеркивал, что для начала международного похода (с целью изгнания турок) достаточно иметь в распоряжении трехмесячное жалованье, а остальное найдется у неприятеля.⁷⁴ Солдаты любили его и доверяли ему. Ранзанус пишет, что у Белграда сражались вместе с ним его старые витязи, которые явились туда по его призыву.

По нашему мнению, все вышесказанное в достаточной мере доказывает, что, во первых, наемный элемент являлся с самого начала решающим фактором в походах и в военно-организационной работе Гуниади и, во вторых, он стал таким же и внутри государственной военной силы во время деятельности Гуниади как главнокомандующего, и регента. Это утверждение доказывается не только уже приведенными, но и ниже следующими данными относительно значения наемных солдат. Но оно получает полное подтверждение, если мы исследуем, какую роль сыграли старые элементы военной силы в войнах Гуниади. Мы уже упомянули;

⁷² „Absentē rege provinciam ut ajunt virga ferrea gubernavit, nec, dum rex adfuit, minor eo habitus fuit“ Europa I. глава. (*Teleki*, Hunyadiak kora, т. II. стр. 449., 1. примечание; он старается оградить Гуниади от „обвинения“ и не видит действительного смысла последнего).

⁷³ В 1450 году он, для финансирования похода против Гискра, закладывает на сумму в 1000 золотых г. Чонград, который он только что выкупил из прежнего залога. *Károlyi-oklevéltár* (Архив Кароли), т. II. стр. 291.; в 1454 году он для защиты крепости Сёрень передал бану в Сёрень Петру Данчу в счет израсходованных 1500 форинтов, имения в комитате Темеш (Госархив *DI.* 44.271.); в 1456 году он предоставил своему кастеляну в Бестерце, в счет уплаты жалованья, участие в находящемся там имении с домами, виноградниками и участками под мельницами. (*Teleki Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 491.

⁷⁴ См. напр. *Fejér*, *Genus*, стр. 216—218.

что Гуниади не хотел исключить из боевого состава эти элементы, напротив, он всячески старался заставить их и дальше исполнять свои обязанности. В отношении к оставшимся элементам были приняты многочисленные решения в сейме, последовали строгие распоряжения. Однако, другим вопросом является, насколько они были исполнены.

В эти годы довольно часто призывалось дворянское ополчение. Под предлогом призыва на военную службу отсрочивались многочисленные процессы и по числу этих отсрочек можно было заключить, что дворянство, по крайней мере в критические времена (так например после падения Варны в 1445 году и Константинополя в 1454 году) действительно сражалось в рядах армии. Однако, даже и в эти критические времена, мы не можем найти надежного следа, указывающего на то, что дворянство действительно воевало с турками. В 1454 году было опубликовано особенно строгое постановление и Гуниади принимал все необходимые меры для его проведения, даже настолько, что не обращал внимания на освобождение от воинской повинности, выдаваемо королем. Так, например, в феврале (значит уже после опубликования строгого постановления), Миклош Варнаи был освобожден королем на один год от всякой воинской повинности, а особенно от призыва на войну против турок, так как он, якобы, занят обороной своих имений; тем не менее, мы встречаем его в августе в Бече, где он жалуется на „бистрицкого графа“, который приказал ему вступить в ряды армии; характерным для его боеспособности является то, что у него за несколько дней до срока вступления в армию еще нет никакого снаряжения: в письме брату он просит о присылке оружия.⁷⁵ Так могло случиться то, что ополчение, о котором было издано строгое распоряжение, несостоялось: в 1454 году Гуниади боролся против турок „со своей собственной ратью“, ⁷⁶ таким же образом он приготавлился в следующем году „cum nostris gentibus“ пойти в Молдавию, которой угрожали турки и которая была вынуждена платить ежегодную дань.⁷⁷ Дворянское ополчение было призвано также в 1456 году, когда султан угрожал „ключу страны“ Белграду. Но, как нам известно из описаний Яноша Таглиакоцци, а также других повествователей, дворянство не принимало участия в этом походе и осталось в стороне. Характерен тот обмен письмами, который имел место перед большой схваткой между Гуниади и трансильванскими саксонцами: 12 июня Гуниади, на основании объявленного ранее королевского указа, призывает саксонцев вступить в армию и направить к нему все конные и пехотные военные силы; 10

⁷⁵ Zichy-okmánytár, т. IX. стр. 422—423 и 461—462.

⁷⁶ „Personaliter cum gentibus nostris“, *Katona*, Historia critica, т. XIII. стр. 963—967., *Fejér*, Genus, стр. 202. прим.

⁷⁷ Történelmi tár (Исторический архив), 1901, стр. 182—183. В отношении событий в Молдавы см. *M. Costăchescu*, Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare т. II. Бухарест, 1932. стр. 801., см. *Babinger*, Cel dintîi bir al Moldovei către sultan. Сборник в честь Lăpedatu, Бухарест, 1936. стр. 29—37.

днями позже он вновь призывает их, угрожая обвинением в измене; 3 июля он опять им пишет, указывая на то, что их делегаты сами видели, что он уже находится в соприкосновении с неприятелем и просит их притти скорее, днем или ночью — однако, саксонцы не пришли.⁷⁸ Но они все-таки прислали своих делегатов, ссылаясь на то, что они должны оборонять границы Валахии, в то время как комитатские дружины даже этого не сделали.

От бандерии Гуниади также не получил значительной помощи. Когда под Белградом решалась судьба страны, все его оставили и он мог рассчитывать только на свои собственные силы. Когда весть о приближении турок распространилась по всей стране, король скрылся вместе со своим главным советником Циллей. „Он отправился на охоту и больше не вернулся обратно“ — писал о нем потрясенный папский посланник.⁷⁹ У Туроци мы читаем, что „знать как будто спала глубоким сном и не послала вооруженную помощь крепости, которая находилась на краю гибели“. Янош Таглиякочони рассказывает, что из высшей знати явился на поле битвы только непосредственно заинтересованный мачонский бан Янош Короди, старый соратник Гуниади. Ни один барон не принимал участие в походах против турок в пятидесятых годах этого столетия. Раньше, перед поражением на Косово Поле, когда Гуниади еще находился на вершине своей власти и пользовался полным авторитетом, ему еще удавалось с трудом получить некоторую поддержку, но и тогда большая часть знати, особенно самые могущественные, отсутствовала. В этом отношении необходимо отнестись весьма критически к рассказам придворных повествователей, а также и к документам того времени, в которых прославляются заслуги знати: они специально изготовлялись по внушению заинтересованных кругов, отражали их мнение и часто противоречили действительности. Вследствие некритического отношения к таким документам, можно встретить в литературе, например, такие мнения, что в бою на Косово Поле „осталось на поле брани почти все венгерское дворянство, или же, по крайней мере, его отборная часть“.⁸⁰ Однако, в действительности в этом сражении участвовала только незначительная часть магнатов, исключительно одиномышленники Гуниади, так называемые „содлаты-магнаты“ (члены семейств, которые за боевые заслуги были приняты в дворянство), как например Янош Секели, Короди, Франко Таллоци. В стороне остались те дворянские семейства, а также и высшее духовенство, которые владели самыми крупными поместьями и в течение целых поколений занимали высшие посты в государстве. В „долгом походе“, в котором принимал участие и сам король, мы встречаем в его свите и нескольких

⁷⁸ *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 525, 526, 528.

⁷⁹ *Fejér, Genus*, стр. 222—223., см. Bonfini, т. III. стр. 8., Turóczy y Schwandtner т. I. (1765), стр. 422.

⁸⁰ *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 99., подобно *Hóman - Szekefi, Magyar Történet* (История Венгрии) 2-ое изд. т. II. стр. 440.

магнатов, но в походе на Варну и они отсутствовали (из участников этого похода нам известны, кроме двух епископов городов Эгера и Варада, только магнаты Франко Таллоци, Генрик Тамаш и Степан Батори). Уже современники отмечали, что бароны в большинстве случаев не желали нести тяжелое бремя походов. Так, например, в посвященной Гуниади эпитафии в стихах Тамаш Ниркаллои обвиняет баронов в том, что „они стали слабыми, благодаря своим злодеяниям“, заботятся только о своем животе „для защиты родины и народа зябнут итти в бой“. „Плачут Темешвар и Трансильвания, которые когда-то защищал щит Гуниади“, но с тех пор как он умер, турки свободно могут насильничать и грабить.⁸¹ Существуют правда источники, например, среди повествований итальянских гуманистов, которые упоминают „воинственность“ венгерских баронов, но это относится скорее к внутренним сражениям и опустошениям (а отнюдь не к походам против турок), как это ясно видно по докладу папского легата из эпохи Матиаса, о котором мы уже выше упоминали.

Исторические источники, разрабатывавшие события в феодальном духе, исключительно доверявшие преданиям придворных писателей и умалчивавшие о вышеприведенных фактах, в общем, дают совершенно неправильную картину о „военных жертвах дворянства“ и о действительных компонентах армии Гуниади. В противоположность этому фактом является то, что параллельно все нарастающему значению наемников, бандерии, равно как и вассальные войска отдельных магнатов и дворянские ополчения комитатов, почти совершенно снимали с себя бремя ведения войны. Энергичные действия Гуниади, повторные постановления сейма, а также все усиливающиеся угрозы о наказании виновных не привели к улучшению положения. Напротив, все возрастающие репрессии (штрафы, угрозы потери гословы и конфискации имущества) указывают на то, что на практике дворянству удалось сорвать все постановления сейма. И так как реализация репрессий всегда зависела от соотношения сил, на что мы уже указали, то и Гуниади даже на вершине своей власти был не в силах принудить большинство дворянства к участию в военных походах. Когда знать примирилась с тем, что Гуниади использует и остальные королевские доходы на развитие наемной военной силы, она под этим понимала то, что таким образом она освобождается от личной воинской повинности. В этом отношении характерно, что когда сейм в 1447 году расширил права регента на использование доходов, он одновременно ограничил их по отношению призыва дворянского ополчения.⁸² Ввиду все нарастающей опасности со стороны турок, магнаты разрешили

⁸¹ Kovachich M., *Scriptores minores*, т. II. стр. 5.

⁸² Kovachich M., *Sylloge decretorum*, т. I. стр. 116; Teleki, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 40—41., см. т. I. стр. 517. Регент теперь уже может без вмешательства так наз. регентского совета свободно использовать доходы от камер. Однако, как и бан Славонии, он имеет право призывать дворянское ополчение только в случаях крайней опасности.

использование доходов в случае крайней нужды и соглашались еще на взыскание чрезвычайного налога с *крепостных*, но вступить *сами* против турок они были несогласны.

Это сопротивление несению тягостей войны отнюдь не означало, что они соглашались предоставить Гуниади свободу действий в области подготовки походов, а особенно в отношении организации армии. Мы уже видели, что бароны, сохраняя в силе свои „диспозиции“, желали и в дальнейшем иметь влияние на новые элементы в структуре армии. Поэтому Гуниади было необходимо не только бороться за обеспечение необходимых средств на создание наемной армии, но, весьма вероятно, в еще гораздо большей мере — за освобождение этой ценной части военной силы от влияния баронов. Бароны жаловались, ввиду этого мы считаем весьма возможным, что стремления Гуниади в этом направлении — если и не полностью, то во всяком случае большей частью —, имели успех. *Этим он заложил основы создания армии, которая, независимо от феодальных элементов, была в состоянии осуществить задачи турецкой войны и государственной централизации.* В противоположность последним утверждениям военной историографии XV века⁸³ мы, благодаря вышесказанному, с полным правом можем оценить Гуниади как новатора, даже если бы он не сделал ничего другого. Но как мы еще увидим, он создал и другое.

* * *

В войсках Гуниади в каждом решающем случае мы встречаем в большом количестве крестоносцев и народных ополченцев. Так, например; нам известно, что под Белградом военную силу против турок составляли преимущественно крестоносцы, не считая наемных войск Гуниади, пришедших на его зов старых соратников и бригады Короди.⁸⁴ Но и в прежних, менее известных походах под знаком креста, или без него, мы находим, наряду с регулярными войсками, народных ополченцев, так называемых „provinciales“. В 1442 году Гуниади призывает к оружию против Мезида, кроме секлеров (венгерская народность в Трансильвании) также и „крестьян и горожан“, таким образом, через несколько дней после поражения под Сентимре, собирается та армия, которая при поддержке попавших в плен к туркам „provinciales“, наконец одерживает победу. Против Сеха-беддина Гуниади подготовился таким образом, что кроме своих латников, численностью в три „легиона“, он опирался на „жителей и, главным образом, на секлеров“; благодаря последним его армия увеличилась прибли-

⁸³ *Tóth Z.*, A hadviselés átalakulása (Преобразование ведения войны). Magyar művelődéstörténet (Венгерская история культуры) под ред. S. Domanovszky, т. II. стр. 213.: „Оба Гуниади не были новаторами в военном деле“.

⁸⁴ Данные составил *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади) т. II. стр. 417—418., но он принимал во внимание некоторые источники сомнительного характера, например, данные из *Historia Foszensis* относительно 200 рыцарей Генрика Розенберга, на которые в других источниках ссылки нет.

жительно до 15 000 человек.⁸⁵ По данным Каллимаха и по источникам, в „долгом походе“ в 1443 году, как мы об этом уже упомянули, принимало участие значительное число крестоносцев, часть в качестве наемных солдат, а другая, большая часть, в качестве добровольцев. Среди них были чехи, поляки и „другие нации“. Впоследствии к ним присоединились сербы, боснийцы, валахи и по мере продвижения армии вперед и новые добровольцы из освобожденных от турок местностей.⁸⁶ Среди ополченцев находились также венгерские крепостные, которых Гуниади мобилизовал в предыдущем году: по его распоряжению поджупан комитата Арад, Михаил Доци выдал 9 февраля крепостным этого комитата — безразлично, где они живут — открытый лист в том, что если они присоединятся к „действующей всеобщей армии“, они свободно могут туда ехать.⁸⁷ Главная причина неудачи состоявшегося в следующем году похода на Варну заключилась именно в том, что численность армии была гораздо меньше, чем при наступлении в предыдущем году; ввиду полученных сведений о состоявшемся заключении мира, польско-румынские вспомогательные отряды отправились домой, венгерские ополченцы также разошлись и когда было принято решение о наступлении на Варну, уже не было времени к их новому призыву. Поддержка со стороны балканских государств также не последовала, частью ввиду заключения мира, частью же из-за других причин.⁸⁸

Кто были эти ополченцы? Вряд ли это были дворяне, т. к. они, как мы видели из ранее сказанного, старались избежать походов, особенно тогда, когда за это не получали денег. Ответ несомненен, хотя наши источники, под влиянием придворных дворян, вообще обходят молчанием происхождение этого элемента военных сил страны, но все же они ясно указывают на его состав. Бенфини, вне всяких сомнений, говорит в связи с событиями 1442 года, что кроме секлеров восстали и „крестьяне и дворяне“;

⁸⁵ См., главным образом, описание Бенфини, т. III. стр. 5: „paganos aequae ac urbanos omnes publico edicto militare imperat“; свое доверие он возлагает на „provincialibus et praecipue Scytulis“, см. Turóczi у Schwandtner, Scriptores т. I. (1765) стр. 407.

⁸⁶ См. письмо Гуниади, написанное им 8 ноября Уйлаки: „Армия растет с каждым днем, каждый день приходят к королю с подарками болгары, боснийцы, сербы“ Katona, Historia critica, т. XIII. стр. 251., Fejér, Genus, стр. 55.; состав армии освещает переписка Цезарини, см. Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 335. также Hadtört. Közl. (Военно-исторические сообщения), 1919. стр. 35—38.

⁸⁷ Вольную грамоту опубликовал сто лет тому назад Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 124., но литература не обратила на это внимания, даже автор не считал нужным отметить, что в данном случае речь идет об ополчении крепостных: в описании он только в общих чертах говорит об организации „бригад“ Гуниади. (Т. I. стр. 332., 2. прим.). Историки из дворянства стремились замолчать или же уменьшить роль крепостных солдат.

⁸⁸ Второй причиной беды была, как известно, неудовлетворительная деятельность папского венецианско-бургундского флота, который должен был препятствовать переброске войск султана, с другой стороны — предательство генуэзских горожан. В этом отношении нам более важными источниками являются: Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 412., а по отсылке домой крестоносцев, кроме Длугоса и Каллимаха см. у Schwandtner, Scriptores. Т. II. (1765) стр. 181,

арадский жупан выдает пропуск наемникам в 1 443 году. Точную ориентировку в этом отношении дает описание от 1 456 года Яноша Таглиакоцци, монаха-францисканца, который сам участвовал в вербовке крестоносцев. По этому описанию, „все собравшиеся были выходцами из народа — крестьяне, бедняки, сельские священники, студенты, странствующие монахи . . . Они были плохо вооружены и имели лошадей только для перевозки продовольствия . . . В большинстве случаев у них были сабли, дубины и пращи, как у пастухов, встречались у них также и самострелы, лук со стрелами и ружья с рогатком, свинцовые пули и железные крюки“. „Крестьяне, земледельцы, мотвижники“ — писал о них другой монах-францисканец Николай де Фара.⁸⁹ Туроци также подчеркивает народный, большей частью крестьянский состав армии. В Германии, в Польше и в Венгрии вербовки производились, главным образом, „среди крестьянских масс“ (*multam, maxime popularis conditionis plebem*). Очень многие пришли из Венгрии, а из Польши — 300 человек. Эта армия одержала победу над магом-завоевателем, „который хотел властвовать над всей землей . . . победила крестьянская рука, более опытная в употреблении мотыги, чем оружия“.⁹⁰

„Здесь были представлены те слои общества, из которых 50 лет спустя Дьёрдь Дожа сформировал армию крестьянского восстания. Восставший народ был плохо снаряжен и только наскоро обучен. Но этот народ был полон решимости защищать свои бедные избышки от поджога, свою семью от рабства и свой скот от угона, он был полон решимости оборонять то, чем для него являлась родина в условиях феодального общества.“⁹¹ Эта масса „бедняков“ имела решимость и воодушевление для обороны родины, что, как мы видим, отсутствовало среди привилегированных „жителей страны“ (*regnicola*), которые эксплуатировали государство для своих личных выгод. Таким образом, под Белградом, составленная из крестьян, деревенской и городской бедноты, из плебейских элементов, собралась та огромная масса народа, которую современные источники оценивали в 30—40 и даже в 60 тысяч человек.⁹² Между ними были иностранцы и, кроме чехов, поляков, немцев и австрийцев, о которых упоминает Туроци, один из источников особенно подчеркивает храбрость отряда венских студентов.⁹³ Однако, большая часть иностранных крестоносцев опоздала.

⁸⁹ *Katona*, *Historia critica*, т. XIII. стр. 1078—1079.: „omnes, qui convenerant, erant populares, rustici, pauperes, sacerdotes, clerici, scholares, studentes, monachi, fratres diversae religionis merciantes . . .“ и там же стр. 1097.: „agricolae, fossores et aratores“.

⁹⁰ *Schwandtner*, *Scriptores*, т. I. (1765) стр. 438, 442—449. „Qui solus cuncta terrarum orbi dominari volebat . . . rusticanam per manum, quae potius sarculum quam arma tractavit, devictus est.“

⁹¹ *Molnár*, Ук. соч., стр. 288—289.

⁹² Цифровые данные составил *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуннади), т. II. стр. 418.

⁹³ *Muratorì*, *Rerum Italicarum Scriptores*, т. XXIII. стр. 59; *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуннади), т. II. стр. 437.

Главная масса их прибыла под Белград только осенью, вместе с армией короля и, оставшись без вождя, не выполнив свою задачу, вернулась оттуда домой.⁹⁴ Большая часть этой армии, сражавшейся с султаном, по сообщениям Турочи и Фара, собралась в Венгрии, главным образом, в южных областях страны.

Успехи вербовки литературные источники большей частью приписывают пламенным речам монахов-францисканцев, а особенно Капистрана. Но с этим мнением трудно согласиться. Только одна группа источников подчеркивает роль францисканцев, но эти источники, в конце концов, сводятся к одному, из которого они заимствовали эти вести, а именно к сообщению монахов, действовавших в непосредственном окружении Капистрана. Эти источники в интересах Капистрана и в других областях искажают действительные факты.⁹⁵ Путем сравнения и сопоставления данных из других источников мы получим совершенно другую картину. Вербовка шла медленно и в начале имела мало шансов на успех. Сам Капистран хотел начало года посвятить обращению трансильванских румын; 6-го февраля был объявлен крестовый поход в Буде, а в мае-июне едва ли были уже какие-либо результаты.⁹⁶ В том, что результаты запаздывали, большую роль играло то, на что особенно указывает один из современников — Ранзанус, а именно, что народ не понял итальянской речи Капистрана, а на слова переводчика не обращал внимания.⁹⁷ В середине мая число крестоносцев было еще настолько незначительно, что Гуниади отговорил легата выступать в пограничные провинции, потому что его армия настолько мала, что она только поднимет дух турок.⁹⁸ В середине июня в это дело вмешался Гуниади и предложил переместить центр вербовки на юг, потому что там всегда легко можно уговорить людей на бой с турками.⁹⁹ После этого начался приток крестоносцев к Земуну; в начале июля первые отряды прибыли на 5 лодках, а Капистран тотчас-же должен был вернуться за новыми. Ясно, что перемена в делах вербовки находилась в тесной связи с вмешательством Гуниади. Народ пограничных

⁹⁴ *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 423., 453, 473—474.

⁹⁵ Напр. в связи с битвой на воде и направлением отражения решающей битвы см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 419—433. *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1913. стр. 578—583. — В связи с этим следует отметить много оспаривавшееся замечание Сильвиуса Энеаса: „Капистран презирал светскую роскошь, избегал развлечений, обуздывал желания тела, но не желание достичь славы“ *Hist. Bohem. LXV*; а также и *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 440; так как мы здесь не можем подробно обсуждать этот вопрос, только вкратце заметим, что мы и в другом отношении не согласны с распространенным в литературе мнением о роли Капистрана, идеализирующим его.

⁹⁶ *Fraknoi*, Ук. соч., стр. 93—96.

⁹⁷ *Schwandtner, Scriptorum*, т. I. (1765) стр. 645.

⁹⁸ *Történelmi tár* (Исторический архив), 1901. стр. 201—202. (Среди турок была распространена весть, что легат сосредотачивает большую армию внутри страны.)

⁹⁹ Там же, стр. 215—216. В этом духе уже раньше писал калочский архиепископ: Капистран теперь должен отправиться на юг, потому, что там результат обеспечен; в отношении дворянской дружины там-же, стр. 203—204. Теперь легат дает указание Капистрану: „Все должно быть так, как решит Гуниади“. Там-же, стр. 214.

областей, который в прошлом уже не раз боролся рядом с ним против турок, и на этот раз с радостью брался за оружие на его зов. Это конечно, не означает, что ополченцы из других частей страны не откликнулись бы на призыв в поход, а также, что энтузиазм крестоносцев и их волю к борьбе не усиливали проповеди монахов-францисканцев, в особенности; если эти говорили на их языке и оглашали отпущение грехов, так как в эту эпоху, когда „души масс питали исключительно религией“, религиозная подкладка, вероятно, действовала и была необходима. Но это не имело решающего влияния на ход событий. В 1442 году не объявляли ни паломничества, ни крестового похода, однако, ополченцы, „provinciales“, „pagani ac urbani“ все-таки сражались в армии Гуниади. Очевидно, это были те же самые „бедные люди“, которые сражались рядом с ним под Белградом. Крестьяне и плебейские элементы систематически поддерживали Гуниади в его походах, независимо от того, вербовали ли их францисканцы с обещанием отпущения грехов, или нет. Из этого следует, что кроме религиозной подкладки, их движение в 1456 году имело и другие мотивы.

По указаниям классиков марксизма-ленинизма, характер и цели войны определяют поведение воюющих народов. Когда народ ведет справедливую войну и когда цели войны совпадают с основными интересами народа, естественно, что тогда народные массы поддерживают войну и сражаются самоотверженно. Это объясняет участие масс из слоев бедноты венгерского народа в турецких войнах Гуниади. Эти войны и по своей сущности и по целям имели характер обороны, совершенно независимо от того, кто и когда их начинал и на чьей территории происходили отдельные военные операции. Они имели цель оттеснить турок, которые разрушали и опустошали страну, защитить Венгрию от нападения захватчиков, восстановить независимость угнетенных балканских народов и прекратить ту вечную угрозу, которая задерживала их национальное развитие. Это были войны за правое дело и служили насущным интересам, как венгерского, так и соседних с ним народов, так же как и те освободительные войны, которые вел русский народ в XII и XIV веках против завоевавших и разрушающих русскую землю татар. Венгерский народ, равно как и народы угнетенных балканских стран, как мы видим по событиям 1443 года, чувствовали это и именно поэтому их массы „поддерживали войну и участвовали в ней самоотверженно“. Естественно, что в первую очередь и наиболее решительно проявил себя народ южных окраин страны, во-первых потому, что он непосредственно чувствовал опасность, а во-вторых потому, что был более давно и более близко связан с Гуниади.

У нас имеются данные, согласно которым народ вдоль южных границ страны, еще до Гуниади, стремился с оружием в руках отражать нападения неприятеля. Однако, представители государственной власти до Гуниади никогда не давали ему возможность осуществлять это. Мы уже видели как сорвало дворянство закон об учреждении „земской рати“.

Еще в большей мере сопротивлялось оно ополчению крепостных крестьян и их вооружению в широких размерах. Часто в исторических источниках мы встречаем случаи, когда помещики при междоуссбиях или в случае грабительских войн мобилизовали часть своих крепостных крестьян, но всегда только в форме дополнительных частей своего собственного войска и под контролем последнего, в большинстве случаев для вспомогательной службы. Это не представляло собой опасности для господствующего класса. Весьма другой оборот могла бы иметь мобилизация крепостного крестьянства целого комитата или целой части страны. В случае крайней нужды руководители южной пограничной обороны попытались сделать и это, но тогда они мобилизовали ополченцев только для вспомогательной службы и не дали им в руки оружия. Николай Македонский, например, одержал в одном случае победу над ворвавшимся с целью грабежа отрядом турок таким образом, что напал на них ночью, а одновременно крестьяне окружающей местности, снабженные барабанами и трубами, гнали свои стада с большим шумом на спящий лагерь.¹⁰⁰ Не было и речи о том, чтобы снабдить крепостных оружием или же систематически втягивать ополченцев в организацию обороны. Гуниади это сделал. Наряду с этим он занимался с ополченцами, учил их пользованию различного рода оружием, проводил упражнения в замкнутом военном строю и с передвижением войск в связном порядке, наступательные и оборонительные маневры по различным сигналам, одним словом, он стремился внушить им все то, что он усвоил из военной науки того времени.¹⁰¹ И то, что он имел успех в этом отношении, доказывают результаты его военных походов. В бою против Сехабединна, где в войсках Гуниади принимали участие, главным образом, ополченцы, было характерно то, что наряду с высшим подразделением военного строя бросалось в глаза хорошее согласование при передвижении войск. В одном тяжелом сражении „долгого похода“ решающую роль сыграла атака крестоносцев, которые спрятались в кустах и как раз в нужный момент напали на турок и своими длинными пиками пугали их лошадей. В сражении за Белград, несомненно, в первую очередь достойным удивления является отважное, геройское поведение ополченцев, но одновременно не подлежит сомнению и то, что бой на воде, оборона крепости и, наконец, победоносная вылазка были результатом не только мужества, но и хорошей организации и согласованности военных действий.¹⁰²

¹⁰⁰ Bonfini, т. III. стр. 3.

¹⁰¹ Согласно сообщению Яноша Таглиякоци, *Teleki*, Hunyad'ak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 423—424., срав. Турочи: „cruce signatam quicque gentem, cum popularis esset conditionis, armaque vertere esset ignara... in quantum potuit bello adaptavit“.

¹⁰² Мы не можем согласиться с тем, что пишет З. Тот о народном ополчении в своем труде на стр. 216: „Этот слой общества мог быть храбрым и самоотверженным и таким и был, но в военном деле он мало что понимал и без дальнейшего развития и основательней организации он никогда не мог стать серьезным участником в сражениях.“ В отношении таких требований специальных знаний см. *Molnár*, Ук. соч. стр. 288.

Гуниади, таким образом, и тут оказался новатором. Это новаторство происходит непосредственно из потребностей южного фронта, из ясного осознания турецкого метода ведения войны, который требовал массовой мобилизации людей. Но на заднем плане выявляется то стремление Гуниади, которое уже наблюдалось в других областях, а именно: изменить характер организации армии, ее существенный состав. Судя по достигнутым *результатам*, он во всяком случае ослабил феодальный элемент в организации армии, сократил его относительный вес: он действовал в том же направлении, как и при развитии наемного войска, преследуя при этом цель централизации при вербовке наемников и ликвидацию влияния баронов. Следовательно, и с этой точки зрения, а не только из-за достижения непосредственной цели походов, нам необходимо в высокой степени оценить его деятельность, которая в значительной мере, наряду с большой практикой наемников, а также, как, например, под Белгадом, с геройским поведением народных ополченцев, способствовала всемирно известной победе над турками.

Отношение Гуниади к народным ополченцам несомненно способствовало тому, что „бедные люди“ окружали его доверием и любовью. В связи с этим Туроци пишет, что когда он (Гуниади) был выбран регентом страны, *народ*, а не только „жители страны“, а именно „*cuncta Hungarici regni plebs*“ во всей стране торжествовал и ликовал. Эта любовь впоследствии распространилась и на его семью: не было случайностью то, что при казни Ласло в Буде, придворные люди боялись народного восстания, в первую очередь восстания рабочих виноградников.¹⁰³ Такое отношение народа к самому крупному помещику страны и к его семейству нельзя объяснить только тем, что в имениях Гуниади крепостные были в лучшем положении, чем в других имениях (это относится, например, к тому, что они имели право свободно передвигаться), повод к этому в гораздо большей мере кроется в общеизвестной борьбе, которую Гуниади вел с одной стороны против турок, а с другой стороны — за ограничение власти баронов. Почти весь народ знал об отдельных распоряжениях Гуниади в целях прекращения насильственных действий, для предотвращения задержки крепостных и их насильственного переселения, в пользу защиты порядка и судопроизводства в свободных королевских городах, против произвола высшей знати, наместника и верховного судьи. Но они также знали, что он борется за безопасность дорог, за прекращение опустошений и грабежей, против насилия высшей знати. Таким образом его поддерживали все те элементы, которые были в этом заинтересованы и видели в нем представителя своих намеченных целей. Особенно это

¹⁰³ *Teleki*, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 510., 516. (По Разанусу восстание вспыхнуло и было подавлено оружием). Относительно выбора регента см. там-же т. I. стр. 510, или же *Teleki*., *Az országos tanács és országgyűlések története*. (История государственного совета и сеймов в 1445—1452 гг.), Пешт 1859, стр. 40—42.

относится к крепостным, к бедному населению городов и деревень, которое больше всего страдало от беспрестанных внутренних войн, насилий и нарушений законов. Война против турок, усиленная защита государственных границ, следовавшие одна за другой победы — все это влияло в том же направлении. С определенной ясностью указывают на это современные писатели, а также тот доклад папского легата, который, исследуя соотношение сил в начале царствования Матиаса, усматривает главную опору королевской власти в том, что его отец сделал столь выдающиеся дела в борьбе против турок и что „поэтому весь народ и его любит“.¹⁰⁴

Таким образом, мы видим главную причину популярности Гуниади в том, что он в двух основных линиях своей политики: во внешней политике — в борьбе против различных проявлений феодальной анархии — преследовал цели широких народных масс, защищая их действительные интересы. Его популярность сказывалась и в том, что народные ополченцы всегда слушались только его и меньше или совсем не подчинялись другим. Этим и объясняется вначале безрезультатная вербовка для защиты Белграда, которая после его вмешательства имела массовых успех.

Резюмируя, мы можем установить, что *Гуниади в своей военной политике против турок является носителем интересов народа, поэтому народ окружал его любовью и доверял ему и он мог положиться на активную вооруженную помощь со стороны народа.* На турецком фронте он развил народное ополчение в постоянный и значительный элемент военной мощи; этим он решил основную проблему войны против турок, которая требовала мобилизации больших масс; одновременно он сделал дальнейший важный шаг вперед в отношении удаления феодальных элементов из вооруженных сил, уменьшая и в дальнейшем силу их влияния.

* * *

Остается еще исследовать, какие дальнейшие изменения, благодаря изменившемуся составу армии, произошли в способе ведения войны. В связи с этим необходимо еще выяснить бесчисленные детальные вопросы. Здесь приводятся только некоторые, самые важные из них. Такими являются: новые рода оружия, ведение войны, основанное на расчлененном порядке и, наконец, проблема наступательной тактики.

В войсках Гуниади мы встречаем уже разнообразные виды оружия. Согласно описаниям Бонфини, он имел в 1442 году, кроме легкой и тяжелой кавалерии, всадников с самострелами, тяжелую и легкую пехоту (с копьями и стрелами), телеги нагруженные оружием. В 1443 году упоминаются, в отличие от обозных подвод, его боевые подводы и сопровождающая их чешская пехота. В 1448 году появляются, наряду с всадниками,

¹⁰⁴ „... multa egregia gessit pro regno contra Turcas — idcirco Mathias a populis amatur,“ *Kovachich M.*, *Scriptores minores*, т. II. стр. 29.

лучники, пехота с щитами, гренадеры, а также заграждения из повозок по „чешскому образцу“, различные военные орудия, мортиры и „зароботан“ пушки монтированные на подводы. В 1456 году встречаются и у слабо вооруженных ополченцев огнестрельные оружия и самострелы: баркасы, предназначенные для нападения на турок они наполняли большим количеством огнестрельного оружия и метательных орудий. Из новых родов оружия, которые находились в полном развитии в эпоху Матиаса, одновременно с баркасами появились и речные гайдуки.¹⁰⁵

Согласно вышесказанному мы видим развитие следующих родов оружия: тяжелая и легкая кавалерия, тяжелая и легкая пехота, боевые повозки, метательные орудия, артиллерия и речные гайдуки. Большинство из этих родов оружия находилось в стадии развития, их численные и структурные соотношения не освещаются историческими источниками. Весьма сомнительным является, имел ли каждый из этих родов оружия постоянные рамки, а если имел, то какой именно числительности. По всей вероятности, обозников и, возможно, и часть пехоты вербовали только в начале похода, а пополнение их производилось уже во время похода.¹⁰⁶ С другой стороны, из описаний сражений можно более или менее точно установить значение отдельных родов оружия и согласованность их действий. Для этого мы должны анализировать некоторые сражения Гуниади. При этом мы основываемся на его победе над Сехабедином и на его поражении на Косовом Поле.

Султан поручил беглербеку Сехабедину завоевать Валахию и Трансильванию и для этой цели предоставил ему соответствующее количество отборных войск, состоявших из румельского войска в полном составе, нескольких анатолийских дивизий, акинджиков и нескольких тысяч янычар. В сражении турецкий вождь применял обычную тактику: на середину он ставил янычар, по флангам — кавалерию и будучи уверен „в силе и быстроте своих войск“, он стремился сделать обход. В противовес численно превосходящему противнику, Гуниади старался придерживаться чрезвычайно расчлененного военного порядка и приказал своим солдатам ни в коем случае не нарушать этот строй. На середину он ставил пехоту, впереди — тех, кто вооружен тяжелым оружием, а позади лучников и копьеносцев, по обоим сторонам пехоты он сосредоточивал два каре тяжелой кавалерии. На флангах перед каре из тяжелой кавалерии разворачивалась легкая кавалерия и позади каре устанавливались самострелы и пушки, повозки формировались в заграждение. Наступление начала находящаяся в центре тяжелая кавалерия Гуниади

¹⁰⁵ В отношении речных гайдуков см. *Szentkláray, A dunai hajóhadak története* (История дунайских военных флотов), Будапешт, 1889, а в связи с остальным собранные источники см. *Teleki., Hunyad-ak kora* (Эпоха Гуниади), т. I-II.

¹⁰⁶ *Tóth Z., Mátyás király idegen zsoldosserege* (Иностранное наемное войско короля Матиаса), стр. 99.

в направлении на янычар, находящихся в середине фронта турок, считывая, повидимому, на фронтальный прорыв. Латники убили большую часть янычар, но одновременно турецкая кавалерия отеснила на флангах легкую кавалерию Гуниади. Последняя отступила за каре тяжелой кавалерии, которая приняла атаку более слабо вооруженной турецкой кавалерии и отразила ее. Тогда беглербек бросил в бой свои резервы; ему удалось отразить попытку Гуниади прорвать его фронт и даже отеснить обратно его тяжелую кавалерию. Теперь Гуниади меняет свою тактику и дает приказ строю повозок (*cartorum agmina*), двигаться вперед, а с их бойцами (*essedariis*) он старается тайком обойти турецкие фланги. Обход удается сперва на правом фланге: на турок сзади падают снаряды, огненные стрелы и одновременно начинается новое фронтальное наступление. Фланг не выдерживает давления, обращается в бегство и тянет за собой противостоявший до сих пор другой фланг. Судьба боя решена, беглербек с остатками янычар спасается бегством.¹⁰⁷

К бою на Косовом Поле Гуниади готовился продолжительное время. Его приготовления замедлялись тем, что он не получил от римского папы ожидаемой помощи. Но и без этой помощи он завербовал большое число наемников, преимущественно опытных чешских и немецких солдат. Если он и не имел столько людей, как это приводится в балканских описаниях (Туроци приводит 24 000, Халкокондилас вдвое большее количество), но все же его армия была так велика, что султан счел нужным сконцентрировать против него свою военную силу.¹⁰⁸ Свое войско он хорошо вооружил; источники упоминают значительное количество огнестрельного оружия и боевых орудий. Для прислуги прикрытия он определил важные, самостоятельные задачи, как это явствует из его письма, которое он в конце июля написал совету города Пожонь (Братислава). В этом письме он говорит о необходимости скорейшего отправления подготовленных повозок, и мортир, так как турки, по его сведениям, хотят препятствовать переходу армии через Дунай, и поэтому является весьма важным, чтобы одновременно с повозками и боевыми орудиями, переправлялась паромами через Дунай и прикрывающая их пехота.¹⁰⁹

¹⁰⁷ *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1919, стр. 22 и след. Нашим главнейшим источником является Бонфини, который свои данные, как он это сам утверждает, получил от бывших соратников Гуниади. Но некоторые источники опровергают его описание, ссылаясь на то, что в теснинах Карпат не было возможности для таких передвижений войск. Но дело в том, что место боя является сомнительным, с другой стороны, ряды повозок в достаточной мере показали свою подвижность на тяжелых участках, например, во время походов гуситов в горных краях.

¹⁰⁸ Данные Халкокондиласа (*Corpus*, Bonn. т. 55.) подтверждаются и турецкими источниками, см. напр. *Thury, Török történetírók* (Турецкие историографы) т. I. стр. 23., 146. — Относительно остальных см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 79; сборные источники, см. *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1913, стр. 571—578.

¹⁰⁹ *Thallóczy — Áldási, A Magyarország és Szerbia közötti összeköttetések oklevéltára* (А рхив связей между Венгрией и Сербии), т. I. стр. 33, 377—378., *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1911, стр. 570.

Орудия и огнестрельное оружие выполняли в бою свою роль, с одной стороны, при отражении турецких атак, с другой стороны, в той ночной атаке, в которой Гуниади, видя неравенство сил, хотел неожиданно уничтожить турецкий лагерь.¹¹⁰ Военная сила султана группировалась в обычном порядке: в середине янычары, за ними укрепленный лагерь, на обоих флангах — румельская и анатольская дивизия, впереди — легкая кавалерия пограничных областей. Гуниади формировал по чешскому заграждению из повозок, сюда он поставил свою пехоту и боевые орудия, впереди них находилась посередине большая часть тяжелой кавалерии — по Халкокондилису, его „витязи“. По этой группировке было видно, что он и на этот раз хотел прорваться через середину; согласно турецкому Анониму, ему это и удалось, но сломанные ряды янычар не расформировались, они опять соединились за клином латников, придавили их к укрепленному лагерю и смяли их наступление. На флангах происходил бой с переменным успехом; некоторые турецкие отряды обратились в бегство, но после того, как прорыв на середину был отражен, они опять сформировались в боевом порядке и, подкрепленные резервами, перешли в новое наступление. Таким образом, дело дошло до той атаки, которую приняла, как стена, тяжелая кавалерия Гуниади, поддержанная боевыми орудиями. На ночь противник отшел в свой укрепленный лагерь, но бой орудий продолжался; тогда Гуниади предпринял свое уже упомянутое безуспешное нападение. На следующий день одержало верх превосходство сил; у султана были еще свежие резервы, а у Гуниади их не было; его солдаты не спали, ели во время боя, были усталы, ранены и под конец — может быть, только на третий день — они оставили поле битвы и предоставили победу противнику. Пехота, которая защищала повозки, сформированные в заграждение, устояла еще дальше и боролась до последнего бойца. После взятия этого заграждения султан из мести приказал разрубить на части всех раненых, но и его потери были так велики, что он не был в состоянии преследовать пораженного противника.

Из описания боя, который мы можем дополнить другим примером, выясняется, что Гуниади — по крайней мере, по сравнению с прежними боями —, придерживался усовершенствованного подразделения порядка боя. Основной частью его армии является еще тяжелая кавалерия; от ее атаки, от прорыва центра фронта турецкой армии он ожидает решения, исхода сражения; но операции тяжелой кавалерии еще дополняются согласованными операциями других родов оружия. Против Сехабединна решение исхода боя подготавливается обходным маневром боевых повозок. Перед Косово Поле переход через Дунай прикрывается пехотой, пово-

¹¹⁰ Попытку нападения упоминает Халкокондилас, относящиеся сюда ссылки встречаются и в других источниках, между прочим мы узнаем из одного письма Гуниади, что ночью происходил бой с „машинами.“

зками и орудиями. Пехота укрывается в „крепость“, образованную из повозок, по „чешскому образцу“, и борется еще тогда, когда кавалерия уже потерпела поражение. Огнестрельное оружие и боевые орудия участвуют как в наступлениях, так и в оборонительных операциях. Все это доказывает, что армия Гуниади, как в отношении многообразного состава родов оружия, применения новых средств войн — повозок, огнестрельного оружия — так и в образовании соответствующего нового метода борьбы достигла большого прогресса по сравнению с рыцарскими армиями и их методами борьбы, существовавшими на рубеже столетия. То обстоятельство, что решающим элементом борьбы все еще является тяжелая кавалерия, само по себе еще не означает отсталости: с одной стороны, в это время большей частью еще на всех театрах военных действий Европы положение было одинаковое (решающий поворот наступает лишь с расширением пехотных составов наемников типа ландскнехтов на исходе столетия и в начале следующего столетия), с другой стороны, тяжелая кавалерия Гуниади органически присоединяется к другим элементам военной силы и ее деятельность совсем нельзя считать аналогичной с действиями, присущими тяжелой кавалерии рыцарей предыдущей эпохи.

Ввиду отсутствия соответствующих данных, не представляется возможности точно определить методы ведения войны отдельными родами оружия. С уверенностью можно установить, что пехота наемников состояла из частей, вооруженных щитами, из лучников, копьеносцев, или же вооруженных ружьями, как и позже в эпоху Матиаса; по всей вероятности, они находили и соответствующее применение. В одном из своих писем Матиас пишет о методах борьбы пехоты, заключающихся в том, что тяжело вооруженная пехота с щитами образует нечто в роде оборонительной стены; за ними устанавливаются стрелцы с ружьями и легко вооруженная пехота — лучники, копьеносцы и самострельщики, чтобы в нужный момент перейти в наступление. Это школа гуситов, только с той разницей, что оборонительная стена повозок заменяется подвижной стеной людей; в противоположность обороне турецкой пехоты, она представляет наступательный род оружия; несомненно, это самый совершенный род пехоты, который мы можем наблюдать на южных театрах военных действиях до эпохи Гуниади.¹¹¹ Из всех сражений Гуниади нам известен только один, не подлежащий сомнению пример оригинальной тактики гуситов — наступательного выступления боевых телег, а, именно, уже упомянутого выступления в 1442 году; но, с другой стороны, очевидно, что и в последующие годы, не без причины, его сопровождали боевые повозки, хотя в нашем распоряжении не имеется данные об их активном участии. Необходимо отметить, что гуситский метод войны, после уничтожения революционного ядра движения, после сражения у Липан,

¹¹¹ Mátyás-Emlékkönyv. (Сборник в честь короля Матиаса) т. I. стр. 237., Magyar Művelődéstörténet (История венгерской культуры), т. II. стр. 228.

сам изменил свою первоначальную форму: бойцы старались приобрести рыцарские доспехи, так как с таким вооружением они легче могли найти себе место на международном рынке наемников. Большинство чешских наемников Матиаса воевало уже в латах. Параллельно с этим была упразднена система заграждений их повозок, одна часть повозок служила, помимо транспорта, в первую очередь, целям укрепления (не как оружие для наступления), а другая часть приравнивалась к первобытному типу, находившейся в стадии образования полевой артиллерии.¹¹² Эти два вида применения повозок мы встречаем в бою на Косовом Поле: Гуниади строит заграждение из повозок и на повозки устанавливает свои „сербтан“-ы. О полевой артиллерии, можно сказать, мы ничего другого не знаем, кроме ее существования. В это время этот род оружия и на своей родине находился еще в очень примитивном состоянии; в армии Гуниади его можно рассматривать только как опыт, но, как таковой, он весьма примечателен.

На основании приведенных данных, во всяком случае, можно установить, что Гуниади в своей армии — как в отношении состава родов оружия, так и в создании соответствующих военных методов — широко реализовал тот опыт, который является результатом европейских, особенно гуситских способов ведения войны. Одновременно мы можем установить, что он отлично приспосабливался к специальным условиям турецкого театра военных действий, которые, например, требовали развитие легкой кавалерии. У Гуниади была легкая кавалерия, состав ее неизвестен, но можно предположить, что он развивал в ней знаменитую уже и раньше своей деятельностью в пограничных областях „сербскую“ кавалерию — предков гусар — и включил ее, как впоследствии и Матиас, в регулярный состав армии. Фактом является то, что легкая кавалерия в течение его военных походов уже сыграла большую роль, например, во время сербского похода, который кончился взятием в плен бека Фериза.¹¹³ Быстротой своих военных операций он также хотел соответствовать своеобразным требованиям турецкого театра военных действий, организация армии, вербовка и вооружение все еще требовали много времени, зато тем живее стало передвижение армии на марше. Особенно это бросается в глаза у армии самого Гуниади, у его так называемого „собственного военного народа“, так и при том войске из 10–12 тысяч человек, который при наступлении в 1443 году, двигаясь впереди королевских войск, сам провел большинство сражений; в этих сражениях большую роль играла быстрота, неожиданность и внезапность нападения, так, например, в военных действиях против Фериза, в которых Гуниади ночным переходом приблизил к неприятелю „лучшую часть своей армии“; Турочи образно описывает смятение турок; они, после того как рассеялся утренний туман, увидели войска и опознали грозные знамена Гуниади.

¹¹² Magyar Művelődéstörténet (История венгерской культуры), т. II. стр. 210.

¹¹³ Turóczi у *Schwandiner*, Scriptores т. I. 1765/ стр. 435.

Численному перевесу турецких войск Гуниади прстивопоставлял подразделение всенного строя и почти всегда с успехом, за исключением двух крупных поражений, когда против него находилось значительное превосходство сил. Однако, из источников видно, что он и в этих случаях причинял победителю такие большие потери, что последний не был в состоянии использовать свою победу. Вторым способом выравнивания сил, по отношению к численому перевесу противника, было фронтальное наступление ядра латников против отборных отрядов центра турецкого фронта. Тактической основой для этого служило правильное понимание того, что между отдельными турецкими отрядами в отношении выносливости и военной силы имелись громадные расхождения. Уничтожение ядра отряда могло иметь решающее значение для исхода боя: иррегулярные войска (а иногда, при Варне и Косово Поле, также и часть регулярного войска) уже при кажущемся неуспехе обратились в бегство. Своими фронтальными атаками, с целью уничтожения ядра отряда противника, Гуниади не хотел следовать старому боевому методу тяжелой кавалерии, но старался приспособливаться к своеобразным требованиям театра военных действий; если его наступление имело успех, он с уверенностью мог рассчитывать на победу; если это не удавалось, он старался (как, например, в бою против Сехабединна) неожиданным вмешательством других родов оружия внести смятение в ряды противника; а если ни один из этих методов не удавался (например, на Косовом Поле), тогда неизбежно решающее значение имел численный перевес противника.

Очевидно, уже современники заключили из наступательной тактики, что принципом борьбы Гуниади было: „победить или умереть“, или же, говоря словами Андрея Паннониуса „vincere aut mori“. Однако, это не выражает сущности, более того, само по себе это не соответствует действительности. Гуниади применял атаки сокрушающей силы, которые в то же время ставили судьбу боя на карту, но не из самоцельных причин, а ввиду тактических соображений. Тактика должна была приравниваться к задаче, а последняя требовала задержки турок и их возможного оттеснения. Количественно меньшая армия могла решить эту задачу только тогда, если она разведала слабые стороны противника. А такими были, как мы это видели, большие расхождения в боеспособности отдельных компонентов турецкой армии, что Гуниади сознательно стремился использовать своими атаками, целью которых являлось уничтожение ядра неприятельской армии. Эта его тактика ясно освещается, наряду с его походами, также и в его речи, которую он держал на заседании военного совета перед боем под Варной. На этом заседании многие выступали за отступление, некоторые — за ожидание возле заграждений из повозок. Гуниади указал на невозможность осуществления этих планов и предложил наступление, так как, по его мнению, согласно описанию Каллимахуса: „Успех — это быстрота, нужно иметь отвагу и действовать —

это устрашает такого врага“. Бонфини пишет, что именно устрашение врага являлось основным принципом Гуниади: „Следуя учению Юлиа Цезаря, он был того мнения, что всегда необходимо *устрашить врага стремительностью и отвагой*“.¹¹⁴ Кроме стремительных, внезапных операций, этой цели служила также и фронтальная атака, все эти действия; основанные на глубоком знании слабых мест турецкой армии, правильной оценке соотношения сил, преследовали цель тактически обоснованного устрашения врага.

Из писем Гуниади становится ясным его основной принцип ведения войны, к которому относится и вышеупомянутая теория „устрашения“, а именно: от простой обороны необходимо перейти в наступление и всегда стараться перенести театр военных действий на территорию врага. „Будем ли мы победителями, или побежденными, враг всегда здесь — пишет Гуниади перед боем на Косовом Поле — он всегда нападает на соседей, возбуждает их к бою; мы решили *лучше сами наступать, чем выждать наступление врага*: лучше мы начнем войну, чем нас заставят ее принять“.¹¹⁵ По сравнению с оборонительным устройством эпохи Сигизмунда, ведение войны Гуниади имело наступательный характер. Это не касается по существу оборонного характера самой войны, того факта, что война велась против турецкой агрессии, в интересах защиты границ, для защиты национальной независимости угнетенных народов. Оборонительные укрепления предыдущих времен оказались недостаточными по отношению к туркам; Гуниади осознал это и сделал соответствующие заключения: „*Враг всегда готов наступать, против его опустошительных вторжений нельзя в достаточной мере защитить даже границы, если мы не навестим его в его собственной берлоге*“, выжидать — это значит дать ему в руки инициативу — пишет он в своем письме от 24 июня 1449 года.¹¹⁶ Следовательно, он осознал тот факт, который нашел неоднократное подтверждение в последующих боях, а именно, что наступлению турок можно противодействовать только контрнаступлением, т. е. наступление является условием успешной обороны. Сознание этого привело в дальнейшем к разрешению второго решающего фактора обороны, а именно, к вооруженному объединению с другими народами, находящимися в непосредственной опасности. Мы уже упомянули о том, что основной ошибкой оборонительных планов Сигизмунда являлось то, что он не включал в них соседние народы и предназначил их территории для театра военных действий. Гуниади хотел помочь этим народам и тем

¹¹⁴ „... cum audacia et temeritate, e Julii Caesaris instituto, deterrendum semper hostem esse arbitretur“ Bonfini т. III. стр. 7. (Возможно, что Гуниади и знал Цезаря, но его точка зрения, очевидно, определялась не этим, а требованиями театра военных действий.) Описание Каллимахуса военного совета в Варне, *Schwandtner, Scriptores* т. II. (1765), стр. 192.

¹¹⁵ *Epistolae Johannis de Zredna* стр. 52.

¹¹⁶ Там-же, стр. 63. срв. стр. 50: „Победа благоприятствует тому, кто навещает врага на его собственной земле“.

самым создать основу для объединения балканских народов в войне против турок. Опыт показал, что югославы, румыны и албанцы согласились бы с этим, но действительно объединиться, оказать активную помощь, они могут только в том случае, если сражения происходят не на Дунае, а на Балканах. Осознав это, Гуниади получил более, чем кто-либо глубокое представление о сложных и трудных условиях успеха войны против турок; при оформлении своей тактики он учел, каким образом находящиеся в его распоряжении силы лучше всего могут послужить основным намеченным целям. Наряду с бесчисленными частичными успехами, многие достигнутые крупные результаты подтвердили правильность его образа действий. Он защитил границы, отеснил турок, сделал возможным совместные действия. Ни он, ни его армии не были виноваты в том, что не удалось прочнее укрепить и последнюю долю успехов; кроме других причин ответственность падает, в первую очередь, на внутреннюю подрывную работу оппозиции баронов.

Таким образом, мы можем установить, что армия Гуниади в *методах ведения войны*, как и в отношении *состава родов оружия*, по сравнению с теми обстоятельствами, которые имели место на рубеже этого столетия, *достигла значительного прогресса*; Гуниади широко реализовал опыт развития европейских, главным образом, чешских методов ведения войны и создал новую тактику, основанную на взаимодействии различных родов оружия; эта тактика соответствовала характеру турецкой войны и ее своеобразным требованиям, которые Гуниади ясно осознавал.

После всего вышесказанного мы можем дать ответ на вышеупомянутые вопросы. В начале XIV столетия венгерская военная сила, вследствие своего феодального характера, не была пригодна ни для борьбы против турок, ни для исполнения задач централизации. Реформы Сигизмунда также не принесли существенных изменений. Зато мы видим значительные изменения в эпохе Гуниади, который осознал, что существенная реформа вооруженных сил осуществима только в связи с ограничением власти и влияния баронов. В противоположность Сигизмунду, он провел свои новшества в этом направлении, с тем результатом, что внутри вооруженных сил не только стали преобладать прогрессивные элементы над феодальными, но во время военных походов наемные отряды и поддерживающее их народное ополчение были подчинены ему, как представителю центральной власти, а не подлежали больше влиянию баронов. Таким образом в военных силах образовалось то ядро, которое при соответствующем дальнейшем развитии могло сыграть выдающуюся роль в разрешении военных задач, связанных не только с турецкой войной, но и с централизацией. Одновременно с новыми элементами армии появляются или начинают развиваться новые рода оружия: так, например, особенно проявившая себя в сражениях с туркам легкая кавалерия, указавшая путь дальнейшего развития ведения войны наступательная

пехота; систематическое применение новых достижений военной техники — заграждения из повозок и пушки и огнестрельные орудия, до того появлявшиеся лишь кое-где. Таким образом, эта армия, если и не численно, то по своему разделению и своей правильной тактике, приспособленной к требованиям театра военных действий, стала способной для достижения значительных результатов, несмотря на превосходство сил турецкой армии.

Организационной работе Гуниади всячески препятствовали бароны, опасавшиеся за свою власть, и дворянство, не желавшее принимать участие в войне. Тем более воодушевленное его поддерживали „бедные люди“, широкие массы трудящихся. В главных линиях своей политики — как внешней, направленной к оттеснению турок, так и во внутренней, направленной на ограничение власти баронов — Гуниади выражал основные интересы венгерского народа. Его война против турок была справедливой войной: он защищал родину и народ против опустошающего и разрушающего все агрессора и помогал балканским народам, вынужденным платить дань, в их борьбе за свою независимость. Поэтому не только венгерский народ, но и все другие народы юговосточных стран сплотились вокруг него. Сплоченность угнетенных народов, активная поддержка венгерских трудящихся масс, наряду с его способностями полководца и боевым опытом его наемных солдат — вот истинная основа успехов Гуниади.

Л. ЭЛЕКЕШ

(Перевод из венгерского. Оригинал: *Elekés Lajos*, Hunyadi hadvezéreg. Журнал Század. k. 1950 г.)

СРАВНЕНИЕ ВЕНГЕРСКИХ ЗАКОНОВ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ 1849 И 1868 ГГ. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ИСТОРИИ

Последним значительным законодательным актом сегодского сейма 1849 года было принятие им 21 июля закона о национальностях. 28 июля 1849 года закон был утвержден национальным собранием. Таким образом, этот закон вступил в силу в такой момент, когда уже практически не мог влиять на исход нашей национально-освободительной борьбы. Если мы хотим оценить его историческое значение, то в первую очередь наше внимание привлекают события, предшествовавшие его созданию. Эти события, по существу, ни что иное, как попытки разрешения национального вопроса. Это были особые усилия, направленные на прекращение братоубийственной войны и на облегчение сближения между боровшейся за свою независимость венгерской нацией и национальностями, жившими на территории тогдашней Венгрии и также искавшими разрешения своей национальной независимости; в 1849 году эти усилия становились все более значительными.

Продвинуться вперед можно было лишь по пути совместной борьбы. Однако, закон о национальностях 1868 г. детищем не борьбы, а компромисса. Именно теперь, в связи с 100-ой годовщины закона 1849 г., очевидна необходимость сравнения двух законов и их историческая оценка.

Однако, для этого мы прежде всего должны поставить вопрос: соответствовал ли — хотя бы в некоторой степени — тот или другой закон тем задачам, разрешение которых было поставлено на повестку дня развитием материальной жизни общества. Другими словами, был ли способен тот или другой закон помочь развитию прогрессивных сил, прогрессивных классов общества, был ли он способен облегчить или затормозить их борьбу против отживших, отмирающих сил общества.

Однако, нельзя рассматривать этот вопрос изолированно, только с точки зрения внутреннего развития Венгрии, потому что он был тесно связан и с развитием рождавшихся соседних наций. Но даже и так, вопрос не был бы оценен нами правильно, если бы мы не смотрели на него, прежде всего, с точки зрения развития демократических сил Европы.

Как известно, венгерская революция и национально-освободительная борьба 1848—49 гг. имели с точки зрения Европы положительное значение, так что попытку соглашения с национальностями также нужно оценивать в первую очередь с этой точки зрения.

Далее, что касается закона о национальностях 1868 г., мы должны исследовать, какую роль играла Венгрия в Европе после австро-венгерского соглашения 1867 г. Была ли она опорой демократических сил или же подготавливала формирование, укрепление империалистических групп?

В Европе 1848—49 гг. прогрессивные силы общества многих стран боролись за свое быстрое буржуазно-демократическое преобразование против реакционных сил, сохранявших феодальные и полуфеодальные отношения. На повестке дня стояло формирование независимых, единых национальных государств, — не только в Италии и Германии, но и в Польше, такая же тенденция проявлялась и у наций и национальностей, живших на территории Габсбургской монархии, даже Турции. Феодальные и полуфеодальные отношения, благоприятная для них территориальная раздробленность и оковы абсолютистских монархий — это было пережившее себя, но не желавшее умирать по доброй воле окостеневшее старье, которое революционным силам нужно было разбить, чтобы оно не могло продолжать препятствовать развитию производительных сил, полному формированию новых общественных классов и в конечном счете — разворачиванию борьбы буржуазии и пролетариата. В то же самое время, однако, в двух наиболее развитых национальных государствах Европы рабочий класс находился уже в состоянии открытой революционной борьбы с буржуазией — в Англии чартисты, во Франции пролетарии Парижа, баррикадные бои июньского восстания 1848 года.

В этой обстановке решающее значение имело то, будет ли многонациональная монархия Габсбургов и дальше играть роль пресловутого „баланса“, которая свои собственные экспансивные стремления противопоставляла экспансивным стремлениям царизма таким образом, чтобы монархии и их правительства всегда могли заключать компромисс между собой. Такой компромисс, в котором принимались во внимание интересы господствующего класса то Англии, то Франции, то обеих этих стран, но который всегда был в ущерб балканским народам, Польше и даже итальянскому народу. Вопрос следовательно стоял так: сохранится ли эта крепость реакции в интересах всех угнетавших народы держав, или же место займет баланс совершенно нового характера — государства свободных наций, завоевавших свою независимость, такие государства, общественная и политическая структура которых пригодна для ускорения капиталистического развития и для того, чтобы рабочий класс, уже выступивший наряду крестьянским, плебейским крылом демократии, все больше разворачивался и, ведя свою классовую борьбу, быстро двигал вперед историю.

Общеввропейское значение венгерской освободительной борьбы прежде всего состояло в том, что, разрушая своими ударами здание главного оплота европейской реакции — монархии Габсбургов, она попадала в органическую связь с формированием будущего Европы, с вопросом исхода европейской революции. Во-вторых, ее значение состояло в том, что с осени 1848 года, когда реакция в Европе уже взяла верх, но силы демократии были еще боеспособны, боровавшаяся за свою свободу Венгрия была тем исходным пунктом, откуда боровшиеся за свою свободу народы, нации могли ждать новой революционной волны.

Маркс и Энгельс именно так, с точки зрения европейской революции и прогресса высоко оценивали нашу освободительную борьбу — она поддерживала борьбу прогрессивных сил общества против сил реакции.

Но при этом мы должны отметить, что революция в Венгрии и ее борьба за независимость именно потому, что она хотела ликвидировать абсолютизм и феодализм созданием независимого венгерского государства, по своей внутренней направленности совпадала с общедемократическим развитием.

Однако, вопрос о победе или поражении освободительной борьбы переплетался с вопросом об отношениях между венгерской нацией и национальностями, жившими на территории тогдашней Венгрии, и вследствие этого — с судьбой народов Балкан, стремившихся к национальной независимости.

История открывала перед ними две перспективы: остаться попрежнему сторонящимися друг друга, ссорящимися между собой национальностями под ярмом врага — монархии Габсбургов — или же венгры и словаки, румыны, сербы и хорваты объединятся для общей освободительной борьбы в интересах достижения своей независимости. В соответствии в этом уже в 1848 году проявились две тенденции. Однако, тенденция к прекращению братсубийственной борьбы, стремление к сближению и к заключению союза получили значение лишь в 1849 году. Это произошло тогда, когда исторический опыт уже показал самым прогрессивным деятелям наций, которым угрожала общая опасность, те внутренние связи, которые были глубже любых национальных противоречий: то, что основой их общих несчастий, отсталости их экономического, общественного развития и происходящих отсюда их раздоров, является в первую очередь зависимость от Австрии.

Ввиду того, что в первую очередь попытка соглашения 1849 года была важной в европейских масштабах, а также для будущего всех наций и национальностей габсбургской монархии и соседних балканских народов — события, предшествовавшие сегодешнему закону о национальностях, нужно оценивать в первую очередь с этой точки зрения. Ниже мы кратко охватываем некоторые выдающиеся и решающие моменты попыток согла-

шения, служивших предметами сложных и разветвленных переговоров; которые затем привели к созданию закона о национальностях 1849 г.

* * *

Два первых значительных этапов попыток соглашения приходится еще на 1848 года. Первый — это „Проект закона о трансильванских румынах“, разработанный Комиссией Унии¹ при венгерском национальном собрании. Однако, этот законопроект хотел сделать уступки лишь в отношении языка, таким образом, чтобы наряду с официальным венгерским языком, там, где на совещаниях местных властей „румыны принимают участие в большинстве“, дал возможность применять румынский язык и писать выдержки из протоколов на румынском языке. Этот законопроект предусматривал определенные уступки и в отношении языка обучения. Однако, в решающих вопросах — поднятых балажфальвскими² пунктами от 16 мая 1848 года, по существу, как требования *национального равноправия, территориальной автономии и права на самоопределение*, — работа Комиссии Унии не принесла еще никаких результатов.

Из 16 пунктов балажфальвских решений, в соответствии с выше-сказанным, особенно большое значение имеют первый и последние два пункта. Официальная историография почти целого столетия, занимавшая отрицательную точку зрения по отношению к этим законным желаниям приводила в качестве предлога возражение, что это было бы ни что иное, как требование признания четвертой сословной нации „*Supplex libellus valachorum*“ 1791 года в то время, когда речь шла именно о ликвидации сословности. В этих случаях особенно любили ссылаться на Миклоша Вешшелени, который на заседании трансильванского сейма 29 мая 1848 года указывал на то, что на основе унии новая конституция и так обеспечит каждому гражданину личное равноправие, независимо от его родного языка, и религиозной принадлежности и поэтому для объявления унии не нужно признать румын четвертой, законной нацией. Но дело в том, что:

Во-первых, в противовес четвертой нации „*Supplex libellus*“-а, который исключал румынских крепостных из пользования политическими и гражданскими правами, то есть в действительности, являлся требованием признания сословной нации, *15-ый и 16-ый балажфальвские пункты являются ни чем иным, как охватывающим все классы буржуазно-демократическим выражением национального равноправия и полного самоопределения.*

¹ Речь идет о комиссии, оформленной для проведения унии между Венгрией и Трансильванией.

² Трансильванское село Балажфальва (по румынски Блаж) было политическим и культурным центром национальных стремлений трансильванских румын, где 16-го мая 1848 г. на массовом собрании обсуждались национальный и крестьянский вопросы.

Во-вторых, позиция Вешшелени вытекает из двойственного классового характера (позже мы еще вернемся к этому) всего руководящего класса революции 1848 года — либерального дворянства, что проявлялось тогда во всем национальном вопросе. Позже, официальная венгерская историография, служа венгерскому господствующему классу, идущему по прусскому пути капитализма, уже совершенно сознательно использовала аргументацию Вешшелени для того, чтобы под либеральными фразами спрятать шовинизм, — свой и своих хозяев. В противовес этому приведем факты, с одной стороны — 15-ый и 16-ый балажфальвские пункты и с другой стороны — по существу крестьянско-демократический характер балажфальвского собрания.

15. „Румынская нация желает, чтобы для Трансильвании конституционным собранием трансильванских наций была изготовлена новая конституция, которая должна основаться на принципах справедливости, свободы, равенства и братства; чтобы на основании всех этих принципов были разработаны новая законодательная, уголовная, торговая и т. д. системы.

16. Румынская нация просит, чтобы данные нации не подвергали обсуждению вопрос об унии с Венгрией, пока румынская нация не будет в качестве конституционной нации представлена в сейме с совещательным и решающим голосом; в противном случае, если сейм Трансильвании все же вступил бы в обсуждение по вопросу унии без нас (*de nobis sine nobis*), то румынская нация торжественно заявит о своем протесте.“¹

Здесь решающим является именно то, что *это решение было вынесено грандиозным массовым собранием, в огромном большинстве состоящим из крепостных*. Появление его депутатов — даже если они в большинстве своем и состояли из представителей интеллигенции — в трансильванском сейме 1848 г. трех сословных наций означало бы, что *народное представительство проникло бы в это эксклюзивное собрание*. А представители сословий, заседавшие в Ключе, хотели воспрепятствовать именно этому. Их позицию, занятую против права румынского народа на самоопределение, ее классовый характер мы еще лучше осветим, если добавим, что в этом последнем трансильванском сейме, который был созван в мае, то есть значительно позже после мартовских законов, венгерские и секлерские крестьяне также остались без народного представительства. Это был еще истинно сословный сейм.

Крестьянско-демократический характер балажфальвских решений прекрасно подчеркивается особенно 3-им и 11-ым пунктами. Эти пункты содержали требование безвозмездной ликвидации феодальных повинностей, а также возвращения тех земель и высокогорных угодий, которые были

¹ *Papp Dénes*, Okmánytár, Magyarország függetlenségi harcának történetéhez. (Сборник документов к истории борьбы Венгрии за независимость). Пешт, 1868 г. Т. 1, стр. 121.

отобраны у румынских крестьян привилегированными саксонскими городами.

Национальное равноправие, территориальная автономия, а также в связи с этим — освобождение крепостных и разрешение земельного вопроса — вот каковы были те требования, которые весной 1848 года вообще выдвигались на разных собраниях национальностей, вместе с требованием свободы пользования языком, как программные пункты демократического крыла национальных движений. Выполнение их укрепило бы демократические течения национальных движений и поставило бы массы на сторону венгерской освободительной борьбы — а не на сторону Вены, лишь всегда и все обещавшей. Однако, либеральное дворянство выступавшее в роли революционной буржуазии, и даже радикальная интеллигенция, большая часть которой была дворянского происхождения, вследствие своего классового положения не могли понять эти вопросы и в течение следующего года даже лучшие их представители лишь медленно начали менять свою точку зрения. Причиной этого является с одной стороны то, что либеральное дворянство, включавшееся в товарное производство и поэтому в определенной мере заинтересованное в формировании буржуазных отношений, но в то же время имевшее поместья, не было способно к радикальному разрешению аграрного и крестьянского вопросов. Национальный вопрос вообще, а в данном случае особенно тесно связывался с крестьянским вопросом. С другой стороны, из-за того, что они были товаропроизводителями, эти либеральные дворяне вместе с независимостью страны хотели обеспечить себе единую экономическую территорию с единым языком, и поэтому они резко противостояли территориальной автономии. *Это двойственное классовое положение, этот одновременно буржуазный и дворянско-помещичий характер их классовых интересов своеобразно отражался в их идеологии.* Находясь в некоторой степени в плену старых сословных понятий о нации, согласно которым одно лишь дворянство составляет венгерскую нацию, они согласовывали свои взгляды с либеральными идеями французского национального государства и таким образом намеревались „включить в крепость конституции“ всех жителей страны, обеспечив им определенное равноправие, независимо от языка и религиозной принадлежности. *Так сословное пристрастие объединялось в них с нетерпимостью буржуазного национализма.* Поэтому они не видели или долгое время не хотели видеть, что они живут в многонациональном государстве, где границы венгерской нации не совпадают с государственными границами, и следовательно, обеспечение личного равноправия недостаточно без признания полного и действительного национального равноправия.

Определенным шагом в направлении понимания этого явился проект мирных переговоров, составленный Оборонным Комитетом 23 ноября 1848 года и переданный правительственным уполномоченным Бёти патри-

арху Раяичичу —, а к сожалению, не демократическому крылу сербского движения. В этом проекте часть крестьянства, несущая пограничную службу была вновь обеспечена специальным пунктом о том, что она становится свободным владельцем своей земли. Если бы это требование было осуществлено весной 1848 года, то пограничники встали бы на сторону не австрийского главнокомандования и венского „Кригсрата“, препятствовавших их свободному владению землей, а на сторону венгерской революции и ее правительства. Важным моментом в миссии Бёти являлось то, что правительство дало ему указание, согласно которому он в случае необходимости во время переговоров мог сделать следующую уступку: „Принимая во внимание желания сербского народа, правительство и национальное собрание соглашаются на то, чтобы Славония и славонский пограничный округ избрали бана из своей среды с такой же компетенцией, какой пользуется хорватский бан...“²

Как известно, эта попытка, направленная на такое частичное удовлетворение требований территориальной автономии, не смогла быть обсуждена из-за отрицательного поведения Раяичича.

Попытки заключения мира и переговоры, направленные к соглашению, по-настоящему приобрели значение лишь весной 1849 года. Поскольку с законом о национальностях от 1849 года теснее всего связаны румыно-венгерские переговоры, здесь мы прежде всего должны коснуться проекта, известного под названием „projet de pacification“, который был подготовлен Казимиром Баттяни в результате переговоров Кошута—Драгоша—Балческу—Аврама Янку. Этот проект умиротворения по времени ненамного опередивший закон о национальностях от 1849 года был с ним тесно связан, и по существу, значительно даже перегнал его.

Обстоятельства, предшествовавшие рождению проекта коротко следующие: после поражения революции во Валахии, ее демократические руководители, бежавшие в Трансильванию, трудились во главе с Николаем Балческу над примирением румынского и венгерского народов. К этому же стремились и румынские депутаты венгерского национального собрания, в том числе и Янош Драгош, честное предложение которого Кошут принял и поручил ему в качестве посредника ехать к Авраму Янку. 26 апреля 1849 года Кошут направил депутату Драгошу письмо, послужившее исходным пунктом для переговоров с Янку. В этом письме Кошут от имени венгерского правительства предусматривал уступки, которые превосходили все до сих пор сделанные в области языка, однако, о вопросе территориальной автономии, которая, по его мнению, означала бы раздробление страны, он по-прежнему не хотел и слышать. Очень важной является заключительная фраза письма, которая объявляет для обоих

* *Thim József, A magyarországi 1848—1849-i szerb felkelés története.* (История сербского восстания в Венгрии в 1848—49 гг.) Т. III, стр. 212.

нраодов в вопросам жизни и смерти совместную борьбу за национальную независимость.

„Наше оружие победоносно продвигается вперед, наемники вероломного тирана биты, столица находится во власти нации, я желаю — как можно скорее увидеть румынские батальоны в рядах доблестной венгерской армии не в качестве принуждаемых новобранцев, а добровольцами, борющимися за общую свободу; на этом пути каждого верного бойца ждет благословение Родины, слава и свобода; там, где они борются сейчас, у них нет других возможностей кроме бесславной смерти или же, после того, как их использовали — печальное рабство, которое будет сопровождаться проклятиями последующих поколений“.³

История миссии Драгоша общеизвестна, поэтому мы только ради полноты изложения вкратце перечислим события: 4 мая 1849 года Драгош уже вел в Абрудбани переговоры с Аврамом Янку, на следующий же день моцы^{3а} на огромном митинге в Топанфалва прослушали письмо Кошута, зачитанное в румынском переводе. Вооруженные румынские крестьяне с радостью приняли протянутую им руку примирения и встали на сторону соглашения с венграми. В это время, однако, Хатвани, майор вольного отряда, личность сомнительного характера, карьерист, вместе со своими людьми двинулся против Абрудбани, где Драгош и Янку продолжали переговоры. Янку услышав весть о приближении Хатвани, думал, что Драгош его предал, поэтому он оставил Абрудбаню и сконцентрировал свои войска в горах. Войска Хатвани врываются в Абрудбаню, провоцируют румынское население и казнят много людей. 9 мая Янку нападает на город и его возмущенные солдаты убивают Драгоша, считавшегося предателем. Но в это время нить оборвавшихся переговоров берет в свои руки уже никто иной, как великий румынский демократ, Балческу. В середине мая он устанавливает связь с Бэмом, а затем по его совету связываясь с самим Кошутым, уезжает в Дебрецен. Здесь он написал уже письмо, посланное 29 мая 1849 года Йону Гика.

В письме, между прочим, писал:

„Уже три дня я здесь. На следующий день после приезда я в течение двух часов совещался с президентом Л. Кошутым. Я остался очень доволен им и приемом оказанным мне. Он кажется не только просвещенным и выдающимся человеком, но и *homme de bien* (честным человеком). Я не могу подробно рассказать тебе, о чем мы говорили, потому что мне не хватает времени. Достаточно сказать — что касается нас — он полностью

³ 1848—49. *évi iratok a nemzetiségi megbékélésről* (Документы 1848—49 гг. о примирении национальностей.). Будапешт, 1948. стр. 168. (характерно, что Бенедек Янчо, в третьем томе своего труда „История румынских национальных стремлений“ (стр. 731—733) публикует правду, значительную часть письма, но заботливо выпускает из него последнюю фразу.

^{3а} „Моцями“ назывались румыны, проживающие в горных районах Трансильвании.

соглашается с мыслью о конфедерации и с радостью принял к сведению создание легиона.“ „Как видно, правительство довольно благожелательно относится к трансильванским румынам. Оно в удовлетворительной мере предоставляет им блага и права. Оно лишь хочет — и мне кажется, что румыны никогда не возражали против этого — чтобы дипломатическим языком страны был венгерский, но в делах провинций, а также религии каждая нация пользовалась своим языком.“⁴

Вопрос о конфедерации является здесь не только предвестником будущих представлений Кошута, но с инициативой Балческу доказывается и то, что планировалось немедленное заключение союза между венгерским и теми соседними народами, которые по существу принадлежали к одному народу с национальностями, жившими тогда в Венгрии. Замечание Балческу по вопросу о языке уже намечает определенное, объединяющееся с территориальной автономией разрешение этого и, таким образом, относится к числу непосредственных факторов, предшествовавших рождению „*projet de pacification*“.

Письмо Бальческу от 3 июня доказывает, что путь братского сотрудничества народов он видел в последовательном осуществлении демократии, что он представлял на конфедеративной основе:

„Здесь очень распространена идея — писал он из Дебрецена — что Венгрия может существовать только путем конфедерации с трансильванскими румынами и славянами. Однако, правительство еще не желая этого, часто говорит, что создаст конфедерацию с Великой Валахией и Малой Валахией, с Молдавей и Сербией. Об этом много говорили мне Кошут, Баттяни и Семере и обещали, что они сделают уступки и дадут гарантии в отношении всех национальностей. Все справедливые люди здесь говорят, что румыны очень правы, но они плохо сделали объединив свое дело Австрией.“ „Я попросил депутатов показать мне, что просили румыны. Они дали мне этот проект, который я прилагаю и в копии; они говорят, что румыны удовлетворятся этим немногим. Вчера я передал его Баттяни. Ему я сказал: видите, румыны принимают оба ваши принципа, которые вы хотите — целостность страны и ваш дипломатический язык; остальное дайте им. Вы видите, что просьба со стороны румын небольшая. Это будет решено в Пеште, куда правительство и я едем завтра. Эти взаимные требования кажутся мне пустыми придирками, потому что с демократией большинство венгерского сейма будет румынским и славянским и взаимные трудности принудят всех принять существование в конфедерации. Сейчас перед нами стоит задача как-то примирить венгров с румынами...“⁵

⁴ *Ion Ghica*, *Amintiri din pribegia după 1848* (Воспоминания из эмиграции после 1848 г.). Крайова, б. г. т. II, стр. 33—34.

⁵ Там же. стр. 37—38. Письмо Балческу Й. Гике. Дебрецен, 3 июня 1849 года.

Мысль о союзе между борющейся за свободу Венгрией и румынским народом, сражавшимся за независимую Румынию, с продвижением вперед дела создания румынского легиона чуть ли не воплощалась в жизнь.

22-го июня Балческу из Пешта сообщает И. Гике сущность предварительного соглашения, заключенного с венгерским правительством, согласно которому венгры и румыны в будущем создадут федеративное государство. Для осуществления этого они договорились с венгерским правительством в совместной борьбе за свободу и решили создание румынского легиона. Балческу в 19 пунктах сообщает свой план организации легиона и текст проекта принципиального соглашения, предлагаемого им к указанному плану. Самые важные части плана:

„Легион приносит присягу Румынии (Молдове и Валахии), а также Венгрии и обязуется бороться за свободу, но никогда не бороться против венгров. Если его Родине будет угрожать опасность, легион с разрешения венгерского правительства — которое не откажет ему в этом — поспешит на помощь своей Родине оружием, боеприпасами, артиллерией и каваллерией; венгерское правительство обещает, что оно будет поддерживать Румынию в той мере, в какой этого требуют взаимные интересы.

Румыны могут быть уверены в том, что благодарная и великодушная венгерская нация будет бороться лишь за дело свободы, а не за угнетение какой-либо национальности, ведь целью венгерского правительства является именно то, чтобы в будущем для всех национальностей Венгрии открылся путь свободного и равного развития. Следовательно, венгерское правительство признает румын, проживающих в Венгрии, в качестве отдельной национальности. Поэтому румынский легион будет бороться против врагов Венгрии, поскольку они являются одновременно врагами свободы.“⁷

Предпосылкой совместной борьбы за свободу являлось и то соглашение, в заключении которого Балческу постарался посредничать между румынами, живущими на территории тогдашней Венгрии и венгерским правительством. О переговорах по этому предмету Балческу в том же письме писал следующее: „Семере еще не закончил проекта об уступках национальностям. Баттяни сказал мне, что когда проект готов, сразу же его покажут мне и мы его вместе рассмотрим и обсудим“. (7^a)

В результате переговоров проект организации легиона, к которому была добавлена принципиальная часть, выработанная Балческу, хотя и более кратко, был подписан Кошутом, Балческу и Болиаком в Сегеде, 4 июля 1849 г.

В тот же день министр иностранных дел Казимир Баттяни в письме, адресованном к Балческу и Болиаку, подчеркнул: „Вы пред-

⁷ Там же, стр. 62. Балческу—Гике. Дебрецен, 22 июня 1849 г.

^{7a} И. Гика, Ук. соч., стр. 63.

лагали мне несколько статей, выражающих желания Ваших трансильванских компатриотов. Я их сообщил г. Регенту и гг. министрам и сейчас имею честь препроводить их Вам с маленькими изменениями и вместе с венгерским переводом.“^(7b)

Самые важные пункты проекта, посланного министром иностранных дел Балческу (общеизвестного под именем „projet de pacification“), относятся к осуществлению известной формы территориальной автономии:

„1. Валахи, составляющие особую национальность, в будущем в официальных документах будут упоминаться под именем румын.

2. Венгерское правительство, желая свободного развития для каждой национальности Венгрии, предоставляет румынам следующие национальные гарантии:

3. Поскольку дипломатическое применение венгерского языка должно Распространяться только на законодательство, на ведение общегосударственных дел и только в такой мере, в какой это необходимо для сохранения единства венгерского государства, то языком муниципальной администрации будет язык, на котором говорит большинство населения.

4. В комитатах и в муниципиях исключительно румынских, или же там, где большинство составляет эта нация, в дискуссиях возможно пользоваться или румынским, или же венгерским языком. Протоколы составляются на этих же двух языках.

В переписке с сеймом, правительством и муниципиями употребляется венгерский язык за исключением переписок между муниципиями, где пользуется обоими языками. В этом случае можно переписываться на румынском языке.“

Тот факт, что согласно проекту языком местного управления считается язык большинства и в комитатах с румынским большинством в управлении можно пользоваться румынским языком, в конечном счете открывает путь к развитию известного самоуправления национальных комитатов. Это самоуправление подкреплялось 5 и 6 пунктами:

„5. Во всех школах, как в уже существующих, так и в тех, которые в будущем будут созданы государством для румын, обучение производится на румынском языке.“

„14. В тех муниципиях, где румынский язык является преобладающим, командование национальной гвардией ведется на румынском языке.“⁸

Три пункта приложения проекта особенно подчеркивают факт освобождения крепостных и ликвидации феодальных повинностей. Это было нужно, потому что венгерские помещики продолжали — а теперь уже

^{7b} Там же, стр. 119—120.

⁸ Там же, стр. 120—122.

незаконно — мучить румынских крестьян различными фесдальными бременами.

В день составления проекта Балческу направил И. Гике радостное письмо, в котором, между прочим, пишет:

„Можешь представить себе мою радость, когда Кошут предложил, чтобы я пошел к Янку и вместе со всем его войском вел его в Великую Валахию!

Все трансильванские и банатские румыны — сказал Кошут — должны двинуться на спасение княжеств, потому что ведь там — основа румынской нации. Таким образом, в ближайшее время я вместе с Бемом отправляюсь в Великую-Валахию, с огромной военной силой...“⁹

Из вышесказанного ясно, что работы по подготовке „projet de pacification“ создали *соглашение с живущими на территории Венгрии румынами таким образом, что венгерское правительство одновременно заключало союз об общей освободительной борьбе с румынским народом, живущим за границами страны*. В концепции Кошут-Балческу венгерская и румынская нации целиком объединяются в общем фронте освободительной борьбы, чтобы завоевать для себя независимое государственное существование. Из проекта мира ясно, что подобным же образом венгерское правительство намеревалось договориться и с остальными национальностями. В то время переговоры с южными славянами относительно соглашения и союза продвинулись уже далеко и если бы это удалось немного раньше, то в 1849 году этот союз братских народов действительно двинул бы новую революционную волну к Европе.

Было поздно. Балческу прибыл со своей миссией к Авраму Янку уже только тогда, когда войска венгерской освободительной борьбы стояли перед катастрофой у Вилагоша.

Все это вопреки тому, что Янку был на стороне соглашения и после абрудбаньских событий. Это доказывается его письмом, написанным почти одновременно с „projet de pacification“ и совершенно независимым от него.

Приведем несколько выдержек из него, которые были опубликованы в 1947 году в брошюре „Români și Unguri“:

„Братья венгры — писал Аврам Янку, — поверьте... что в этих двух братских странах о настоящем и будущем не могут говорить ни венгры без румын, ни румыны без венгров.“

„Нас побудило к восстанию то, что нас не признавали за политическую нацию, то, что трансильванские венгерские консерваторы и аристократы — деспоты и варвары. Все это в нашу эпоху народ не мог больше вынести. Это глубоко оскорбляло нашу интеллигенцию.“

⁹ Там же, стр. 115—116.

„... короче: если Вы верите в Бога в небесах и в Родину на земле, то обращайтесь с нами по-другому и будьте уверены в том, что *между нами и нами оружие никогда не будет решать*.“¹⁰

* * *

Закон о национальностях от 28 июля 1849 года по сравнению с результатами вышеизложенных переговоров является определенным шагом назад по отношению к „*projet de pacification*“. Дело в том, что хотя в первом его пункте говорится: „Настоящим свободно обеспечивается свободное национальное развитие каждой народности, *живущей на территории венгерского государства*“, хотя „*projet de pacification*“ *решительно признает язык преобладающих на местах национальных меньшинств* в качестве языка управления, закон о национальностях в 3-ем пункте говорит в этом случае только о факультативном употреблении их языка:

„3. В совещаниях муниципий каждый может пользоваться или венгерским, или родным языком: протокол же ведется на одном из употребляемых в муниципии языков, определенном по свободному выбору.“

В 4-ом пункте, в противоположность проекту, разрешающему для переписки муниципий между собой, включая и комитаты с румынским большинством официальное употребление румынского языка, закон о национальностях на это никакого намека не делает:

„4. Тот, кто имеет на это право, может высказывать свое мнение на каждом совещании муниципии или на венгерском, или же на румынском языке.“

Если в муниципиях какой-нибудь народ превышает половину всего населения, протокол по желанию можно вести и на его языке.

Но переписку с национальным собранием, правительством и с каждым другим муниципием надо вести всегда на венгерском языке.“^{10a}

Правда, что 6 и 7 пункты опять подчеркивают свободное и официальное употребление национального языка в муниципиях:

„6. Члены национальной гвардии командированы на языке, установленном для муниципии.“

„7. Язык обучения в начальных школах будет всегда язык муниципии или же язык церкви.“

Это значит, что комиссия по делам национальностей, в противоположность 3-им и 4-им пунктам „*projet de pacification*“, ограничивает употребление языка национальностей на муниципии. В качестве языка для переписки между комитатами и муниципиями она принимает, исключительно венгерский язык.

¹⁰ Viktor Cherestesiu, *Români și Unguri* (Румыны и венгры). Editură de stat. 1947. стр. 42—43.

^{10/a} *a Pap D.*, Ук. соч., т. II. стр. 256. Подчеркнуто мною. Э. Г. Ф.

Итого, пока „projet de pacification“ содержал в себе возможность стать исходным пунктом территориальной автономии в комитатах с румынским языком, закон о национальностях в известной степени затрудняет это дальнейшее развитие. Причина регресса ясна из письма Семере от 26-го июля, адресованного к Кошуту. Здесь он излагает трудности, встретившиеся во время совещаний при подготовке законопроекта:

„Это что-то страшное — близорукость, политическая слепота сейма. Герой радикальной партии высказывались, как в 1832 г., когда все было венгерским — сербский, румынский, чешский народы. Хорошо выступил Баттани и я вынужден был резко выступить в своей почти часовой речи, в которой высказал, что те общие положения, то все еще аристократически-венгерское воззрение на требования других народностей в демократии погубит нацию и я умываю руки от этой политики. Надеюсь, я говорил не без успеха и значительно повернул мнения. Этот сейм нуждается в опеке.“¹¹

Как выясняется из приведенных строк Семере, в это время он считал разрешение национального вопроса уже решающей задачей, однако, он уже не осознавал, что радикалам мешало ясно видеть не только или не столько их „аристократически-венгерское воззрение“, сколько скорее их буржуазный национализм. Действительно лишь Кошут, Семере и очень немногие кроме них были способны в 1849 г. подняться над ограниченным горизонтом своего класса.

Здесь была не настолько важна сама буква закона, как результаты предварительных обсуждений и то мнение, которое было выражено в речи Семере, в день принятия закона о национальностях. Семере заявил:

„Наша революция имеет три основных идеи, на которых она покоится, как на столбах.

Первая идея — исправление формы правления.

До сих пор страна в смысле правления была под опекой. Таким образом, нужно было ввести парламентскую форму правления, чтобы народ сам вел свои дела, чтобы нация сама располагала своей судьбой.

Вторая идея — обеспечение личных прав. Нужно было ликвидировать королевства, провозгласить равенство права и обязанностей, чтобы был высказан принцип: должны принимать во внимание заслуги, а не происхождение и титул, должны вознаграждаться способности, а не длинный список предков, пусть потеряют свои короны благородный граф и князь, чтобы все, кто живут в стране, получили ту единую корону, которая заключается в словах — свободный гражданин и свободный человек.

Третья великая основная идея — свободное развитие национальностей и народов.

¹¹ Документы 1848—49 гг., стр. 203.

*Пусть всем народам будет разрешено свободное развитие нации. Национальность является не целью, а орудием свободы, как и свобода является не целью, а средством человеческого и гражданского совершенствования!*¹²

„Пусть видит мир, что нам известны признаки жизни новейших революций, что в то время, как старые революции желали и завоевывали лишь свободу, мы понимаем новые революции новой истории и даем гражданам не только свободу, мы предоставляем народам и их национальность.“¹²

Речь Семере, безусловно, является очень прогрессивной в условиях его эпохи, и представляет резюме буржуазно-демократических идей. Особенное значение ее состоит в том, что Семере *подчеркнул принцип равноправия наций*, хотя и не мог далее этого переступить границы мышления демократического буржуа. Чего же больше — не только закон, но даже и речь не распространяется на разрешение аграрного вопроса, так же, как и для венгерского крестьянства они были не в состоянии последовательно разрешить этот вопрос в соответствии с буржуазно-демократическими требованиями. Как это ясно и из речи, Семере считал закон временным и ожидал, что готовящаяся к разработке Конституция пойдет дальше или же по крайней мере вернется к позициям „*projet de pacification*“. Если мы дополним эту речь вышеприведенным письмом к Кошуту, то эта мысль станет ясной.

Таким образом, значение сегодского закона о национальностях от 1849 года состояло, главным образом, в том, что, осознавая необходимость соглашения, союза, общей освободительной борьбы, он был создан на основе реальных переговоров, направленных на его осуществление. События, предшествовавшие его рождению, облегчили развертывание прогрессивных сил общества, и поэтому, несмотря на все свои недостатки, он был пригоден к тому, чтобы подготовить совместную борьбу наших друг друга наций против упадочных сил общества.

*

В десятилетия, следовавшие за революциями 1848—49 гг., именно из-за незаконченности революций, из-за недостатков буржуазного преобразования в целом ряде стран Европы с повестки дня не сошли выступления поднимающейся буржуазии (или представляющих ее классов) против остатков феодализма. Поэтому эти два десятилетия по существу относятся к историческому периоду с 1789 по 1871 год, который Ленин характеризует следующим образом: „Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности,

¹² Там же, стр. 207—208.

эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений.¹³

В пятидесятых годах прошлого столетия еще не было решено, народные ли революции или войны государств, выступающих от имени поднимающегося капитализма, создадут предпосылки дальнейшего развития, то есть, зависело от соотношения классовых сил, будет ли закончена революция *снизу* или *сверху*. Так Ленин в связи с вопросом объединения Германии констатирует: „Оно могло совершиться, при тогдашнем соотношении классов, двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии.“¹⁴

Незаконченная и потерпевшая поражение буржуазная революция в Венгрии разрешила аграрный вопрос сверху, а не в результате крестьянской войны и поэтому только наполовину, вопрос же независимого государства, второго основного фактора, необходимого для капиталистического развития — она совсем не разрешила. Поэтому движения за независимость венгров и национальностей, вместе с ними страдавших под общим ярмом габсбургского абсолютизма, могли выступить в качестве прогрессивных сил. Вопрос состоял в том, каков будет характер этих национальных выступлений, то есть, есть ли класс, который опираясь на последовательно демократическую программу и движения широких масс, способен руководить революционно-освободительной борьбой не только национального, но и — с осуществлением объединения братских народов — интернационального характера.

Итак, здесь мы должны осветить, каково было классовое соотношение сил в Венгрии в 50—60-х гг. прошлого столетия. Это послужит ключом к объяснению того, почему союз в освободительной борьбе, составляющий решающее содержание румынско-венгерского соглашения от 1849 года, не имел продолжения; почему переговоры Кошута с руководителями румын, живущих за пределами страны, с этой точки зрения оказались безрезультатными, и почему венгерский помещичий класс, с 1867 года державший в своих руках политическую власть страны, „разрешил“ национальный вопрос *законом о национальностях от 1868 года — законом национального угнетения*.

Здесь, однако, мы должны коротко вернуться к вопросу о классовом соотношении сил венгерской революции 1848—49 гг. Результатом полуколониальной зависимости страны и вытекавшей отсюда неразвитости капиталистических отношений было не только то, что руководящий класс революции вышел из среднепоместного дворянства, но и то, что плебейские слои города представляли очень узкую основу для создания истинно

¹³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21. стр. 126.

¹⁴ В. И. Ленин, Соч. т. 19. стр. 265.

якобинского крыла. Поэтому не был осуществлен тесный союз с крестьянством, поэтому революция оказалась неспособной радикально ликвидировать феодальные учреждения, и поэтому не смогла она решить и национальный вопрос. Поэтому было достигнуто поздно и румыно-венгерское соглашение. Отсюда — противоречие между путем создания закона о национальностях и текстом закона. В то время, как этот последний с точки зрения национального вопроса одновременно выражал буржуазную и дворянскую ограниченность и совершенно не касался аграрного вопроса, *объективное классовое содержание самого соглашения* составлял тесный союз с крестьянством, в первую очередь румынским. За Балческу стоял Янку, Янку же, вождь вооруженных крестьянских отрядов, уже весной 1848 года провозглашал лозунг крестьянской демократии:

„Вечный и бесплатный выкуп — или смерть!“ Именно эти крестьянские массы вопреки всяким Сагунам и Барнутину наложили печать крестьянских демократических требований на решения балажфальвского собрания 15—16 мая 1848 года.

Венской камарилье удалось использовать национальные и классовые противоречия, вытекавшие из соотношения классовых сил в венгерской освободительной борьбе для того, чтобы оторвать от революции готовые к бою войска крестьянской войны, в том числе и румынское крестьянство. Это также является одним из противоречий нашей освободительной борьбы — силы крестьянской войны согласны на объединение лишь непосредственно перед поражением борьбы, когда уже поздно.

Далее встает вопрос: проявляется ли в годы после освободительной борьбы тенденция к намерстанию этого опоздания, то есть, имеется ли такое изменение в классовом соотношении сил, которое создает возможность начала новой революции и освободительной борьбы?

Что касается национальностей, проживающих на территории страны, несомненно, что в годы габсбургской реакции в них все больше накапливалось недовольство. В 1848 году Вена обещала национальностям свободу языка, создание федеративного государства, построенного на королевских провинциях, имеющих самоуправление, полное равенство — вместо этого они попали под гнет армейского и бюрократического аппарата централизованной государственной власти. На долю национальностей „на основе gleiche Beknechtigung, то есть я хочу сказать, на основе gleiche Berechtigung пришелся лишь немецкий язык“, ¹⁵ как удачно выразился румынский депутат Алайош Влад, характеризуя положение, на заседании венгерского сейма 1861 года.

Враг был общим — в лице габсбургского абсолютизма, австрийского государства. Осознание этого национальностями, в том числе и венгерской нацией, — которые, правда, были вызваны к жизни капиталистическим

¹⁵ Цитируется в „Háborús fe'el'össég“ („Военная ответственность“), 1 июня 1929 г., № 3. (Из дневника XXXIV заседания парламента 1861 г.)

развитием, но превращению которых в целостные нации феодальные пережитки продолжали препятствовать, — могло бы послужить исходным пунктом их борьбы за независимость в тот момент, когда в области внешней политики Австрию трепал рост капиталистических сил Европы — в 1859 году во имя объединения в национальное государство Италии, в 1866 году Германии. В 1860 году, Энгельс следующим образом характеризует положение империи Габсбургов, пошатнувшееся после известных поражений предыдущего года (Мажента и Сольферино): „Ее финансы, которые перед войной должны были быть приведены в порядок, были подорваны на десятилетия, вся внутренняя система государственного управления безнадежно расшатана, ее государство в Италии уничтожено, территория урезана, войска деморализованы и лишены веры в своих вождей; венгерцы, славяне и венецианцы настолько подняли свое национальное движение, что отпадение от Австрии стало их открыто выраженной целью.“¹⁶

Правда, итальянская борьба за независимость была использована в собственных захватических целях Наполеоном III-им, правда, объединение Германии было проведено Бисмарком путем династических войн, все же в момент начала этих войн еще была возможность превращения их в национально-освободительные войны, потому что как пишет Ленин, „Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—97 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося, от разных видов феодализма буржуазного общества“.¹⁷ „Главным классом который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом.“¹⁸

Именно эта нерешенность борьбы создала возможность того, чтобы для ее завершения *объективно были открыты еще два пути*: с одной стороны, путь буржуазно-демократической революции, с другой — путь военных конфликтов, вытекающих из состязания национальных буржуазий.

В цитировавшейся выше статье Ленин пишет о том, что в связи с международными конфликтами Маркс взял курс на выступление плебей-

¹⁶ Энгельс, „Савойя, Ницца и Рейн“, приводится в сборнике „Избранные военные произведения“, Москва, 1941. т. I, стр. 139.

¹⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21. стр. 127.

¹⁸ Там же, стр. 127.

ских масс, особенно крестьянства, то есть Маркс видел возможность завершения борьбы против феодализма в буржуазно-демократической революции и быстрой подготовки пролетарской революции. Мы видели: в случае Германии, Ленин, говоря о 60-х годах, вместо германской буржуазии, испугавшейся в 1848 году революционного выступления пролетариата и бросившейся в объятия реакции, уже решительно намечает возможным руководящим классом буржуазно-демократической революции пролетариат. Для революционного же объединения Германии, констатирует Ленин в согласии с точкой зрения Бебеля, „не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, не было крепкой организации, сплачивающей силы, и настроение пропало даром“¹⁹ г. е., не было революционной социал-демократической партии, которая поняла бы задачи гегемонии.

В Венгрии на пороге 60-х годов „различные слои имущих товаропроизводителей“, то есть представители товаропроизводительного землевладения и начинающей развиваться буржуазии, объективно также были еще прогрессивны, постольку они заинтересованы в ликвидации колониальной зависимости, в создании экономической и политической самостоятельности страны и, таким образом, противостоят абсолютизму Габсбургов. В то же время, однако, именно из-за нерешенности земельного вопроса это поместное дворянство неспособно даже к такому сотрудничеству, как в 1848 году, когда оно и само до некоторой степени было заинтересовано в ликвидации крепостных отношений. Как мы видели, в 1848—49 гг. из-за двойственного характера этого класса попытка сотрудничества с национальностями (и одновременно, объективно, с крестьянскими массами национальностей) появилась поздно. Естественно, этот класс не мог продолжать дело там, где проявилась объективная тенденция венгерско-румынского соглашения 1849 года — в союзе с крестьянской войной — и тем менее потому, что в сельском хозяйстве развитие капитализма шло уже по прусскому пути. Хотя в годы угнетения он и противостоит Вене, потому что за отсутствием политической власти ни его экономические интересы не обеспечены, ни в политическом и административном аппарате страны он не может занять свое место, все же разрешения для себя он может искать лишь в умеренных формах „прогресса“. Этот класс и вместе с ним до определенной степени буржуазия (перед которой стояли препятствия в торговой и промышленной деятельности, в связи с зависимым положением страны), недовольны, не раз даже „бунтарски“ настроены, но они ни в каком случае не революционны. Как известно, эти классы наряду с обеспечением определенной экономической и политической самостоятельности стремились завоевать соответствующее их интересам место

¹⁹ Там же, т. 17, стр. 206—207.

внутри империи Габсбургов, хотели опираться на ее кредитные органы, на ее рынки и велико-державное положение. Они уже не были способны создать ни единый национальный фронт, ни — в связи с этим — объединение с национальностями для начала совместной освободительной борьбы!

Чтобы начать национальную борьбу за независимость, на крестьянство, ропшущее из-за нерешенности земельного вопроса, а также из-за тяжелых австрийских налогов, и бремени военной службы, мог опираться только такой класс, который с радикальной земельной реформой поспешил бы на помощь распыленным мелким крестьянским владениям и миллионам безземельных батраков. Однако, тот единственный класс, который был способен на это после поражения революций 1848 года — промышленный пролетариат — в этот период в Венгрии едва зарождался.

О защите своей независимости против императорской власти также могла думать только такая нация, которая опирается на общую освободительную борьбу широких венгерских и не венгерских — трудящихся масс. Однако, венгерские помещики и буржуазия, именно потому, что они боятся движения масс, боятся и отрыва от империи Габсбургов. Их путь ведет к ком промиссу, к завершению революции „сверху“, к соглашению 1867 года. И вместо революционного использования международных конфликтов они ловко используют трудности одной из великих держав, участвующих в конфликтах — Австрии — и одновременно поступают к ней на службу. По существу подобным же образом в 50—60 годах „имущие товаропроизводительные классы“ Валахии и Молдавии путем компромисса разрешили вопрос об объединении двух княжеств и создании самостоятельного Румынского государства. А ведь в Дунайских княжествах крестьянство не освобожденное от крепостного бремени, могло бы в конце 60-их годов выступить в качестве могучей революционной силы. Но эти классы уже боялись именно крестьянской войны. Так для достижения своих целей они использовали раздоры групп европейских великих держав и их перегруппировку и в конце концов попали в их фарватер. В первую очередь, классовое соотношение сил было причиной того, что в 50—60-их годах Кошут не нашел настоящего отклика в Венгрии. Между прочим, и из-за этого стал утопическим план Дунайской конфедерации, не только в отношении Венгрии, но и в отношении планировавшихся союзников, рождавшихся соседних государств. „Этот план — пишет Йо жеф Ревай — возражал против проведения в жизнь наследства революций 48-го года *сверху*, однако, он не смел и не мог апеллировать к *низам*, к народу, к истинно революционным национальным движениям.“²⁰

Кошут в эмиграции продолжает развивать план заключения союзов 1849 года и в связи с этим доходит до возможно более широкого разре-

²⁰ Révai József *Marxizmus és magyarság* (Марксизм и венгры). Будапешт, 1946., стр. 181. Империя и „сознание миссии“.

шения национального вопроса внутри страны, настолько, что вариант плана от 1862 года, план дунайской конфедерации уже содержит и признание права нации на самоопределение вплоть до отделения — хотя с некоторыми оговорками в связи с Трансильванией. Однако, он не умеет да и не мог последовательно связать вопрос борьбы за независимость ни венгерского, ни соседних народов с требованиями крестьянской демократии. Субъективная тенденция в эмиграционных планах Кошута является, в конечном счете, отражением того объективного факта, что как венгерские, так и валашские и молдавские товаропроизводительные слои стали неспособны к руководству революционным движением. Кошут также не мог освободиться от ограниченности этих слоев. Этим объясняется то, что посланцы Кошута в Венгрии устраивают заговоры в среде дворянских слоев, что в своих планах Дунайской конфедерации он ведет переговоры сверху, то есть партнерами являются князья Куза и Обренович. В 1859 году общий фронт Кошута и Кузы с Наполеоном III-им своеобразно выражает, что ни один из них не может в борьбе против пяти держав опереться на то, что Энгельс называл шестой великой державой Европы — на революцию.

И Кошут, хотя он прислушивается к русской демократии и слышит гул „Колокола“, не может подобающим образом оценить ту могучую силу, которая в случае борьбы за национальную независимость венгерского и соседних народов могла бы связать руки царизму — движение демократических сил России, проявившееся в конце 50-их годов.

Маркс в своем письме Энгельсу от 13 декабря 1859 года пишет:

„В России движение идет быстрее, чем во всей остальной Европе.“ „В следующей революции России придется принять благосклонное участие.“²¹ Энгельс же в своей выше цитировавшейся статье в 1860 году подчеркивает: „Между тем мы получили союзника в русском крепостном.“²² Далее он говорит, что внешняя политика царизма уже подорвана внутренним политическим развитием страны и вытекавшей отсюда вспышкой классово-вой борьбы.

В конце 50-их годов, когда в некоторых странах Европы вновь зреют предпосылки революции, Россия впервые проявляется бременной силами буржуазно-демократической революции. В связи с положением 1861 года, при оценке сил демократических движений, особенно же крестьянских волнений, Ленин говорит о возможностях революционного взрыва.²³ Но тогда из брожений не родилось революции. Ленин указал, что освобождение крепостных в 1861 году осуществлено было сверху, в проведенной феодалами полувинчатой „крестьянской реформе“ „в силу крайней

²¹ Маркс—Энгельс, Сочинение, т. XXII, стр. 468—469.

²² Энгельс, „Савойя, Ницца и Гейн“, приводится в сборнике „Избранные военные произведения“. Москва, 1941 г. т. I, стр. 141.

²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 395.

слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования.²⁴ Потому что „*революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было*“.²⁵ Промышленный пролетариат, родившийся в пореформенные десятилетия, стал затем в России руководящим классом революции.

В отношении же 50–60-ых годов, в случае с Венгрией и Румынией (Валахия и Молдавия) положение также было таково, что „среди угнетенных масс не было еще революционного класса“. Кошут или Куза, даже еслибы они попытались последовательно опираться на *крестьянское движение, в конечном счете потерпели бы неудачу из-за формирования классовых сил, потому что не было класса, который еще или уже мог бы руководить революцией*. Так произошло и то, что „в 1858 и в 1866 году в Европе снова была объективно революционная ситуация и эта ситуация только потому прошла неиспользованной, что демократические национальные силы выступили не в качестве самостоятельного фактора, а в хвосте реакции.“²⁶ На компромиссы шел не только венгерский господствующий класс, но в концепцию Кошута из-за этого просочились элементы компромисса, которые нашли свое выражение в политике переговоров с великими державами. Именно поэтому его Дунайская конфедерация не была направлена прямо против Англии. Поэтому он не был способен рассчитывать и на русскую революцию, как возможного союзника в революционной борьбе за независимость. Поэтому он пытался завоевать своими планами нейтралитет Англии, хотя ему было хорошо известно, что официальные английские круги явились врагами венгерской независимости. В конце концов он выбирает среди реакционных держав — Англии и царской России — ту, которую считает „меньшим“ злом, точно также, как в переговорах с Наполеоном III-им и Бисмарком. С этим связано то, что в своем письме, направленном 23 июня 1862 года Иштвану Тюрр, Кошут относительно плана Дунайской конфедерации пишет следующее: „Общеизвестное дело, что английские дипломаты обычно мотивируют поддержку гнилой Австрии вопросом: «что можно положить вместо Австрии на весы европейского равновесия?» На дне этого вопроса много обмана, но раз этот вопрос существует и раз Англия несомненно много весит в европейской политике, то мы считаем немалой заслугой проекта конфедерации то, что на поставленный вопрос он дает такой ответ, который сбещает положить на весы европейского равновесия гораздо более надежный груз, чем способна положить австрийская династия.“²⁷

Кошут, который не мог освободиться от чар всемогущества царской власти, искал точки опоры прежде всего против царизма, причем исходя

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 90.

²⁵ Там же, стр. 94. (Подчеркнуто мною Э. Г. Ф.)

²⁶ Йожеф Реваи, Марксизм, народничество, венгры. Будапешт, 1948 г., стр. 148.

²⁷ Сочинения Лайоша Кошут. Будапешт, 1898 г. т. IV, стр. 5.

не из вопроса европейской революции, а единственно, из вопроса венгерской независимости. Все это происходило в такой исторический период, когда во многих странах Европы еще не были ликвидированы феодальные силы. Хотя Кошут видит разницу между „русской нацией и русской властью“, в лице русского народа, борющегося против царизма, он еще не может видеть будущего освободителя и великого союзника народов Венгрии и Балкан. Но, повторяем, это был иной исторический период, чем настоящий. Концепция Кошута родилась в доимпериалистическую эпоху, эпоху монополистического капитализма, когда центр тяжести революции еще не переместился с Запада в Россию. В отношении Англии у Кошута все еще были либеральные иллюзии, хотя он резко повернулся против Пальмерстона и осудил политику правительственных кругов. Эти факторы объясняют его непоследовательность, когда он не мог связать рождение нового „равновесия“ с перспективой европейской революции, а предполагал создать его внутри имеющийся государственной системы Европы. Таким образом, эта концепция нереальна. Она исходит из той иллюзии, что малые народы, защищающие свою свободу, своим лавированием смогут нейтрализовать ту или другую захватническую великую державу и таким образом спасутся от вмешательства.

В то же самое время, однако, большой заслугой проекта Кошута, который связывался с широко демократическим представлением о разрешении национального вопроса, являлось признание равноправия наций и национальностей.

Йозеф Реваи в своей работе, посвященной Лайошу Кошут, и в статье „Империя и сознание миссии“ указал, что в хортистской Венгрии господствующие классы и часть их партий упоминанием проекта Дунайской конфедерации хотели оправдать свою антисоветскую и стремящуюся к особому венгерскому империализму политику: „За антигерманской видимостью скрывалась антисоветская цель.“ „Этим реакционным контрабандным товаром промышляли, главным образом, венгерские демократические партии, но не имело против него возражений и то крыло венгерской реакции, которое, видя поражение гитлеровской Германии, пыталось сменить практику „общности судьбы“ с немецким империализмом на теорию „солидарности малых народов“.“²⁸

Реваи подчеркивает, что „Дунайская конфедерация Кошута провозглашала не вообще союз малых народов, вообще против великих держав, а союз борющихся за свою независимость малых народов против реакционных захватнических великих держав.“ „Но как же можно, ссылаясь на Кошута 1858 года, в 1944 году провозглашать, что придунайские народы должны объединяться против любой великой державы, то есть и против России,

²⁸ Йозеф Реваи, Марксизм, народность, венгры. Стр. 151—152.

против той России, которая является защитником и освободителем придунайских малых народов от ига германского империализма.²⁹

К этому же — в связи с последним развитием событий — мы должны добавить, что проект Дунайской конфедерации Кошута точно также не имеет никакого отношения к напечатанному империалистическими великими державами титовскому проекту Балканской федерации, антисоветское, реакционное острие которого одновременно направлено на удушение свободы и независимости народно-демократических стран, опирающихся на своего великого Освободителя, на страну социализма. Сегодня, в эпоху отмирающего капитализма и победоносного социализма, этим планом Балканской федерации, пропитанным шовинистической политикой Тито, реакционные западные державы всего хотели достичь распространения заразы космополитизма, удушения здорового патриотизма народно-демократических стран, строящих социализм. Так Тито и его сообщники, разоблаченные в Венгрии, хотели подготовить подчинение империалистическим державам, так хотели они вырвать народно-демократические страны из союза СССР. Из этого, однако, ясно, что т. н. „Балканская федерация“ не имеет никакого отношения к концепции Кошута, которая „провозглашала союз борющихся за свою независимость малых народов против реакционных захватнических великих держав“ и которая признанием равноправия наций, по существу вступала в борьбу против шовинизма. Но, с другой стороны, проект Кошута в сегодняшних условиях как раз соответствует тому, чтобы Венгрия вместе с остальными странами народной демократии была преданной дружбе и союзу с социалистическим Советском Союзом, защищающим независимость свободолюбивых народов против реакционных великих держав.

Что касается разрешения самого национального вопроса в проекте Кошута, то он несет в себе идею закона о национальностях 1849 г., вернее, предшествовавшего ему „projet de pacification“, когда признает:

а) Каждый муниципий сам принимает решение об официальном языке для себя. На этом языке проводятся устные совещания, подготавливаются доклады и письма начальнику комитата, прошения правительству и сейму. Каждый муниципий также сам принимает решение по вопросу, на каком языке должно вестись преподавание в его школе.

б) Каждый комитат большинством голосов решает, каким языком должно пользоваться управление. На этом языке будут проводиться устные переговоры, составляться протоколы. Кошут идет здесь дальше, чем „projet de pacification“, потому что он подчеркивает, что на этом языке „будет вестись переписка с правительством. Правительство на этом языке отвечает и на этом же языке составляет все свои постановления.“

в) На заседаниях парламента каждый депутат по желанию может пользоваться любым из языков, употребляемых в стране.

²⁹ Йозеф Ревач, Марксизм, народничество, венгры. Стр. 151—152.

Таким образом, Кошут преступил и этот пункт закона от 1849 года, и „*projet de pacifikation*“, в котором говорилось, что дипломатическим языком страны должен быть венгерский. *Здесь проявилась определенная форма административной автономии, основанной на полной свободе пользования языком.* Правда, это не является последовательной концепцией территориальной автономии, но, во всяком случае, это — значительный шаг вперед в этом направлении.

Нужно, однако, сказать, что Кошут пронизал разрешение национального вопроса также одной из форм культурно-национальной автономии:

„д) Жители страны могут свободно объединяться в интересах своих национальностей в большие национальные объединения (*consortii*),

могут организовываться по своему желанию и проводить собрания, приуроченные к определенному времени совещания в целях улаживания своих религиозных дел. Одновременно они могут избирать своего национального руководителя и называть его воеводой, господарем или как-нибудь в этом роде.

е) Право распоряжения своими церквями и школами они могут поручить своим национальным объединениям, свободно избирая своего высшего священника и называя его патриархом, митрополитом или как-нибудь в этом роде.

ж) В отношении своих национальных и религиозных интересов они могут выносить постановления.“³⁰

Пункты д), е), ж) ясно противоречат вышеприведенным и по своей тенденции скрывают в себе ту опасность, что это *внетерриториальное объединение лиц, принадлежащих к отдельным нациям, препятствует размежеванию классов.* Оно способствует тому, чтобы не только крестьянство, но и пролетариат попал в хвост национальной буржуазии и ее церкви. Ленин и Сталин в целом ряде своих работ по национальному вопросу разоблачают буржуазно-националистический характер „культурно-национальной автономии“. Так, Ленин в своем труде „Критические заметки по национальному вопросу“ пишет следующее:

„Проповедь полного равноправия наций и языков выделяет в каждой нации один только последовательно демократические элементы, т. е. только пролетариев, *объединяя их не по национальности, а по стремлению к глубоким улучшениям общего строя государства.* Наоборот, проповедь „культурно-национальной автономии,“ несмотря на благие пожелания отдельных лиц и групп, *разделяет нации и сближает на деле рабочих одной нации с ее буржуазией...*“³¹

Несмотря на все это, у Кошута это противоречивое представление о национальном вопросе при демократизме всей программы далеко не

³⁰ Сочинения Лайоша Кошута, т. VI, стр. 11.

³¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 25,

настолько скрывало в себе опасности, сопутствующие культурной автономии, как законы IX и LXIV от 1868 года, о которых речь будет идти ниже и которые узаконением практики национальной политики венгерского господствующего класса, содействовали развитию буржуазного национализма и шовинизма, как в венгерской нации, так и в остальных национальностях.

Этот шовинизм уже пустил глубокие корни в венгерском господствующем классе на его пути к соглашению и так он дошел до полного обеспечения национальной супремации в законах 1868 года.

Тяжелое положение Австрии, возникшее благодаря поражению в 1859 году, венгерский помещичий класс вскоре же попытался использовать для получения уступок. Вместо борьбы за национальную независимость Ференц Деак, от имени этого класса провозглашал пассивное сопротивление, затем, в начале 1861 года, в целях приобретения относительной самостоятельности он вступает в переговоры с кайзером Францем Йосифом. Его позиция в национальном вопросе видна и из того письма: в котором он рассказывает о переговорах и где, между прочим, пишет, „Третий тяжелый вопрос представляют невенгерские национальности, которые выступают с несуществимыми требованиями, хорваты, сербы, валахи все хотят считаться отдельными политическими нациями, все выступают с такими претензиями, удовлетворение которых раздробило бы страну, ликвидировало бы Венгрию и создало бы в крайнем случае новое союзное государство, в котором венгерская раса составляло бы лишь осколок в середине страны без естественных, защитных границ“.³²

Вена естественно, лишь в целях разделения сил обещала национальностям определенную узкую автономию. Она хотела использовать национальности для контр-давления на венгерский сейм, собравшийся после октябрьского диплома 1860 года и февральского патента 1861 года. Этим они хотели парализовать стремления венгерских руководящих классов к самостоятельности не соответствующей интересам империи Габсбургов. Сначала, однако, Вена пошла навстречу венгерским руководящим классам и 5 января 1861 года ликвидировала и присоединила к Венгрии Войводину, эту карикатуру самостоятельной коронной провинции, представленной австро-славянскими стремлениями и с 1849 года вегетирующей под военным владичеством Вены.

Против шовинистических руководящих классов, ворчащих на „Рейхсрат“, но готовых к соглашению, Вена выдвигает их шовинистических соперников — Сагуну и Раячича, а их приверженцев верными орудиями интриг камарильи в 1848—49 гг. Они вновь появляются на сцене и как будто вновь выдвигают прежние национальные требования, однако,

³² Magyar Remekírók. Т. 13. Deák Ferenc munkáiból. (Из писем Ф. Деака) Будапешт, 1906. т. I. стр. 338.

они тщательно следят за тем, чтобы эти требования не слились с крестьянскими требованиями 48-го года. 2 апреля 1861 года в Карловице под предводительством Раячича собрался сербский национальный конгресс, который хотел восстановить Войводину, но этот раз под эгидой венгерской канцелярии, существовавшей до 1848 года и восстановленной октябрьским дипломом. В то же время Раячичу и в голову не пришло упомянуть о требованиях сербских пограничников, а ведь они попрежнему все еще мучились под австрийским военным управлением. Лишь условно в резолюции было включено, что „если военная организация пограничного округа будет ликвидирована, то входящие сюда районы также смогут посылать своих депутатов в территориальное собрание“.³³

Истинное лицо Раячича хорошо показал демократ Яко Игнятович в своей речи на первом заседании сейма 1861 года, в которой он разоблачил феодально-милитаристскую систему пограничных округов. Население здесь „живет чуть ли не на положении рабов... то, что страна переживала в течение 11 лет, переживают пограничники уже в течение полутора столетий... Военные власти неограниченно господствуют, политические и национальные проявления селам не разрешаются, строгость военной власти унижает души, поместные отношения являются карикатурой земельной собственности, военный феодализм душит зарождающееся благосостояние.“³⁴

Заседавший в Сибю 13—16 января 1861 года румынский национальный конгресс, который находился под влиянием епископов Сагуна и Сулуциу, подготовил законопроект об избирательном праве. Этот проект связывал *избирательное право с имущественным цензом* или интеллигентским поприщем и особо подчеркивал обеспечение политических прав для всех лиц духовного звания. Это уже очень далеко от демократии первого пункта балажфальвских решений, в котором высказывалось лишь желание, чтобы румынская нация в соответствии со своей *численностью* получила представительство в сейме. Решение, принятое в Сибю и принятое затем на Дюлафехерварском совещании за основу избирательного закона, исключило из пользования политическими правами значительную часть румынского трудового народа, массы нищих батраков.

На основе предложения Сулуциу, трансильванское совещание, состоявшееся в феврале 1861 года в Дюлафехерваре, потребовало объявления румын „четвертой“ законной нацией. В данных обстоятельствах, если это уже и не означает полностью четвертой сословной нации „*Supplex libellus Valachorum*“, то во всяком случае является шагом назад по срав-

³³ *Kemény Gábor*, A magyar nemzetiségi kérdés története (История венгерского национального вопроса). Будапешт, 1946 г. ч. 1., стр. 63.

³⁴ Приводится в „*Háborús felelősség*“, 1 января 1929 года № 3, стр. 207. (Из дневника сейма 1861 года, заседание XXXIV).

нению с балажфальскими демократическими требованиями национального равноправия. В этих решениях выражается своеобразная смесь умеренных либеральных воззрений и сословных реминисценций; *эти решения хотят ограничить избирательное право рамками участия в налоговом бремени*, в то же самое время участие румын в государственной администрации, основывающееся на законных требованиях свободы языка, строится на еще имеющихся остатках сословных автономий.

На трансильванском сейме 1863—64 гг. стало ясно, чего хотела достичь Вена, когда обещала равноправие национальностям Трансильвании. Закон о „применении трех общегосударственных языков“, принятый 13 сентября 1863 года, в своем первом пункте, правда, утверждает, что „три общегосударственных языка — венгерский, немецкий и румынский — в административных делах равноправны“³⁵, но в 15-ом пункте становится видным шило в мешке: „*При сообщении с королевскими военными властями села пользуются собственным языком, муниципальные органы и их учреждения по возможности пользуются немецким языком*“.³⁶

Таким образом, речь идет о новом издании „gleiche Beknechtigung“ под австрийским скипетром.

Здесь также ясно, что все это видимое осуществление равноправия являлось в руках Вены лишь средством против венгерского руководящего класса, чтобы он отступил. В 1867 году Австрия предположила призыву венгерского господствующего класса „четвертую равноправную нацию.“

В сейме 1861 года уже сильно заметно было стремление венгерского руководящего класса приобрести собственную национальную самостоятельность не с помощью объединения с другими национальностями, не прогив Австрии, а именно в ущерб остальным и продав в замен значительную часть независимости Венгрии, т. е. приобрести относительную самостоятельность на основе соглашения. „Национальная комиссия“, назначенная сеймом 1861 года, стремилась уже утвердить особое положение венгерской нации и явилась, таким образом, предшественницей авторов закона о национальностях от 1868 года, когда провозгласила: „... Все граждане Венгрии, говорящие на любых языках, составляют одну нацию — единую и неделимую венгерскую нацию в соответствии с историческим понятием о венгерском государстве“.³⁷

Уже в этом сейме выступила группа национальных деятелей, которая стремилась разрешить этот вопрос до некоторой степени в рамках политики венгерского руководящего класса. В конечном счете, это также компромиссная тенденция, потому что отношение ее к революции было

³⁵ Приводится в книге Габора Г. Кемень „История венгерского национального вопроса“, ч. 1, стр. 61.

³⁶ Там же, стр. 61. Подчеркнуто мною. Э. Г. Ф.

³⁷ Там же, стр. 54.

таким же, что и у венгерского помещичества. Интеллигенция национальностей, выступавшая в качестве представителя национальной буржуазии и помещичества, искала для себе решения вопроса без массового движения, без общей освободительной борьбы, путем соглашения с этим классом. Несмотря на все это, в этом стремлении есть и нечто положительное — ища возможности национального примирения, оно объективно способствует размежеванию классов. Это проявилось еще больше в феврале 1867 года, когда группа румынских и сербских депутатов, приняв к сведению существующее положение — готовое вот-вот совершиться соглашение — разработала законопроект, целью которого было национальное сближение в рамках венгерского государства. Однако, большинство комиссии, разрабатывавшей закон о национальностях от 1868 года, не приняло во внимание этот законопроект и в течение целого года оттягивала решение этого вопроса. Это и понятно! Венгерский господствующий класс нуждался в свершившемся факте соглашения, чтобы затем, имея в своих руках политическую власть, навязать национальностям свою систему законодательства о национальностях. Это доказывают законы: IX/1868 „По делам граждан, исповедующих православие“, XXX/1868 „Об узаконении соглашения, достигнутого между Венгрией, Хорватией и Далмацией по существующим ими вопросам государственного права“ и XLIII/1868 „О подробном урегулировании объединения Венгрии и Трансильвании“, которые составляют единую систему с законом XLIV/1868 „По вопросу национального равноправия“. *Другими словами, эти законы составляют единую цепь национального угнетения.* Аннексионный характер законов XXX/1868 и XLIII/1868 ясен, закон же IX/1868, который кажется справедливым и представляется так, как будто преследует цель обеспечения свободы вероисповедания (и который и со стороны национальностей был понят именно так,) — *именно этот закон вместе с законом о национальностях был пригоден для того, чтобы бросить трудящиеся массы национальностей на произвол не только национальной буржуазии, но и клерикальной реакции.* Этот закон, во втором параграфе говоря об учреждении специальной метрополии для румын и сербов, исповедующих православную религию, в третьем параграфе гласит: „... Верующие вышеназванных двух метрополий имеют право самостоятельно решать все вопросы, касающиеся церковных и школьных дел в рамках законов страны на специальных церковных соборах (конгрессах), которые созываться этими метрополитами с предварительным заявлением об этом Его Величеству, и самостоятельно вести эти дела через посредство своих чиновников в соответствии с правилами, принятыми на этих конгрессах и утвержденными Его Величеством“.³⁸ Если мы сопоставим этот параграф с 26 параграфом закона XLIV от 1868 года „По вопросу национального равноправия“, то станут ясны

³⁸ Magyarország hatályos törvényei (Действующие законы Венгрии). Будапешт. 1943 г., стр. 133. Подчеркнуто автором.

намерения венгерского господствующего класса. Здесь мы читаем: „Как до сих пор отдельные граждане любых национальностей, также, как села, *церкви, церковные приходы*, имели право *создавать* собственными силами или путем объединения *нижние, средние и высшие школы*, так они имеют это право и в будущем. В этих целях создания других институтов, содействующих развитию языка, искусства, науки, экономики, промышленности и торговли, отдельные граждане под контролем установившимся законом, могут объединяться в общества и объединившись, создавать правила, действовать в соответствии с правилами, утвержденными правительством, могут создавать денежный фонд и под контролем правительства могут распоряжаться им в соответствии с их национальными законными потребностями.“³⁹

Эти так называемые национальные „права и свободы“ в период безудержного национального гнета, последовательно за соглашением, благоприятствовали самой реакционной форме „культурно-национальной автономии“. *Эти законы отдавали национальные школы в руки церкви и таким образом были очень пригодны для того, чтобы удержать угнетенные классы национальностей от классовой борьбы.* „Не подлежит сомнению, — пишет Ленин, — что «национальная культура» в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов, и буржуазных шовинистов во всех странах мира“.⁴⁰ Для вышеприведенных параграфов это еще более действительно, потому что венгерская школьная политика последующих десятилетий, а именно: закон о народном образовании от 1879 года, закон о средних школах от 1883 года и закон о сельских и церковных народных школах от 1893 года, оставляя национальные школы в руках церкви, в то же время последовательно вытесняли в этих школах преподавание языка национальностей и навязывали им венгерский язык. Все это увенчал в 1907 году т. н. Lex Aranyi. Этими своими мероприятиями венгерский господствующий класс не только поставило на повестку дня насильственное распространение венгерского языка, а прямо гнал национальности, борющиеся за свободу своего языка, в объятие церкви, отвлекало их от социальных требований и придавало их сопротивлению религиозную окраску. Так было легче разделить трудящиеся массы и воспрепятствовать тому, чтобы массы венгерских и национальных трудящихся объединились в общем демократическом фронте против эксплуатации и бесправия. Буржуазия всех наций и в Австрии и в России под лозунгом „национальной культуры“ проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.“⁴¹

³⁹ Там же, стр. 165.

⁴⁰ В. И. Ленин, Сочинения. Т. 20, стр. 19.

⁴¹ Там же, стр. 5.

В своих произведениях Ленин и Сталин не раз призывают внимание к тому, что „национальный мир“ нужен именно для того, чтобы развернулась классовая борьба, буржуазия же провозглашает „классовый мир“ под предлогом национального единства. Признание равноправия и права наций на самоопределение, вплоть до отделения, важно именно из-за национального мира, свободное же развитие национального языка представляет прямой интерес для пролетариата. „Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству.“⁴²

Сталин же в связи с этим вопросом в своем произведении „Марксизм и национальный вопрос“ пишет следующее: „Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчиненных наций.“⁴³

В вышеприведенной системе законов национального угнетения закон LXIV/1868, конечно, наиболее характерен для всей угнетательской политики венгерского господствующего класса. На основе соглашения венгерскому господствующему классу были развязаны руки для эксплуатации и политического угнетения как венгерского крестьянства и рождавшегося рабочего класса, так и трудящихся масс национальностей вообще, а для угнетения национальностей в особенности.

„Есть старая специальная система управления нациями, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, Дает им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через нее на остальные. Так управляли, например, в Австрии. Всем памятно заявление австрийского министра Бейста, когда он позвал венгерского министра и сказал: ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь. То есть, ты, мол, жми и дави свои национальности в Венгрии, а я буду давить свои в Австрии. Ты и я — привилегированные нации, а остальных дави. Далее это оссбая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными. С точки зрения бюрократии — это экономный образ управления, потому что приходится возиться с одной национальностью, но с точки зрения политической — эта верная смерть государства, ибо нарушать принципы равенства национальностей и до-

⁴² Там же, стр. 137.

⁴³ И. В. Сталин, Сочинения. Т. 2, стр. 308.

пускать какие-нибудь привилегии одной национальности — это значит сбросить свою национальную политику на смерть.⁴⁴

Венгерский господствующий класс опирался уже на привилегии, полученные из австрийских рук, когда в 1868 году парламент закончил обсуждение национального вопроса. 24 ноября этого года Ференц Деак в большой речи заявил, что: „В Венгрии существует только одна политическая нация — единая неделимая венгерская нация, равноправным членом которой является каждый гражданин Родины, к какой бы национальности он ни принадлежал.“⁴⁵ Провозглашение этого „равноправия“ трудящимся венгерской национальности служило для прикрытия эксплуатации, политического бесправия. Для национальностей же это заявление не являлось ничем иным, как открытой и сознательной прокламацией венгерского превосходства и угнетения национальностей.

Парламент отклонил законопроект, подготовленный национальными депутатами, законопроект, который основывался на национальном равноправии, определенной форме территориальной автономии и — одновременно — на центральном управлении, едином законодательстве и государственной администрации. Пятого же декабря парламент проголосовал за пресловутый закон, носящий звучное название „По вопросу о национальном равноправии“, в первой же фразе введения которого это самое равноправие объявлялось вне закона. Так мы читаем „Поскольку все граждане Венгрии согласно основным принципам конституции в политическом отношении составляют одну нацию — единую, неделимую венгерскую нацию, равноправным членом которой является каждый гражданин Родины, к какой бы национальности он ни относился,⁴⁶ а далее мы читаем только о „применении различных языков, имевших хождение в стране“, т. е. о самих же национальностях в этом введении даже не упомянуто. В отличие от этого, в введении сегодешнего закона о национальностях (в целях сравнения цитируем еще раз) говорится: „Настоящим законом обеспечивается свободное национальное развитие всех народностей, проживающих на территории венгерского государства“. Регресс очевиден.

Если до 1848 года, а затем и в период революции и освободительной борьбы Кошут долгое время считал, что одного личного равноправия достаточно для того, чтобы каждый житель страны считал себя членом венгерской нации и поэтому нет нужды в особых национальных правах, то это еще основывалось на отсутствии исторического опыта, то есть на произвольной ошибке. В парламенте же 1868 года не могло быть и речи о произвольности. У Кошута существенным является именно то,

⁴⁴ И. В. Сталин, Сочинения. Т. 5, стр. 255.

⁴⁵ Приводится в „Háborús felelősség“ апрель-июнь 1929 г. № 4—5, стр. 383—385. (Выдержка из дневника парламента 1865—68 гг., т. II, CCCXXXIII).

⁴⁶ Magyarország hatályos törvényei (Действующие законы Венгрии), стр. 156.

что он уже и в период освободительной борьбы до некоторой степени пересмотрел свою старую точку зрения и еще больше стремился освободиться от этой юридической фикции в своем проекте, разработанном в эмиграции. Парламент же 1868 года прямо повернулся спиной к тому опыту, который после освободительной борьбы уже можно было бы извлечь в отношении национального вопроса. Кошут, несомненно, шел вперед, проект, предложенный национальными депутатами, также означал определенный прогресс, в конечном счете они приспособливались к направлению движущих сил истории. Венгерский же господствующий класс своей шовинистской политикой пробовал задержать прогрессивные силы истории. В этом вопросе он также стал реакционным. Если в 1848 году непризнание венгерской стороной значения национального вопроса было политической ошибкой и закон о национальностях от 1849 года, несмотря на все свои недостатки, означал уже и прогресс, — в 1868 году сознательный отказ от разрешения вопроса был уже не ошибкой, а политическим преступлением.

Национальное угнетение, наступившее и все более усиливавшееся после законов 1868 года, во внутренней политике служило обеспечению эксплуатации, во внешней же политике — стремлениям экспансии на Балканах формирующегося австро-венгерского империализма, шедшего по стопам немецкого империализма. Поэтому 1868 год мы также отвергаем, как и 1867-й. В то же самое время мы подчеркиваем, что народно-демократическая Венгрия, которую Советский Союз освободил от империалистического ярма, когда вторично прорвал фронт империализма и тем самым принес свободу и соседним братским народам, — эта новая, строящая социализм Венгрия стремится продолжать самые лучшие, самые прогрессивные традиции 1848—49 гг. Именно поэтому в отношении соседних наций истинным наследием 1849 года является не братоубийственная борьба, как это пыталась внушать официальная историография периода дуализма и хортиского режима, а их стремления, направленные к соглашению, к объединению, которые в то же время объективно, в соответствии со своей эпохой, показывали проявление истинно демократических движущих сил революции.

Включение Венгрии в лагерь свободолюбивых народов, туда, где вокруг сильнейшей цитадели фронта мира — социалистического Советского Союза сплываются все страны народной демократии, означает, что Венгрия переняла и развила лучшие традиции 1848—49 гг. не только во внутренней, но и во внешней политике и от стремлений 1849 года к соглашению и союзу пришла к созданию братских союзов, достигнутых в 1948 и 1949 году.

Э. Г. ФАЗЕКАШ

„ПАКТ БЕТЛЕН — ПЕЙЕР“

„Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении.“

1. ПОМОЩНИКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ЗАХВАТЕ ЕЙ ВЛАСТИ

Общеизвестно, какую большую роль играли руководители венгерской социал-демократии — предатели рабочего движения — в свержении Венгерской советской республики. Пробравшись на руководящие правительственные посты, они сделали все возможное, чтобы ослабить и подорвать власть рабочего класса, чтобы с помощью тайного заговора содействовать восстановлению власти эксплуататорских классов. Они сами хвастались своей контрреволюционной деятельностью в письменном обращении к Хорти в декабре 1920 года, заявив :

„Именно социал-демократические комиссары вели постоянно, как и другие профсоюзные руководители, тайные переговоры с иностранными миссиями, пришли к соглашению с представителями Антанты, направили события на путь медленного развития, обеспечили плавность перехода, в порядке провели демобилизацию Красной Армии.“¹

Действительно, социал-демократические руководители играли решающую роль в „направлений событий“, если и не на путь медленного развития, то на путь, ведущий к господству коонтрреволюционной буржуазии и крупного помещичьего класса. А под „плавностью перехода“ они понимали, несомненно, не что иное, как обеспечение спокойного устройства контрреволюции посредством „профсоюзного правительства“. Это правительство существовало всего лишь пять дней, но и этого времени ему было достаточно для уничтожения всех достижений, обеспеченных властью советов за четыре с половиной месяца ее существования, для восстановления полиции и жандармерии, возвращения капиталистам и крупным помещикам их национализированного имущества, для того, чтобы начать

¹ Прощение Венгерской социал-демократической партии и Совета венгерских профсоюзов регенту Хорти о помиловании приговоренных к смерти народных комиссаров. Институт рабочего движения, Архив А. XVII. I (1920) 17. Подлинный документ.

преследование коммунистов — одним словом, для обеспечения „перехода“ к кровавому режиму белого террора.

Министр внутренних дел „профсоюзного правительства“ Кароль Пейер, уже 2 августа, на второй день после формирования правительства, направил „главным жупанам всех комитатов“ следующую телеграмму:

„Строго секретно. Надо воспрепятствовать бегству коммунистов. Бегущих арестовывать.“²

Одновременно правительство Пейделя, т. е. венгерская социал-демократическая партия, начало переговоры с английскими империалистами о восстановлении в Венгрии буржуазного общества. Уполномоченный Антанты, полковник Кеннингэм 2 августа направил секретную телеграмму Совету четырех в Париже. В телеграмме говорится между прочим следующее:

„Переговоры с венгерской СДП (социал-демократической партией), проводимые в настоящее время в Вене, в течение следующих 14 дней вероятно приведут к хорошему результату. Мы просим выдать тех, кто: а) занесен на наши списки, б) всех живущих в настоящее время в Венгрии русских подданных... Венгрия обязана нам помогать всеми силами против русского советского правительства в военном и политическом отношении.“³

Далее он докладывает о том, что „профсоюзное правительство“ обязуется выдать венгерско-русскую переписку и дипломатические документы. Переговоры дают надежду на достижение „хороших результатов“. Венгерское социал-демократическое правительство с готовностью спешило арестовать и выдать западным империалистам венгерских и русских коммунистов, с готовностью предложило свое сотрудничество в интервенции против русских советов „в военном и политическом отношении“. На его вина, что это соглашение не могло быть заключено. После нескольких дней его господства открытые контрреволюционеры отстранили „профсоюзное правительство“.

Западные империалисты, чтобы еще более втянуть Венгрию в интервенционную войну против Советского Союза, старались придать открытой контрреволюции демократическую окраску. С этой целью они начали новые переговоры о формировании „правительства концентрации“, которое при участии социал-демократов легализовало бы контрреволюцию. В эти переговоры включили различные течения контрреволюции, так называемые буржуазные демократические партии и социал-демократию. Переговоры вел в Будапеште сэр Джордж Кларк. 5 ноября на квартире Кларка состоялось конфиденциальное совещание, на котором представи-

² Текст строго секретной телеграммы. Институт рабочего движения. Архив А. XVII. I (1919) 22. Подлинный документ.

³ Перевод на венгерский язык текста строго секретной телеграммы на английском языке. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I (1919) 23. Подлинный документ.

тели различных буржуазных партий и социал-демократической партии обсудили с „главнокомандующим“ Хорти вопросы, связанные с вступлением национальной армии в Будапешт и с „развязкой событий“.

Хорти старался успокоить присутствовавших на совещании. На следующий день „Непсава“ сообщила следующий „радостный результат“:

„В 12 часов дня в среду тов. Эрнэ Гарамби посетил Джорджа Кларка. После этого Кларк пригласил на совещание главнокомандующего Миклоша Хорти, тов. Эрнэ Гарамби, Вильмоша Важони, Мартона Ловаси, Иштвана Надьатади-Сабо и Лайоша Варьяши.

Совместное совещание началось в три часа дня и продолжалось до 6 часов вечера. После прибытия приглашенных Кларк заявил политикам, что он оставит их с главнокомандующим и удалился.

Началось совещание, в ходе которого были выяснены все вопросы.

Между Хорти и политиками состоялось соглашение, радостный результат которого содержит следующее коммюнике, изданное и подписанное на основании совместного соглашения:

Главнокомандующий Хорти в среду после полудня на квартире сэра Джорджа Кларка провел совещание с руководителями Всевенгерской национальной партии, Национальной демократической буржуазной партии, Партии мелких хозяев, находящейся под руководством Иштвана Надьатади-Сабо, и социал-демократической партии. Главнокомандующий уполномочил участников совещания на опубликование следующих заявлений:

Вступление в Будапешт армии не повлечет за собой военной диктатуры. Армия подчиняется правительству, созданному при содействии уполномоченного Антанты. Главнокомандующий заявил и то, что армия стоит на основе гражданского равноправия и, хотя непреклонно подавит даже и зачатки большевизма, не будет терпеть подстрекательства против гражданского равноправия со стороны любого члена армии“.

22 ноября, через несколько дней после вступления „национальной армии“ в Будапешт, происшедшего 16 ноября, при поддержке Кларка было сформировано правительство концентрации во главе с Карсль Хусаром. Представителем социал-демократической партии в этом правительстве был Кароль Пейер в качестве министра социального обеспечения. „Непсава“ следующим образом объяснила формирование нового правительства и участие в нем социал-демократов:

„Социал-демократическая партия принесла очень тяжелые жертвы и пошла на большие уступки для того, чтобы сделать возможным развязку событий... Мы хотим, чтобы Венгрия вернулась в общество культурных народов... и чтобы оружием естественных стремлений классов внутри страны, вместо грубого и жестокого насилия, были убеждение и организация“.⁵

Стоит запомнить этот аргумент, так как позже пейеристы мотивировали свои систематические предательства тем, что они „возвращают страну“, в общество культурных народов, т. е. в буржуазное общество. Под „жестоким насилием“ они понимали, в первую очередь, власть пролетариата, от нее хотели оберечь буржуазное общество и западных империалистов. С другой стороны то, какое значение придавали империалисты поддержке социал-демократов, отлично показывает заявление Каролья Хусара, сделанное им в связи с формированием правительства:

⁵ „Népszava“ (Голос народа) 23 ноября 1919 года.

„По желанию Антанты мы должны сформировать такое правительство, в котором получают представительство все слои народа, ибо победившие державы согласны вести переговоры о мире только с таким правительством“.⁶

В то же время, конечно, западные империалисты отнюдь не были против контрреволюционного белого террора, а всеми силами поддерживали его, что выясняется из того же заявления Хусара, который констатирует, что:

„Уполномоченный антанты Кларк помогал в том, чтобы христианское и национальное течения имели в новом правлении решающее большинство“.⁷

Пейеристы недолго были в правительстве. В январе 1920 года, когда началась предвыборная кампания и вследствие террора контрреволюции в провинции даже и для правых социал-демократов была невозможна всякая агитация, пейеристы в знак протеста вышли из правительства. Социал-демократы думали, что державы Антанты, поддерживавшие их в ноябре при формировании правительства, и на этот раз окажут им поддержку. Однако, они глубоко ошиблись. Западные империалисты в борьбе против большевизма считали усиление открытого белого террора уже гораздо более важным, чем лакейские услуги социал-демократии. Они боялись того, что коммунисты будут иметь большое влияние на социал-демократических рабочих и используют предвыборную агитацию социал-демократов для целей революционной классовой борьбы — много признаков чего действительно проявилось в начале предвыборной агитации. Поэтому „западные демократии“ не обратили внимания на отеснение венгерской социал-демократии. В это же время они скорее заботились о том, чтобы отеснить социал-демократов и в Австрии, где было чисто социал-демократическое правительство, и помочь буржуазным партиям захватить власть в свои руки. Это видно из цитируемого ниже газетного сообщения:

„Во время пребывания канцлера Реннера в Париже ему заявили, что безусловно необходимо сформировать коалиционное правительство. Английская и французская миссии в Вене уже некоторое время с беспокойством видят обострение положения в Вене. Установлено, что, с одной стороны, укрепляется коммунистическое движение, а, с другой стороны, правительство бессильно воспрепятствовать мятежническим стремлениям“.⁸

Антанта не беспокоилась за венгерских социал-демократов, а она боялась „призрака коммунизма“ и поэтому всеми силами поддерживала тех, кто наиболее кроваво и беспощадно выступал против коммунистического движения.

⁶ Там же. Под „всеми слоями народа“ Хусар, естественно, понимал только слои господствующих классов и их прислужников.

⁷ Там же.

⁸ „Népszava“ (Голос народа), 16 января 1920 года.

II. ПЕРЕГОВОРЫ О СОГЛАШЕНИИ С ХОРТИСТСКИМИ БАНДИТАМИ

Венгерские социал-демократы вскоре поняли, что в деле укрепления классового режима буржуазии они должны играть пока более скромную роль. Поэтому уже через несколько дней они начали непосредственные переговоры с контрреволюционными правительственными партиями. Эти переговоры ясно показали, что выход социал-демократов из правительства и отказ от участия в выборах было не началом классовой боевой оппозиционной политики, а только тактическим шагом приспособления к буржуазному обществу, к контрреволюционному режиму. Характерно, что инициатором переговоров был директор фабрики и известный спекулянт социал-демократ по имени Пал Денэш. Первое совещание состоялось на квартире Дьюлы Пекар, известного главного „идеолога“ периода белого террора.

Дословно публикуется протокол совещания, служившего основой дальнейших переговоров, а также и текст пакта:

Протокол

Занесено: Будапешт, 22 января 1950 года на квартире статссекретаря Дьюлы Пекар (VIII р Рэкк Силард ул. 32, II этаж). Тема: Переговоры уполномоченных Партии христианского национального объединения и Венгерской социал-демократической партии в интересах обеспечения взаимного понимания.

Присутствовали: со стороны христианского объединения — министры — Эдэн Бенички, д-р. Якоб Блейер и Дьюла Пекар, со стороны социал-демократов Ференц Миакич, Янош Ванцак, Дэнэш и четыре уполномоченных от профсоюзов.

Председатель: Дьюла Пекар.

Секретарь: начальник отдела печати министерства национальных меньшинств Энэ Херцег.

СОВЕЩАНИЕ

Председатель тепло приветствует присутствующих.

Он заявляет, что после обмена мнениями с социал-демократом Палом Дэнэш, по инициативе начальника отдела печати министерства национальных меньшинств, Энэ Херцега состоялись переговоры с Эдэн Беничким министром внутренних дел, затем с руководителем христианского объединения, Белой Таслером. В результате этих переговоров на сегодняшнем совещании собрались уполномоченные двух партий, в связи с чем он просит членов партий от всего сердца принять участие в укреплении страны. Одновременно с этим он должен выразить начальнику отдела печати Энэ Херцегу благодарность за его бескорыстные усилия в интересах патриотического дела.

После выступления всех присутствующих, социал-демократы в качестве основы взаимного понимания выдвинули следующие условия:

1. Они заявляют, что стоят на основе целостности исторической Венгрии с признанием национального направления,

2. до окончания борьбы в целях защиты целостности страны прекращают классовую борьбу,

3. признают право существования христианского морального мировоззрения,

4. включают в консолидацию и в политическую жизнь, обеспечивая действительное участие обеих партий христианского блока в голосовании на ближайших выборах,

5. приступают к работе по всей линии.

С другой стороны:

1. Они не требуют участия в правительстве и в парламенте,
2. требуют обеспечения демократических свобод, прекращения политических преследований, освобождения невинных, наказания виновных, ответственных по уголовному праву за участие в большевистском движении,

3. требуют равноправия с гражданскими элементами.

Дата, как указано выше.

Председатель: статс-секретарь Дьюла Пекар с. р.

Секретарь: Енэ Херцег⁹, начальник отдела печати министерства национальных меньшинств с. р.

Что означали эти „условия“? Прекращение классовой борьбы до окончания защиты интегритета, т. е. до восстановления старой „большой Венгрии“, очевидно означало, что классовая борьба — по крайней мере, поскольку это зависит от них — будет „прекращена“ раз и навсегда. Это же означало и признание права „христианского морального мировоззрения“ — т. е. права контрреволюционного правления. Из этого вытекало, естественно, предложение услуг в консолидации, т. е. предложение включиться в строительство контрреволюционного режима. Исклчительно характерно, что социал-демократия, как „оппозиционное“ течение, обсудила и представила на одобрение руководящих представителей венгерского контрреволюционного режима те „требования“, которая она желала выставить якобы против этого режима! Правда, наконец, социал-демократы „требуют обеспечения общественных свобод“, но в то же время они признают своей точку зрения виновности коммунистов и известный лозунг контрреволюции „искупать вину должны виноваты“. Мы знаем, что за этим лозунгом скрывала, этим лозунгом мотивировала контрреволюция все свои злодеяния, всю свою террористическую гнусность.

В связи с этими первыми переговорами важно подчеркнуть, что, как и при дальнейших переговорах, инициатива исходила от социал-демократической партии и они проходили — как это ясно видно из протокола — в наилучшей, можно сказать, в дружественной атмосфере. Это уже заранее опровергает то, что, как ложно утверждали позже пейеристы, „на них навязали“ этот пакт, что на переговорах „шел рукопашный бой между контрреволюцией и социал-демократами“. Этот протокол, также, как и следующие, доказывают совсем противоположное. Социал-демократы, охваченные необузданной ненавистью к революционному рабочему движению, добровольно предложили свою помощь для укрепления контрреволюционного режима и сделали все для того, чтобы принять в этом как возможно более активное участие.

* Протокол совещания уполномоченных Партии христианского национального объединения и Венгерской социал-демократической партии, состоявшегося 22 января 1920 года на квартире статс-секретаря Дьюла Пекар. Институт рабочего движения, Архив, А. XVII. I, (1920) 18. Подлинный документ.

Следующие переговоры состоялись только в марте, так как возникли осложнения. 17 февраля 1920 года бандиты офицерского отряда, по непосредственному указанию Хорти, захватили и убили редактора „Непсава“, Белу Шомоди и бывшего с ним молодого журналиста, Белу Бачо. Шомоди в отношении его политической платформы был таким же правым социал-демократом, как Гарами или Пейер. Он так же выступал против Венгерской советской республики, так же радовался ее свержению, так же, как и они проповедывал идею „мирного вращающегося“ в социализм. Однако, Шомоди не мог так быстро и бесхарактерно приспособиться к обстановке белого террора, как ванцаки, пейеры и миакочи. При начале белого террора он немедленно начал издавать газету „Szociáldemokrata Rópiratok“ („Социал-демократические листовки“), в которой, с одной стороны, резко хулил Венгерскую советскую республику, с другой стороны, разоблачал кровавые „уклоны“ британистов (британисты — члены офицерского отряда, штаб которого находился в гостинице „Британия“ в Будапеште) и других офицерских формаций. Позже, после появления газеты „Непсава“, Шомоди, как ее редактор, продолжал свою деятельность в этом же направлении. Его разоблачения были неприятны вождю банды убийц — Хорти, и потому он дал приказ убить Шомоди.

Палачи Хорти захватили и убили редактора „Непсава“ Белу Шомоди 17 февраля, и спустя две недели, 2 марта в газете была опубликована передовая статья нового редактора „Непсава“ Яноша Ванцака, адресованная этому же Хорти. В этой передовой статье, потерявший всякий стыд вождь социал-демократов отвратительно льстит новому регенту и открыто предлагает „мозолистые руки рабочих“ для укрепления контрреволюции. Эта передовая статья заслуживает особого внимания потому, что она была первой попыткой венгерской социал-демократии, хотя и в скрытой форме — высказать перед рабочим классом те идеи, которые были позже основой пакта. Этим они „идеологически“ хотели подготовить массы к предстоящему соглашению, к предательству интересов рабочего класса. Передовая следующим образом обращается к кровавому регенту:

„Господин Регент!

Теперешние представители венгерской нации возвели Ваше Превосходительство в верховное звание в стране, в качестве наследника двух выдающихся личностей истории венгерской нации: Яноша Гуниади и Лайоша Кошута.

Народ тысячелетней Венгрии в течение тысячелетия только два раза — и теперь — имел возможность поручить верховный пост в стране тому человеку, к которому он питает наибольшее доверие и которому он спокойно может доверить свою судьбу... Мы ходатаи рабочего класса и от его имени приветствуем Ваше Высокопревосходительство на посту регента...

Чувствуя все величину задачи, стоящую перед Вашим Высокопревосходительством здесь, в разорванной на куски, окруженной врагами, кровоточащей тысячами ран стране, мы чувствуем так, что и мы всеми силами должны вложить свою долю в начинающуюся работу по восстановлению, чтобы и этим облегчить Вашу, Господин Регент, работу... К восстановлению и воскресению нации, сохраняя нашу твердую волю,

мы с готовностью протягиваем наши мозолистые руки на примирение и доверяем мудрости Вашего Превосходительства определить ценность или бесценность этих рук".¹⁰

Хорти, должно быть, очень понравилась эта лакейская лест, это лизание его держащей бич руки, несколько дней спустя он разрешил Ференцу Миакичу явиться к нему на ауденцию в качестве представителя руководства социал-демократической партии. Об ауденции сохранилась памятная записка, которая вероятно была составлена руководством партии с его предложениями. Записка гласит:

„Выдержка из наших заявлений, сделанных Его Высокопревосходительству господину регенту Хорти.

Внутренняя политика. Наша партия занимает нейтральную позицию в вопросе формирования правительства, для нее безразлично, кто будет премьер-министром и как будет составлено правительство. Однако, по нашему мнению, все же было бы в интересах страны, если бы во главе правительства стоял пользующийся в Европе авторитетом, быть может беспартийный, государственный деятель, а в правительстве, по крайней мере, в специальных министерствах, руководителями были бы специалисты, не взирая на то к какой партии они принадлежат.

Внешняя политика. Свои международные связи наша партия желает использовать для того, чтобы рабочий класс во всех странах выразил своему правительству протест против несправедливостей, совершенных по отношению к Венгрии.

Армия и общественная безопасность. Уже и в интересах поддержания внутреннего порядка в стране мы считаем необходимым содержание надлежащего состава, не слишком большой, но хорошо дисциплинированной и не занимающейся политической армии,¹¹ которая, однако, по нашему мнению, не может быть классовой армией, так как это означает опасность. Мы считаем также исключительно важным, для выполнения распоряжений правительственных властей, организацию дисциплинированной полиции и жандармерии, которые также не должны заниматься политикой.

Наконец, мы считаем необходимым присоединение различных специальных формирований и вооруженных отрядов к армии, или к полиции, или к жандармерии, чтобы и ими распоряжались соответствующие ответственные министры".¹²

Посещение Миакичем Хорти с засвидетельствованием почтения, было лишь торжественным введением к переговорам следующих дней. Однако, характерно, с какой готовностью предложили венгерские социал-демократы свои „международные связи“, чтобы помочь режиму Хорти выйти из политических и экономических затруднений. Что касается специальных террористических отрядов, то интересно отметить, что социал-демократы желали не их ликвидации и привлечения к ответственности, а „присоединения“ их к буржуазной армии, полиции и жандармерии, создание которых они считали желательным.

¹⁰ „Népszava“, 2 марта 1920 года. Подчеркнуто мною. Л. Р.

¹¹ Ясно, что „не занимающаяся политикой“ армия и полиция в классовом обществе являются прислужниками господствующего класса и вооруженной гарантией ее власти. Пейристы также хорошо знали это и поэтому хотели, чтобы контрреволюционный режим имел свою, „не занимающуюся политикой“ армию и жандармерию.

¹² „Выдержка из наших заявлений, сделанных его высокопревосходительству господину регенту Хорти.“ — На документе вверху, чернилами, почерком Миакича написано: „В мае или июне 1920 года по случаю ауденции, Миакич“. Миакич занес эту заметку на выдержку, вероятно, несколько месяцами или годами позже, так как он ошибся в дате. Ауденция произошла в первой половине марта, непосредственно после передовой статьи Вандака и до переговоров с министром земледелия 16 марта, как это без всякого сомнения выясняется из протокола переговоров. Институт рабочего движения. Архив. А XVII. I (1920) 19. Подлинный документ.

Но еще интереснее и характернее то, что нет в этом заявлении. Характерно то, что в нем вообще нет никакого конкретного требования или желания и, особенно, нет требования прекращения преследований и освобождения арестованных и интернированных. Пейеристы позже, после опубликования пакта, как увидим, постоянно ссылались на то, что к заключению пакта их „принудили“ родственники, плачущие матери и жены арестованных и интернированных. Но уже при начале переговоров, из передовой статьи Ванцака и приема Миакича регентом Хорти ясно видно, что пейеристов меньше всего интересовало то, почему плачут матери и жены. Для них была важна не „защита невинных жертв“, а были важны их бюрократические позиции, безусловная легальность партийных и профсоюзных организаций, доходные места, занимаемые ими в Потребительном кооперативе и в органах соцстрахования, будущие депутатские мандаты и горячо желанные бархатные кресла. Ванцак и Миакич не требовали, они просили милостыню. Они предложили „мозолистые руки рабочих“ и положились на многократного массового убийцу, вождя контрреволюции в том, какие крошки соизволит он бросить им взамен с накрытого стола эксплуататоров.

Через несколько дней после „высокой“ ауденции у регента переговоры продолжались со возобновленной энергией. На этот раз делегацию социал-демократов, состоявшую из трех членов: Миакича, партийного секретаря Иштвана Фаркаша и члена партийного руководства Мора Преуса, принял председатель Всевенгерской христианской партии мелких хозяев и крестьян, министр земледелия Дьюла Рубинек. Основой переговоров служили представленные социал-демократами следующие пункты:

„Венгерская социал-демократическая партия предлагает следующее:

1. Партия становится на национальную основу,
2. примет участие в консолидации страны,
3. обеспечит трудовую дисциплину среди членов партии,
4. требует целостности страны на основе принципа всенародного опроса,
5. в настоящее время не применяет классовой борьбы,
6. включается в политическую жизнь, а на выборах в районах за рекой Тиссы с помощью своих организаций поддерживает официального кандидата Всевенгерской христианской партии мелких хозяев и крестьян.

С другой стороны:

1. В настоящее время партия не примет участия в правительственной власти и в парламенте,
2. требует обеспечения общественных свобод,
3. прекращения политических преследований, строгого наказания виновных,
4. роспуска национального собрания после ратификации мирного договора и создания основных законов,
5. срочного создания Всевенгерского арбитражного комитета по установлению зарплаты,
6. создания связи с Всевенгерским земледельческим союзом.¹³

¹³ Протокол совещания председателя Всевенгерской христианской партии мелких хозяев и крестьян с представителями Венгерской социал-демократической партии, состоявшегося 16 марта 1920 года в служебном помещении министра земледелия. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I. (1920) 20. Подлинный документ.

Согласно достоверному протоколу, Миакич в начале совещания:

„Заявил, что в настоящее время главным стремлением социал-демократов является включение в консолидацию страны и содействие ее экономическому развитию. Он указал, что за несколько дней до совещания Его Высокопревосходительству господину Регенту было заявлено, что социал-демократы в настоящее время не хотят брать на себя активной политической роли ни в форме участия в правительстве, ни в форме представительства в парламенте, из чего вытекает, что они не выставляют кандидатов на предстоящие выборы в районах за рекой Тиссы.

В целях избежания забастовок, которые при печальном положении страны могут быть роковыми и вызвать полный экономический кризис, он, от имени своей партии желает срочного создания Всеенгерского арбитражного комитета по установлению зарплат, задачей которого будет разрешение спорных вопросов в области зарплаты и других разногласий между рабочими и работодателями в каждом отдельном случае в обязательном порядке для обеих сторон“.¹⁴

Преус в своем выступлении, ссылаясь также на аудиенцию Миакича у Регента:

„Указал на то, что партия заявила Его Высокопревосходительству, что она

1. базируется на принципе целостности страны,
2. всеми силами будет стремиться к подавлению большевистских стремлений,
3. приступит к работе и обеспечит трудовую дисциплину.

На основании всего этого партия ищет возможности взаимного понимания, которое, если будет зафиксировано соответствующим образом, надо довести до сведения рабочего класса.“¹⁵

Итак, как видим, уполномоченные социал-демократов и здесь подчеркивали, прежде всего, свою готовность приспособиться к контрреволюционному режиму. Самым главным их стремлением было „включение в консолидацию“ и „обеспечение трудовой дисциплины“. Больше этого не могли требовать даже хортисты. Чего же просили со своей стороны социал-демократы? Они „требовали обеспечения общественных свобод и прекращения политических преследований“. Но то, что это было только пышными фразами, а не серьезным стремлением с их стороны, лучше всего показывает выступление Миакича, в котором

„он просит прекращения политических преследований по всей линии, причем его партия считает необходимым применение примерных наказаний по отношению к привлекаемым к уголовной ответственности“.¹⁶

Что означает это? Должно прекратиться интернирование, должны быть освобождены те социал-демократы, большинство которых саботировало работу Советской Республики и попало в лагеря только вследствие смутного положения в стране — с другой стороны, тысячи честных, боевых революционеров должны быть преданы контрреволюционному суду, чтобы суд мог применить по отношению к ним „примерное наказание“. Таким образом — думали они — „и коза будет сыта, и капуста останется“. Для заграницы будут ликвидированы пользующиеся дурной славой концентрационные лагеря, будут освобождены несколько случайно попав-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ших туда друзей социал-демократов, а истинные борцы, верные представители интересов рабочего класса будут переведены из концентрационных лагерей в тюрьмы. Но, социал-демократические вожди думали не только о революционных борцах прошлого. В интересах консолидации контрреволюционного режима надо было подавить также и ожидаемую борьбу рабочего класса. Пейеристы, естественно, не хотели отстать и в этом, и поэтому заявил Преус, что его партия „всеми силами подавит большевистские стремления“.¹⁷

Рубинек, от имени правительства и своей партии, конечно, был полностью согласен со всем этим. Он лицемерно заявил, что

„Как партия, так и правительство глубоко желают прекращения политических преследований невинных. Виновные должны быть наказаны, но с другой стороны, надо широко проявить и прощение и понимание.“¹⁸

Одновременно он выразил также и то, что его партия „представляет христианское направление“, но безусловно рассчитывает на участие социал-демократической партии в парламентской жизни „в интересах мира во внутренней политике, а также и с точки зрения международных отношений“.¹⁹

Однако, согласие было полным не только в политической области. При тогдашнем положении страны исключительно большую роль играли экономические вопросы. Производство промышленности катастрофически сократилось, не было ни сырья, ни топлива, угрожал призрак полного экономического развала. Фабрики одна за другой прекращали работу, так как не могли получить заграничного кокса. Контрреволюционный режим для дальнейшего существования нуждался в срочной помощи. Мы уже видели выше, как предлагала социал-демократическая партия свое сотрудничество и свои „международные связи“ для преодоления трудностей. Теперь она сделала еще один шаг вперед. Она предложила свое сотрудничество в контрреволюционном разрешении внутренних экономических трудностей, поддерживая стремления капиталистов снизить зарплату рабочего класса. Как заявил Миакич:

„Он хочет видеть рабочий класс плечо к плечу, в понимании с буржуазными элементами. При теперешних тяжелых экономических условиях они не будут вести классовой борьбы, от которой принципиально не отказываются и будут стараться содействовать смягчению классовых противоречий.“²⁰

Однако, социал-демократы не ограничились только принципиальным прекращением классовой борьбы и желанием понимания. Они сразу же представили конкретное предложение, как можно воспрепятствовать стачечной борьбе рабочих с помощью чудодейственного средства государственного посредничества в спорных вопросах о зарплате:

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

„В целях избежания забастовок — заявил Миакич —, которые при печальном положении страны могут быть роковым и могут вызвать полный экономический кризис, он, от имени своей партии желает срочного создания Всевенгерского арбитражного комитета по установлению зарплаты, задачей которого будет разрешение спорных вопросов в области зарплаты и других разногласий между рабочими и работодателями в каждом отдельном в обязательном порядке для обеих сторон.“²¹

Это, конечно, очень нравилось Рубиньку, который полностью был солидарен и в этом вопросе. В своем ответе он заявил, что

„он уже давно занимается изучением этих вопросов, вполне чувствует их исключительную важность и значение и все его стремления будут направлены к тому, чтобы через партию, а также и у правительства сделать возможным срочное создание арбитражного учреждения, соглашаясь на то, чтобы во главе комиссии были также и лица, пользующиеся доверием и рабочего класса“.²²

Таким образом, между министром от партии мелких хозяев, „стоящим на христианско-национальной основе“ и вождями социал-демократов „временно прекратившими классовую борьбу“ было полное согласие. То, что социал-демократы предложили голоса рабочих на следующих выборах партии мелких хозяев, только закрепило их дружественное сотрудничество. По протоколу Миакич закончил свое выступление следующим :

„Одновременно от имени своей партии он заявляет, что из руководящих в настоящее время партий к принципам социал-демократической партии ближе всего стоит партия мелких хозяев, и он уже при выборах в Затисских районах даст членам своей партии указание голосовать за официальных кандидатов, выставленных партией мелких хозяев.“²³

Неудивительно, что это расстрогало Рубиньку, который следующим образом напутствовал делегацию социал-демократической партии:

„Он вновь выражает свою радость по случаю начала переговоров с социал-демократами, дающих надежду на понимание. Еще сегодня он сделает об этом доклад руководству своей партии и на ближайшем заседании Совета Министров — правительству.“²⁴

Через четыре дня уполномоченные социал-демократической партии явились к тогдашнему премьер-министру Шандору Шимони-Шемадам. Здесь вместо Преуса присутствовал Ванцак в сопровождении Миакича и Фаркаша. Главным оратором был также Ванцак, который во введении „теоретически“ мотивировал, что социал-демократия стала интернациональной только потому, что „не встретила понимания“ на родине. То есть, если бы венгерские господствующие классы проявили больше понимания, то не было бы „интернациональной“ социал-демократии! Но отсутствие этого понимания является объяснением — по мнению Ванцака — распространения большевизма. Как он указал:

„Объяснением того, что в свое время партия стала интернациональной является то, что социал-демократы не встретили на родине понимания в вопросе избиратель-

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

ного права и, таким образом, рабочий класс вынужден был опираться на силу интернационализма. Ни при политических, ни при местных выборах они не могли приспособиться к старому устаревшему юридическому строю. Это огорчило их душу и это было причиной того, что при содействии террора они присоединились к большевистскому течению. Однако, надо констатировать, что число тех, кто . . . сохранил свою рассудительность и не отождествил себя с большевистскими стремлениями, было значительным. Многие из благоразумных элементов — именно и присутствующие здесь — пытались проявить сопротивление, но против необузданной волны это было уже невозможно.

После террора . . . наступила новая эпоха, в которую они не могли включиться в течение нескольких минут, так как по отношению к ним сплошь да рядом проявлялась понятная антипатия.²⁵

Конечно, антипатия вполне „понятна“, и они сделают все возможное, чтобы рассеять недоверие. Они готовы доказать свою готовность на сотрудничество с христианско-национальным режимом, с его партией и другими организациями, только пусть предоставят им возможность:

„Они заявляют, что занимая место в новом мире чувств, они не являются ренегатами, они и дальше остаются социал-демократами, не отказываются от классовой борьбы, но в настоящее время не прибегают к ней. Они, как венгерские рабочие, протягивают свою братскую руку, от честной рабочей души предлагают свой труд для содействия интересам родины. Но с другой стороны, напряжение должно смягчиться, правительство и буржуазный лагерь должны подняться до примирения, тогда можно будет избежать иностранного влияния.“²⁶

Миакич вновь поднял вопрос „чудодейственного средства“ — обязательного посредничества в области зарплаты и предложил „ревизию“ марксизма.

„Мы все вместе с буржуазней ответственны за большевизм, заявил он. Поэтому мы не должны обвинять только рабочий класс . . . Мы признаем; что *марксизм также нуждается в ревизии*²⁷ . . . Государство не должно отнять предприятия от частных фирм, они должны быть восстановлены и государство должно взять от них полагающееся ему. Рабочего надо буржуазировать.“²⁸

Все это, конечно, вызвало одобрение и премьер-министра также, как и министра земледелия. Премьер-министр сомневался лишь в том, можно ли верить в искренность социал-демократов. В конце совещания он заявил:

„Для законности сближения я прошу знака того, что приближение со стороны рабочего класса происходит честно и не только в целях достижения прекращения преследований.“²⁹

Затем он сделал короткий политэкономический доклад о праве капитализма на существование, ибо, хотя он и не является его сторонником, „это теперь единственный проходимый путь“. Он заявил также и то,

²⁵ Протокол совещания между премьер-министром и уполномоченными Венгерской социал-демократической партии, состоявшегося 20 марта 1920 года в служебном помещении премьер-министра. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I. (1920) 21. Подлинный документ.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

что он любит употреблять слово „социальный“, а не выражение „социалистический“, так как последнее означает выражение ненависти.³⁰

Наконец, достигнув согласия во всех вопросах, они расстались с тем, что, в надежде на достижение быстрого соглашения, они будут продолжать переговоры. Как мы видим, на этом совещании социал-демократы по существу заложили все основные „принципы“, которые были приняты во внимание при заключении пакта. Они не провели ревизию марксизма, потому что они никогда не были марксистами, они окончательно бросили на произвол судьбы классовую борьбу рабочего класса, перешли на сторону буржуазии. В приведенных выше протоколах нельзя найти даже малейшего следа марксистской революционной теории и практики. Несомненно, не от них зависело то, что пакт удалось заключить не весной 1920 года, а только в конце 1921 года.

III. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ДОКАЗЫВАЮТ СВОЮ ВЕРНОСТЬ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОМУ РЕЖИМУ

Переговоры между правительством и социал-демократами на некоторое время были прерваны. Золтан Бенч, руководитель „социально-политического“ отдела кабинета премьер-министра и главный организатор дальнейших переговоров, одна из повивальных бабок пакта, в докладе о создании и выполнении пакта перерыв переговоров объяснял следующим образом:

„... Я должен установить, что со стороны правительства и руководителей буржуазных партий и в ходе переговоров наблюдалась определенная воздержанность по отношению к этим обещаниям. Министр внутренних дел Беницки считает невероятным, что социал-демократы искренно хотят стать на национальную основу и принять участие в работе по консолидации. Премьер-министр Шимони на совещании с ними прямо намекнул на то, что „многие говорят, что нельзя питать доверие к социал-демократам, так как их приближение к власти и присоединение к буржуазии — только тактика“. Пожалуй, этому наверно надо приписывать и неуспешность переговоров.“³¹

На самом же деле прекращение переговоров имело совсем другую решающую причину. Контрреволюционный режим в течение нескольких лет после захвата власти вновь и вновь делал большие усилия в целях укрепления и обеспечения своего господства с помощью различных массовых организаций фашистского характера, в первую очередь — с помощью рабочих организаций. Эти христианско-социальные и прочие профсоюзные и партийные организации, несмотря на всю поддержку и огромные денежные жертвы со стороны государства, не могли глубоко проникнуть в ряды

³⁰ Там же.

³¹ Доклад секретаря министра д-ра Золтана Бенча премьер-министру о событиях, предшествовавших договору, заключенному 22 декабря 1921 года между правительством и социал-демократическим рабочим классом, и о его выполнении. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I (1921) 5. Подлинный документ.

рабочего класса. Таким образом, контрреволюционному режиму не оставалось иного, как, с помощью предательской деятельности социал-демократии, косвенным, обходным путем обеспечить для себя сотрудничество рабочего класса. Итак, рецидивы и перерывы в ходе переговоров явно показывают, чье мнение взяло верх в данное время в правительственных кругах: мнение тех-ли, кто хотел идти на соглашение с социал-демократией, или-же тех, кто еще раз хотел сделать попытку заставить рабочий класс принять массовые организации фашистского характера.

Однако, поскольку необходимость консолидации контрреволюционного режима становилась все более явной, постольку и в планах контрреволюционных политиков на первом плане все более выходила мысль о начале вновь переговоров с социал-демократами.

Между тем, конечно, и социал-демократы сделали все возможное, чтобы доказать свою „надежность“. В „Непсава“ продолжалось подлизывание к тогдашнему правительству и к Хорти. А в декабре 1920 года, когда контрреволюционный суд приговорил к смертной казни четырех народных комиссаров от социал-демократической партии, социал-демократы в прошении, поданном Хорти, вновь изложили свою основную позицию по отношению к событиям недавнего прошлого, доказывали свое контрреволюционное поведение во время диктатуры пролетариата и выразили свою готовность на вращение в хортистский режим. Историю они объясняли следующим образом:

„Социал-демократическое рабочее движение в Венгрии всегда характеризовалось стремлением к порядку, миру и доведению классовой борьбы до победы мирными средствами. Рабочее движение в Венгрии никогда не проповедывало кровавой борьбы, террористического насилия, покушений или путчей.

... Прошлые социал-демократической части рабочего класса, проведенные в мирной борьбе, обдуманное и осторожное политическое и общественное направление этого прошлого, имевшее всегда в виду общие интересы страны и стремящееся к достижению, в рамках экономической борьбы, соглашения, компромисса с другими общественными классами, проводит резкую границу между осужденными социал-демократическими народными комиссарами и бежавшими коммунистическими вождями. Это прошлое стихийной силой, моральной силой объективной истины требует другого отношения и другого подхода к социал-демократическим народным комиссарам, чем если бы перед судом стояли коммунистические вожди.

... Кто объективно смотрит на события, тот должен видеть, что на огромная непреодолимая разница, которая до диктатуры резко, даже в форме уличных боев, поставила социал-демократическую часть рабочего класса против коммунистов и которая на короткое время была ликвидирована историческим безвыходным положением, создавшимся в связи с нотой Вика: — эти противоречия со всей интенсивностью ожили вновь во времена диктатуры, еще более углубили пропасть между двумя лагерями, и теперь между социал-демократами и коммунистами продолжается старая ненависть и старая борьба. Венгерское министерство внутренних дел и венские газеты могут дать в этом вопросе несомненные доказательства.²²

В другом месте прошения говорится:

„Руководства нашей партии и наших профсоюзов до конца серьезно, честно и искренно вели борьбу против большевизма. Один из приговоренных к смерти

²² См. примечание № 1.

народных комиссаров — Хаубрих вложил львиную долю в эту борьбу. К сожалению, буржуазия квалифицировала эту борьбу внутренней борьбой между социал-демократами и коммунистами и не поддерживала нас.³³

Социал-демократия не могла яснее показать свое подлинное лицо, свою действительную роль в предательстве дела Венгерской Советской Республики, в подлом сотрудничестве с внешним и внутренним врагом. Однако, описание прошлого служило только тому, чтобы, на основании его — доверить Хорти право „беспристрастного“ правосудия.

„Ваше Высокопревосходительство — писали они — стоит над партиями. Мудрость правителя сделает Вас способным и в обстановке раздора и политического разногласия беспристрастно рассматривать роль приговоренных к смерти народных комиссаров, чтобы, поставив все это в ряд вышеизложенных событий и учитывая и изложенное ниже, взвесить: заслуживают-ли они смерти на виселице, как обыкновенные убийцы, и будет-ли содействовать эта казнь пониманию, примирению и общественному миру.“³⁴

Чтобы облегчить решение, они одновременно указали и на международную роль социал-демократии в борьбе, направленной на кровавое подавление рабочего движения. Они гордо ссылались на контрреволюционную, спасающую капитализм деятельность социал-демократии всего мира и, в тоже время, на хорошее мнение будапештских агентов западных империалистических держав о венгерских социал-демократических народных комиссарах. Благодаря разоблачениям, сделанным Матиасом Ракоши, теперь мы уже знаем, какая тесная связь имеется между шпионской организацией английского империализма и руководителями так называемой „Лэбор“ партии. В этом прошении, написанном 30 лет тому назад, венгерские социал-демократы невольно выдают себя, считая хорошее мнение агентов антанты равноценным с позицией западных социал-демократов.

И, если они уже в мировом масштабе и с исторической точки зрения показали и доказали большую роль социал-демократии в восстановлении и укреплении буржуазного режима, то является только естественным, что в заключительной части прошения говорится о роли, взятой на себя венгерской социал-демократией в консолидации контрреволюционного режима.³⁵

Это письменное обращение к „Его Превосходительству господину Регенту“ заслуживает особого внимания потому, что в противоположность различным практическим желаниям и обещаниям, прозвучавшим на совещаниях, в противоположность торгашеству, оно на „идейной почве“, с помощью теоретических разъяснений старается объяснить и обосновать предательство социал-демократов. Поэтому, кроме известной передовой статьи Ванцака от 2-го марта 1920 года, это письменное обращение можно

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ См. приложение № I.

считать вторым решающим документом обдуманной и основательной подготовки пакта.

15 апреля 1921 года пост премьер-министра занял Иштван Бетлен. В первом своем выступлении в парламенте относительно „рабочего вопроса“ он высказался следующим образом:

„В настоящее время мир находится под влиянием больших деструктивных идейных течений. В России еще господствует большевизм; большевизм покрыл все Европу сетью своих агентов и подкупил ее деньгами; большевизм проявляет деятельность. У наших соседей проявляются подобные симптомы и — даже здесь у нас — мы не должны обманывать себя — имеются силы напряжения. Мы не должны обманывать самих себя: эти силы напряжения, если мы дадим им волю, могут воспрепятствовать возможности консолидации государства.

По отношению к рабочему классу правительство проявит глубочайшее понимание. Мы полностью сознаем, что существует много различных распоряжений, которые в настоящее время являются уже несправедливыми по отношению к рабочему классу.³⁶

Правительство во всех отношениях смягчит эти распоряжения и твердо решило, создав контакт с рабочим классом, обсудить с ним эти вопросы и, по возможности, создать такое урегулирование, которое успокоит и рабочий класс.“³⁷

Конечно, ясно, что под „рабочим классом“ Бетлен понимал руководителей социал-демократов и, боясь большевизма, хотел создать с ними контакт. Таким образом был дан сигнал для возобновления переговоров, со времени перерыва которых прошло уже более года.

„Непсава“ с радостью встретила предложение Бетлена. Заявления и обещания были уже и до сих пор, при каждом новом правительстве — гласила газета —, но теперь „стакан уже давно переполнен до краев“. И правда, бедняжки целый год ждали продолжения переговоров, но вместо переговоров получали всегда только обещания!

„Итак, мы хотим верить, что на этот раз дела пойдут иначе, и что за высказанными теперь заявлениями скрывается серьезное желание.“³⁸

Действительно, за обещанием скрывалась твердая воля. Бетлен принес новые, большие планы. После многих неудачных попыток он хотел окончательно консолидировать контрреволюцию: хотел обеспечить прочность государства крупных помещиков и капиталистов, возможность спокойного достижения прибыли. Для этого в стране необходимы были спокойствие и контрреволюционный строй, а необходимо было иностранный заем. Для создания внутреннего порядка, также как и для получения займов из заграницы Бетлен хотел использовать сотрудничество венгерской социал-демократии. Упомянутый выше доклад Бенча характерно показывает изменение, происшедшее в поведении господствующих кругов по отношению к социал-демократии:

³⁶ Здесь Бетлен думал, вероятно, о том, что после безрезультатных попыток привлечь на свою сторону различные „христианские“ и „национальные“ рабочие организации, не остается ничего иного, как использовать помощь, услужливо предлагаемую социал-демократами.

³⁷ Дневник нижней палаты венгерского парламента 1920—21 т. IX. стр. 186.

³⁸ „Népszava“ 23 апреля 1921 года.

„Положение осталось неизменно напряженным, социал-демократическая часть рабочего класса жаловалась на все новые и новые обиды, с другой стороны, в кругу руководящих политиков буржуазных партий все более распространяется сознание того, что длительно пренебрегать участием социал-демократических масс рабочего класса в общественной жизни и в ответственности — не политичная и не целесообразная тактика.“³⁹

Следующим шагом к сближению было дружеское посещение руководителями социал-демократов Имре Надаши, в лице которого они приветствовали назначенного 7 августа 1921 года нового начальника государственной полиции, позже вождя подделывателей франка. Бенч об этом пишет, что

„Когда министерский советник Имре Надаши после назначения его начальником государственной полиции, занял свой пост, для выражения своего уважения к нему явилась делегация социал-демократической партии (Геза Малашич, Ференц Миакич и Иштван Фаркаш). Подчеркивая свои обиды, члены делегации указали на то, что с их стороны интернационализм является не иным, как интернационализмом католицизма, они венгерские рабочие, хотели бы работать для родины, но теперешние условия препятствуют этому. Иштван Фаркаш заявил, что они не имеют ничего общего с трусливо бежавшей эмиграцией, оставившей в беде рабочий класс и отказываются от всякой общности с ней. Я должен отметить, что на приеме присутствовал также заместитель начальника полиции Кароль Андрека.“⁴⁰

Обе стороны охотно содействовали сближению. Так, когда компетентные органы министерства внутренних дел хотели начать следствие в связи с одной передовой статьей „Непсава“ и просили по этому делу распоряжений кабинета премьер-министра, им прямо было запрещено выступать против „Непсава“. Характерно, что главной причины терпения фигурировало то, что преследование газеты может вредить интересам внешней политики. В этом документе, датированном в начале октября 1921 года, говорится:

„Нельзя установить случая подстрекательства, имеющего определенно коммунистическое направление и угрожающего общественному строю, следовательно нет необходимого основания для возбуждения следствия. При теперешнем тяжелом внешнеполитическом положении страны вообще не было бы целесообразным заставить замолчать единственный орган социал-демократической части венгерского рабочего класса с помощью применения более решительных мероприятий, тем менее, что достигнутая таким образом польза с политической точки зрения не стоила бы вредного влияния, того волнения и беспокойства, которые безусловно вызвали бы эти мероприятия.“⁴¹

Однако, правительство все еще с „недоверием“ относилось к социал-демократам, просило все больше гарантии того, что социал-демократия будет верным, на все готовым лакеем господствующего режима. Как собачке дают кусок сахара только тогда, если она предварительно ста-

³⁹ Смори примечание № 31. Всеобщий Потребительский Кооператив уже раньше был подчинен государственному контролю и его хотели взять из рук руководителей социал-демократов. Осенью 1920 года, по распоряжению правительства Бетлена государственный комиссар был отозван и было восстановлено самоуправление кооператива. Это несомненно было дружественным жестом, служащим введением к начинающимся переговорам.

⁴⁰ Смори примечание № 40.

⁴¹ Государственный Архив. М. Е. 1921—У—8447 Подлинный документ.

новится на задние лапки, так правительство Бетлена заставляло социал-демократов предварительно „аппортировать“, прежде чем начать серьезные переговоры. Это показывает и доклад Бенча, в котором дальше говорится:

„Со стороны социал-демократии все более определенно проявлялось стремление к урегулированию в ходе переговоров всех неразрешенных вопросов. При разговорах, касающихся этого, я всегда должен был указывать на то, что, как бы ни были симпатичны эти неофициальные заявления, до тех пор, пока социал-демократическая партия не даст публично несомненного знака, что она действительно сделала вывод из событий и искренно желает проводить национальную политику — хотя и в качестве оппозиции — правительство не может серьезно принять эти заявления, так как общественность, под влиянием революционных событий недавнего прошлого, не питает много доверия к тому, что эти заявления основаны на серьезном решении и что за ними, в случае необходимости, последуют и серьезные действия.“⁴²

Пейеристы согласны были дать любые доказательства. Вскоре представился подходящий случай: второй путч, имеющий целью реставрацию Габсбургской династии.

22 октября 1921 года бывший венгерский король, Карл Габсбург вторично пытался захватить потерянный трон с помощью путча. Эта попытка разделила венгерские господствующие классы на два лагеря. Одна часть с воодушевлением поддерживала попытку Карла. К этой группе принадлежали такие руководящие политики, как граф Дьюла Андраши, бывший председатель парламента Иван Раковски, бывший министр финансов Эдэн Бенички и многие другие. Сильный лагерь имел „король“ в рядах сфицеров и различных специальных офицерских отрядов.

Второй лагерь сплотился вокруг Хорти и Бетлена. В рядах этого лагеря были также и монархисты, которые, однако, при данных обстоятельствах возвращение Карла не считали своевременным. С одной стороны, они боялись международных осложнений, с другой стороны, они пока хорошо себя чувствовали при режиме Хорти и поэтому охотно откладывали выставление и разрешение этого вопроса „до лучшего времени“.

Возвращение короля произошло в форме путча. Карл и его сторонники от границы „продвинулись“ до Будаэрша, по пути приводя гарнизоны и государственных служащих к присяге на верность „королю“. Столкновение военных сил двух лагерей произошло около Будаэрша. После короткого сражения „карлисты“ сдались. Путч был сорван, верх взяли бетленовцы.

Однако, эта превратившаяся в трагикомедию акция вскрыла противоречия внутри венгерских господствующих классов, гниль господствующего режима. Господа политики, которые еще день тому назад мирно разговаривали в коридорах парламента, теперь нападали друг на друга и по телеграфу и по телефону посылали друг другу „смертные приговоры“.

⁴² Смотри примечание № 31.

Внутренние противоречия господствующих классов являются резервами освободительной борьбы рабочего класса, если рабочий класс способен использовать эти противоречия и внутреннюю слабость господствующих классов в свою пользу. Однако, для этого рабочему классу было необходимо последовательное, революционное, классовое боевое руководство. Это руководство дала коммунистическая партия, которая в листовках призывала рабочий класс использовать внутренние противоречия контрреволюционного режима. Но коммунистическая партия не имела тогда в Венгрии сети организаций, не имела достаточно силы для того, чтобы стать во главе непосредственной борьбы рабочего класса. А социал-демократическая партия использовала этот хаос для того, чтобы доказать свою „верность“ господствующему режиму, чтобы в награждение за оказанные услуги протянуть затем руку за милостыней.

Один из руководящих лиц бетленовского режима, тогдашний руководитель Венгерского телеграфного агенства (МТИ), Миклош Козма, свои переговоры с социал-демократической партией, состоявшиеся в „роковые часы“, записал следующим образом:

„4 часа 45 минут после полудня. Доверенный Ванцака, редактор „Непсава“ по имени Сердахеи получил информацию в таком смысле, что правительство является полным хозяином положения — доброжелательное предупреждение в интересах спокойного поведения рабочего класса ...

5 часов 50 минут. Доклад кабинету премьер-министра о том, что представитель социал-демократической партии, Сердахеи пока заверяет в спокойном поведении рабочего класса, ищет личного контакта со мной.

6 часов 16 минут. Сердахеи по телефону сообщает, что руководство социал-демократической партии созвало заседание, о результате которого он сделает доклад. Цель: успокоение рабочего класса ...

1 час 35 минут (ночью). Личные переговоры с руководителем рабочих Сердахеи. По его словам, партийная конференция гарантирует спокойное поведение рабочих ... В случае безусловно хорошего поведения обещаю интервенцию у правительства в целях приема Ванцака одним членом правительства. Ссылаясь на речь премьер-министра в городе Печ, по моему мнению, не исключена возможность того, что правительство пойдет на уступки ...“⁴³

Несколько дней спустя, 3 ноября, Козма в секретном докладе Бетлену о том же Сердахеи пишет:

„Пригласив к себе одного заслуживающего доверия человека, я получил от него заверение в том, что рабочий класс будет вести себя спокойно, будет пассивным наблюдателем событий ... По моей просьбе было созвано заседание Совета профсоюзов, которое приняло резолюцию в смысле моей информации. Взамен этого я обещал интервенцию по всему комплексу рабочего вопроса, подчеркнув, что правительство является полным хозяином положения, так что здесь мы стоим не на основе *do ut des* (я даю, чтобы ты дал), когда я, как друг, предлагаю им задним числом заслужить доброжелательность и одобрение правительства, что во всяком случае проявится на деле.“⁴⁴

Итак, социал-демократическая партия охотно спешила на помощь Бетлену и Хорти. Социал-демократическая партия вместо того, чтобы

⁴³ Государственный Архив. МЕ. 1921 -V—10 151. Подлинный документ.

⁴⁴ Государственный Архив. Записи Козмы, 8. Подлинный документ.

использовать противоречия между двумя группами буржуазии для организации самостоятельного, боевого выступления рабочего класса против обоих течений господствующих угнетающих классов, сдерживала рабочих во избежание осложнений.

Для полнотой картины не безинтересно отметить, что Шандор Сердахеи, которого Миклош Козма представляет в качестве своего агента в социал-демократической партии, вплоть до соединения венгерских рабочих партий в 1948 году, был редактором „Непсава“!

IV. ПАКТ

Итак, социал-демократы доказали, что они искренно склонны принять участие в укреплении так называемого христианского правления, в укреплении капиталистического контрреволюционного режима. Путь к новым переговорам и окончательному соглашению был открыт.

„Спокойное поведение, проявленное организованными рабочими в хаосе второго приезда Карла . . . казалось серьезным фактом. Итак, правительство обдумало и решило предоставить этому ценному слою национального общества, которым является организованный рабочий класс, возможность принять участие в работе по национальному восстановлению, если он действительно хочет принять в ней участие. После этого решения Вашего Превосходительства, в связи с письмом Ференца Миакича, в котором он, обращаясь ко мне официально, поднял вопрос о предоставлении возможности устных переговоров в интересах разрешения их жалоб, обратив на эти жалобы внимание Вашего Превосходительства — я сообщил ему, что если они представят их жалобы в кратком изложении, я надеюсь исходатайствовать для них прощенные ими уже раньше устные переговоры. После этого они представили мне заявление, которое позже служило основой прений на созванном Вашим Превосходительством совещании.“⁴⁵

Действительно, переговоры начались 8 декабря 1921 года на основании заявлений социал-демократической партии. Переговоры продолжались почти в течение двух недель, состоялось всего шесть совещаний. 21 декабря переговоры закончились подписанием пакта. Обе стороны придавали переговорам очень большое значение и участвовали в них своими „лучшими силами“. Совещания до самого конца проходили под председательством Иштвана Бетлена и при обсуждении вопросов, затрагивавших сферу их деятельности, присутствовали и различные министры, а также начальник государственной полиции. Делегацию социал-демократов возглавлял Карой Пейер, в ней приняли участие такие испытанные и опытные предатели рабочего движения, как Иштван Фаркаш, Ференц Миакич и Шандор Поппер.

На переговорах социал-демократическая партия подняла двенадцать вопросов. О двух вопросах (вопросы Всеобщего потребительского кооператива и свободы печати) было установлено, что они в промежуток времени

⁴⁵ Смотри примечание № 31.

„уже разрешены“. Во всех остальных вопросах было достигнуто полное и совершенное разрешение. В вопросе свободы объединений и собраний договорились таким образом, что будут разрешены собрания, но „полицейские власти могут посылать на все политические собрания (таким образом и на партийные!) свои контрольные органы“. Договорились и о том, что профсоюзы „ни в коем случае не могут заниматься политикой“, запрещается организация государственных служащих, железнодорожников и почтовых служащих, запрещается агитация среди землекопов — а в остальном профсоюзы, „беспрепятственно могут проводить свою деятельность!“

Было достигнуто соглашение в том, что правительство, „принимая во внимание агитацию большевиков, и в будущем сохранит учреждение концентрационных лагерей“, но по отношению к тем, за кого ручается социал-демократическая партия, следствия будут прекращены. Договорились о том, что в будущем интернировать будут „только те лица, которые с государственной и общественной точки зрения, как опасные агитаторы — коммунисты — означают особую опасность.“ Согласились в тексте амнистии, которая действительно была объявлена несколько дней спустя, сущность которой заключалась в том, что она не распространялась на тех лиц, относительно которых „венгерский королевский министр юстиции установит, что . . . они подвергают опасности законный строй государства и общества или же общественную безопасность.“ Договорились также и о ликвидации ускоренного судопроизводства и о „постепенном“ отменении военных чрезвычайных распоряжений.

Договорились о восстановлении автономии социального страхования рабочих на основе „трех заинтересованных сторон (рабочих, работодателей и правительства)“. По сравнению с прежней заинтересованностью двух сторон (рабочих и работодателей) это было серьезной принципиальной уступкой, ибо было очевидно, что в решающих вопросах правительство выступит на стороне капиталистов. Между прочим, позже правительство сделало в этом вопросе уступку и, надлежащим образом сузив автономию, восстановило заинтересованность двух сторон. То есть, правительство осознало, что капиталисты не нуждаются в особой защите против социал-демократии, ибо она в конечном итоге является представителем интересов буржуазии.

Они договорились о том, что правительство предоставит шахтерам большую свободу, отменит запрет переселения, имеющий средневековый характер, а с другой стороны, социал-демократическая партия не будет вести агитацию в такой области, „где она может угрожать непрерывности и выпуску производства“. Они договорились и о том, что правительство „естественно сделает все“ для улучшения экономического положения и что в интересах этого будет проведено в жизнь чудодейственное средство Миакича — арбитражные и третейские суды. Наконец, правительство

с готовностью обещало снять секвестр с денег профсоюзов и содействовать распространению партийных и профсоюзных газет.

Правительство со своей стороны, „параллельно перечисленным выше удовлетворениям жалоб социал-демократической части рабочего класса“, также представило свои желания, в вопросе которых также было достигнуто полное и совершенное соглашение. Чего желало правительство?

В области внутренней политики оно желало только того, чтобы социал-демократия приспособилась к контрреволюционному строю, „не занималась республиканской пропагандой, воздерживалась от забастовок, „считала универсальные интересы нации и страны — то-есть контрреволюционный режим — тождественными с интересами рабочего класса“.

В области внешней политики социал-демократы обязуются всеми средствами способствовать созданию хорошей репутации контрреволюционной Венгрии, в целях чего руководители партии должны писать статьи в духе соглашения, а партия назначает своего делегата, „который постоянно будет иметь связь с министерством иностранных дел“.

Таково было соглашение, таков был известный пакт. Смело можно сказать, что в течение четверти столетия этот пакт был образцом, первой четкой формулировкой мирного и тесного сотрудничества социал-демократии с контрреволюционным режимом. Этого не изменяет и тот факт, что социал-демократы после опубликования пакта в 1924 году отказались от пакта и отрицали, что они когда-либо соблюдали его. Конечно, пакт содержал и такие несущественные или относительно менее существенные пункты, которые не были осуществлены или же были изменены в ходе их осуществления. Например, мы не знаем, был-ли, согласно соглашению, назначен специальный делегат в министерство иностранных дел. Но мы знаем то, что социал-демократы в течение всего четверти столетия внимательно следили за тем, чтобы не вредить внешнеполитическим интересам контрреволюционного режима и поддерживать его просьбы об иностранном кредите. Правда, они не порвали с эмиграцией, но относительно этого они позже, очевидно, заключили с бетленовцами специальное соглашение, ведь руководители социал-демократических эмигрантов (Гарами, Бухингер) позже, со специального разрешения правительства того-же Бетлена, могли вернуться на родину.

Итак, пакт мог содержать и содержал такие менее значительные пункты, которые вследствие изменения обстоятельств не были выполнены буквально. Сущность, однако, заключается в том, что венгерские социал-демократы строго соблюдали все имеющие решающее значение пункты и условия пакта не только до его опубликования в 1924 году, но и позже, и считали его основой всей своей деятельности. В чем заключалась сущностью пакта? Сущностью пакта было то, что социал-демократия с готовностью приспособилась к контрреволюционному режиму. Сущностью его было то, что венгерские социал-демократы фактически отка-

зались от борьбы рабочего класса за создание нового общественного строя, за ликвидацию капиталистической эксплуатации. Сущностью пакта было то, что социал-демократы в повседневной конкретной борьбе между капиталом и трудом предали интересы рабочего класса и перешли на сторону капиталистов. И, наконец, сущностью его было то, что они сотрудничали в преследовании и угнетении революционного рабочего движения и коммунистической партии. Может-ли кто нибуль утверждать, что социал-демократия во времена контр-революционного режима когда-либо отказалась от этих существенных и основных пунктов пакта? Нет! Социал-демократическая партия с самого начала до конца точно и последовательно соблюдала *дух и сущность* пакта, потому что это было естественным последствием классового предательства!

V. КАК СОБЛЮДАЛИ ПАКТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Едва засохли чернила подписей на последней странице пакта, как обе стороны уже приступили к выполнению взятых на себя обязательств. Первым условием пакта, которое, правда, не фигурировало в тексте, но которое обе стороны считали естественным и строго соблюдали в течение многих лет, была секретность пакта. Тот факт, что в руках правительства был такой документ, опубликование которого руководители социал-демократов, по понятным причинам, не считали желательными, уже сам этот факт выдавал бы социал-демократов правительству, если бы они и до этого не прислуживали ему! Если бы социал-демократы — как они это позже утверждали — действительно не хотели выполнять обязательств, взятых на себя пактом, то было бы естественным опубликовать его и разоблачить вымогательские маневры правительства.⁴⁶

С другой стороны, мы видим, что уже и тогда, как и позже, всегда Бетлен был тем, кто хотел опубликовать как возможно больше подробностей пакта, а социал-демократы охраняли его секретность. Так, Бетлен уже 23 декабря 1921 года сделал заявление о соглашении. Его заявление было опубликовано во всех газетах, поэтому и „Непсава“ вынуждена была поместить его, пока безо всякого комментария. В заявлении между прочим говорится:

⁴⁶ Держать пакт в секрете хотели социал-демократы, а не правительство. „Близкостоящие к премьер-министру круги“, после опубликования пакта заявили, что „... Материалы переговоров в свое время не были опубликованы, и это произошло ни в коем случае не по вине правительства. *Пакт не был опубликован потому, что руководители социал-демократов выразили решительное желание, чтобы совещание было секретным.* Они мотивировали это тем, что таким образом они легче смогут достигнуть результатов среди масс и свободнее смогут проводить свою политическую деятельность“. Газета „Мадяршаг“, 1 января 1925 года. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

„Заявление председателя правительства о переговорах с делегатами социал-демократических рабочих.

Венгерское Телеграфное Агентство сообщает: премьер-министр, граф Иштван Бетлен информировал корреспондента Венгерского Телеграфного Агентства о переговорах между правительством и делегатами венгерских социал-демократических рабочих, продолжавшихся в течение нескольких дней с 8 по 21 декабря. Исходным пунктом переговоров было то, что официальные представители и органы венгерских социал-демократических рабочих повторно подчеркивали публично, что социал-демократические рабочие считают интересы страны тождественными со своими интересами, и всеми силами и самоотверженно готовы принять участие в великой исторической работе по восстановлению нации...

В ходе переговоров удалось создать согласие, делающее возможным такое разрешение возникших вопросов, которое вызывает взаимное успокоение, удалось достичь соглашения, которое полностью обеспечивает включение венгерского рабочего класса в работу по восстановлению страны.⁴⁷

Два дня спустя газета „Непсава“, наконец, опубликовала свое заявление о переговорах. Это заявление было типичным образцом политики затуманивания дела и заявлений „вокруг да около“, проводимой позже социал-демократической партией в вопросе пакта. В заявлении не публикуется ни текста, ни содержания соглашения; газета хвалится тем, что, благодаря соглашению, вновь можно проводить партийные собрания. Вообще пейеристы и тогда, и позже говорили скорее о том, что они *получили* от правительства, и, по возможности, молчали о том, что *дали* они взамен за полученное ими. В заявлении говорится:

„По вопросу жалоб велись длительные переговоры с премьер-министром и с компетентными министрами и референтами. Невозможно было достичь максимума, однако, детали нельзя было отклонить, ибо речь шла о свободе, о прекращении страданий многих тысяч людей, об обеспечении деятельности профсоюзов, о приобретении обратно части их реквизированных помещений и имущества, о ликвидации военного надзора над шахтами, об обеспечении шахтерам свободы переселения, о свободе политических собраний и о начале деятельности партийных организаций. В ходе переговоров по всем этим вопросам было достигнуто не совершенное, а только частичное разрешение, но по сравнению с положением два года назад напряжение является таким смягчением, которое необходимо для нашего движения.“⁴⁸

Конечно, нельзя было полностью обойти и вопрос об ответных услугах. Каждый здравомыслящий человек мог понять, что Бетлен пошел на уступки не из бескорыстной любви. А буржуазные газеты были полны догадками того, что могло быть ответной услугой со стороны социал-демократов. Таким образом, нельзя было не поднять этого вопроса. „Непсава“ следующим образом разрешила эту щекотливую задачу:

„Ответной услугой — которая так многих интересует — является не иное, как борьба за венгерский народ, доведенный войной до гибели, т. е. за интересы рабочего класса, защита его с помощью организованной силы партии. Не служба правительству, христианскому направлению, а защита трудового народа против дальнейшего ограбления, дальнейшего голода и угнетения. Мы не должны забыть того, что здесь нет прогрессивного обложения налогами, что здесь все бремя лежит на плечах широких народных масс: борьба против этого — не может быть предательством социализма и партии.“⁴⁹

⁴⁷ „Népszava“, 23 декабря 1921 года.

⁴⁸ „Népszava“, 5 января 1921 года.

⁴⁹ „Népszava“, 5 января 1921 года.

Это, конечно, полнейшая чепуха и разговор „вокруг да около“. „Непсава“ хотела уверить своих кротких читателей в том, что Бетлен сделал социал-демократической партии уступки и взамен просил и получил усиленную борьбу социал-демократов против него! Газета хотела уверить своих читателей в том, что правительство стремится, главным образом, к тому, чтобы социал-демократическая партия, окрепнув как можно лучше, боролась против существующего режима, против эксплуататорской политики господствующих классов. Это действительно не может быть предательством социализма. Но, предполагать, что этому кто-нибудь поверит — было предательством человеческого мышления, предательством здравого смысла! Однако, это не много беспокоило вождей пейеристов. Они даже неоднократно хвалились результатами, достигнутыми благодаря соглашению:

„В нашем партийном и профсоюзном движениях открылась новая глава. Результатом переговоров с правительством является то, что в положении создастся значительное улучшение и смягчится существующее напряжение.“⁵⁰

„Организация трамвайных служащих вновь может начать свою деятельность. С помощью переговоров, начавшихся между правительством и социал-демократической партией, создано ясное положение и в этой области. В одном из пунктов соглашения правительство в обязательном порядке дало обещание не ставить препятствий перед восстановлением союза трамвайных служащих.“⁵¹

Социал-демократы, естественно, глубоко молчали о том, что одновременно они продали право организации землекопов и железнодорожников и связали право организации рабочих всех других специальностей. В одной из статей „Непсава“ говорится:

„Мы будем искать случая, чтобы осветить весь материал этих переговоров, широко обсуждаемых в печати, чтобы осветить предшествовавшие переговорам события, их результаты и ожидаемые последствия.“⁵²

Однако, в течение круглых трех лет они не нашли подходящего „случая“. Постепенно они совсем перестали писать о пакте и даже отрицали его существование. Когда один из депутатов парламента еще на заседании 31 декабря 1921 года заявил, что соглашение, заключенное между правительством и социал-демократической партией — „безнравственная сделка“, так как из концентрационных лагерей освобождаются только социал-демократы, „Непсава“ немедленно с жаром ответила:

„Социал-демократическая партия никакого пакта ни с кем не заключала.“⁵³

Газета с возмущением заявила, что все это только „подлые пустые разговоры“, безответственные „сплетни“. Социал-демократы и позже придерживались этой-же „линии“. Они наотрез отрицали заключение письменного пакта, предусматривающего какие-либо взаимные обяза-

⁵⁰ „Népszava“, 25 декабря 1921 года.

⁵¹ „Népszava“, 25 декабря 1921 года.

⁵² „Népszava“, 24 декабря 1921 года.

⁵³ „Népszava“, 1 января 1922 года.

тельства. Они говорили только о каком-то точно не определенном „соглашении“, согласно которому правительство делает уступки в пользу социал-демократической партии, по существу — без взаимных услуг. Но, так как это не было слишком вероятным, они старались покрыть это дело благотворным мраком забвения. Они больше и не говорили об этом вопросе, и не их вина, что сознательный, революционный рабочий класс все вновь и вновь требовал от них отчета в этом предательстве.

Естественно, что между тем обе стороны приступили к выполнению взятых на себя по пакту обязательств.

Первый официальный документ, в котором имеется ссылка на пакт, датирован от 5 января 1922 года. Один трамвайный служащий по имени Баджо, просил разрешения на издание ежемесячного специального журнала. Отдел печати кабинета премьер-министра запросил мнение начальника социально-политического отдела Золтана Бенча, который ответил следующее:

„На основании соглашения, заключенного с уполномоченными социал-демократической части рабочего класса, правительство не препятствует организации профсоюза трамвайных служащих. Поскольку журнал является официальным органом профсоюза и будет выходить в свет в его издании — нельзя делать возражений против его разрешения. Однако, надо обратить особое внимание на то, чтобы за издание журнала *ответствен был сам профсоюз*. Трамвайный служащий Иштван Баджо (согласно удостоверению о венчании „поденщик“) не является достаточной гарантией.“⁵⁴

Два дня спустя, согласно и в смысле соглашений было опубликовано распоряжение начальника государственной полиции Надаши об изменении в порядке интернирования. В распоряжении говорится:

„Принимая во внимание возросшую опасность большевистской агитации в связи с возвращением военнопленных из России, я и в дальнейшем хочу сохранить учреждение интернирования. Однако, в будущем в концентрационные лагеря хочу направлять лишь тех лиц, которые и теперь опасны с точки зрения государственного и общественного строя (террористы, коммунистические агитаторы и т. д.).“⁵⁵

Можно наблюдать, что здесь почти буквально перенят даже текст пункта пакта, касающегося этого вопроса. Можно-ли желать более совершенного сотрудничества? Несколько месяцев позже министр внутренних дел — пост которого занимал тогда уже Раковски — издал дальнейшее указание о применении распоряжения, в котором, также в духе пакта, показывает, как надо гладить по шёрстке и вежливо обращаться с социал-демократами и как надо с беспощадным террором выступать против коммунистов. Распоряжение содержит подробные указания относительно борьбы против организации коммунистов. В нем объясняется, что тех людей, по отношению к которым можно доказать, что они коммунисты,

⁵⁴ Государственный Архив, М. Е. 1922—V—564. (11 293 — 1921). Подлинный документ.

⁵⁵ Государственный Архив М. Е. 1922 XXXVII — 2958. Подлинный документ.

надо арестовывать, а тех людей, против которых нет никаких доказательств, но которые подозрительны в коммунистическом убеждении, значит, опасны с точки зрения контрреволюционного режима, надо интернировать или же поместить под надзор полиции. По отношению к социал-демократам, как это показывают дальнейшие указания распоряжения, надо поступать совсем по иному.

„5. С бдительным вниманием надо следить и за теми личностями, которые — *вопреки существующим запрещениям* — носят или применяют красный цвет таким образом, чтобы выразить этим интернационализм, или носят коммунистические значки. По отношению к тем, кто носит общеизвестные, определенно коммунистические значки (пятиконечную звезду, красную ленту, красную ленту и т. д.), по случаям надо применять или интернирование или же надзор полиции.

А тех лиц, которые носят красный цвет в виде цветка или в другом виде, или же применяют его на своих вещах *таким образом, что это может вызвать возмущение патристически настроенного населения*, органы власти *самым вежливым образом* должны удостоверить личность и о каждом таком случае докладывать соответствующим полицейским властям.“⁵⁶

Здесь ясно проявляется дух пакта: коммунистам — тюрьма, социал-демократам — вежливое предупреждение. Но точное выполнение пакта еще лучше можно видеть из распоряжений, в которых говорится об организации партийных и профсоюзных групп:

„6. с) Надо воспрепятствовать созданию таких новых партийных организаций, деятельность которых — в смысле указанного выше — вызывает опасения. Надо воспрепятствовать также экспансии социал-демократической партии в непромышленных районах и созданию ее местных организаций.

д) Организацию, имеющую явно экономическую цель — при надлежащем контроле — правда, вообще надо сделать возможной, но надо воспрепятствовать предполагаемому созданию и деятельности новых социал-демократических экономических организаций в непромышленных районах, а в других местах, особенно среди сельскохозяйственных рабочих.“⁵⁷

В пакте предусматривается: „Социал-демократическая партия не будет распространять свою агитацию на сельскохозяйственные слои рабочих“. Согласно соглашению, текст пакта надо было держать в тайне. Таким образом министр внутренних дел Раковски аллегорическим языком министерского постановления сообщил своим подчиненным: делайте разницу между коммунистами и социал-демократами, но не допускайте, чтобы социал-демократы нарушили наше соглашение, не допускайте их до народа деревни.

Когда несколько месяцев спустя, в июле 1922 года в селе Этьек было арестовано 18 жнецов, потому что у них нашли устав социал-демократической партии, один депутат парламента от социал-демократической партии в своей интерpellации сказал следующее:

„Начальник государственной полиции заявил, что это произошло совершенно правильно, по интенции правительства и, когда адвокат партии ссылался на то, что с социал-демократической партией заключено соглашение о том, что социалистов — не коммунистов, которые далеки от того, чтобы быть коммунистами — не

⁵⁶ Строго секретное распоряжение министра внутренних дел Раковского всем поджупанам, полицейским и жандармским комендатурам. Институт рабочего движения. Архив. А. III. I/1922/2. Подлинный документ.

⁵⁷ Там-же.

будут обижать, начальник государственной полиции заявил (читает): „В свое время господин премьер-министр договорился с социал-демократической партией в том, что она полностью будет воздерживаться от движения сельскохозяйственных рабочих и не будет проводить среди них никакой организации. Я имею прямое указание от господина премьер-министра не терпеть движения сельскохозяйственных рабочих и подавлять его в зачатке. Значит, я и буду поступать так. Прошу принять это к сведению. Я подавлю все попытки такого характера.“⁵⁸

Итак, правительство соблюдало соглашение, даже строго настаивало на его соблюдении. Соблюдали соглашение и социал-демократы. Они соблюдали его, прежде всего, в важнейшем вопросе, своим прилежным участием в консолидации контрреволюционного режима, в укреплении капиталистического экономического строя. Они сами оформили себе наилучшие удостоверения об этом. Так, 17 марта 1922 года в статье о снижении жизненного уровня рабочих и о растущей безработице „Непсава“ констатирует:

„Правда... в том, что профсоюзы — даже в ущерб своей популярности — до сих пор старались обеспечить мирное производство и отговорить рабочих в своих законных требованиях повышения зарплаты, по возможности отказаться от применения крайних средств.“⁵⁹

Насколько неграмотно написано это хвастовство, которое можно принять за признание, настолько подло и его содержание. Руководители социал-демократов гордились тем — что в духе пакта — всеми силами воздерживали рабочих от борьбы за свои законные требования. Когда несколькими неделями позже фабриканты, в интересах повышения своей прибыли и дальнейшего снижения зарплаты, локаутировали металлистов, „Непсава“ гордо ссылалась на заслуги профсоюзов:

„А руководство союза металлистов со времени падения диктатуры не делал другого, кроме зажима законного ожесточения металлистов в пределы, и всеми силами стремилось к тому, чтобы борьба рабочих не мешала производству металлургической промышленности. Оно серьезно вело работу строительства государства даже и ценой того, что в течение этих трех лет рабочие дошли до с... ужасной нищеты.“⁶⁰

На выборах летом 1922 года руководители венгерских социал-демократов с величайшим бесстыдством работали вместе с правительством Бетлена. Правительство обеспечило для них две дюжины мандатов, взамен чего они продали правительству своих избирателей в других избирательных районах. Об этом свидетельствует масса телеграмм правительства целому ряду избирательных районов со следующим текстом (адресаты и названия местностей, конечно, изменялись):

„Гл. жупану Алмаши, Сольнок.

Социалисты обещали поддерживать наших кандидатов в Мезетуре и Фельдваре. Прошу проверить, получили-ли местные организации распоряжение из центра, чтобы я в случае надобности своевременно мог принять меры.

Премьер-министр граф Бетлен“.⁶¹ Поступило 3. VI—1922 г.

⁵⁸ Дневник нижней палаты парламента. 1922 т. II. стр. 476.

⁵⁹ „Népszava“, 17 марта 1922 года.

⁶⁰ „Népszava“, 7 апреля 1922 года.

⁶¹ Текст секретных телеграмм кабинета премьер-министра. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I/1922/24. Подлинный документ.

⁶² Текст секретных телеграмм кабинета премьер-министра. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I/1922/25. Подлинный документ.

Но эту торговлю людьми, которую вели пейеристы, пожалуй, еще лучше показывает обмен телеграммами между местным уполномоченным правительственной партии по имени Фоглер и человеком из центра по имени Мадьяри в ходе дополнительных выборов в Сомбатхейе.

Фоглер послал следующую телеграмму:

„Прошу тебя, доложи его превосходительству, что начатые с социалистами переговоры, принимая во внимание то, что они получили из Будапешта распоряжение, согласно которому, они не могут присоединиться ни к одной партии, потерпели неудачу.“⁶³

Мадьяри немедленно ответил:

„Твоя телеграмма пришла в самое лучшее время. Пейер был как раз у нас. Господин премьер-министр обсудил с ним это дело, и в соответствии с этим тамошние местные организации получили указание, взвесив местные обстоятельства или проявить нейтральное поведение, или поддерживать Хедьешхалми.“⁶³

Хедьешхалми был членом эксплуатирующего народ правительства Бетлена, одним из подписавших пакт. Таким образом, было безусловно необходимо, чтобы социал-демократы всеми силами поддерживали его на выборах. Итак, господин Фоглер просил больше и более определенные обещания, как это показывает его ответ:

„С помощью нейтральности я ни при каких обстоятельствах не могу достичь результата. Прошу воздействовать, чтобы здешняя организация, если и не открыто, но на основании текущих переговоров, поддерживала нас. Одновременно прошу ходатайствовать в министерстве внутренних дел, чтобы немедленно были отправлены обещанные для Сомбатхейя — 150, для Вашвара — 100 и для Цельдемелька — 30 жандармов.“⁶⁴

Итак, социал-демократы попали в замечательную кампанию. Как показывает эта телеграмма, в контрреволюционной Венгрии для победы выставленных контрреволюционным правительством кандидатов летом 1922 года в рабочих районах правительству нужны были две вещи: жандармы и поддержка со стороны социал-демократов. Победа кандидатов правительства была обеспечена, так как обе эти вещи были в его распоряжении.

Если пейеристы и умолчали, даже отрицали факт подписания пакта перед рабочими, это еще не означает того, что они не ссылались непрерывно на переговоры с правительством. Особенно в парламенте, где среди господ они чувствовали себя „в своей среде“ и не должны были бояться того, что пролетарии все узнают, проговаривались они иногда больше, чем следовало бы. Проппер, например заявил следующее:

„Когда мы вели переговоры с господином премьер-министром, он в качестве возмещения за сделанные им уступки наметил использование наших международных связей в интересах страны. Мы с готовностью обещали это.“⁶⁵

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

Однако, работа социал-демократов не была бы полной, они недостаточно работали бы в духе пакта, еслибы они не сотрудничали тесно с контрреволюционным правительственным режимом и в области борьбы против коммунистического движения. Но, социал-демократическая партия и в этой области выполнила взятые на себя в пакте задачи. С пеной у рта забрасывала она клеветами Советский Союз, преследовала и доносила на находящихся в подполье коммунистов, и, когда они попадали в руки врага, социал-демократическая партия в газете „Непсава“, состояясь с буржуазной печатью, позорила и клеветала на коммунистов.

В сентябре 1922 года контрреволюционная полиция напала на след коммунистической организации, руководимой Эрнэ Герэ. Эта группа среди зверских преследований создала серьезную подпольную организацию и издала первую в контрреволюционной Венгрии нелегальную газету коммунистической партии. Из этой газеты под названием „Коммуна“ было издано 30 номеров.

Было арестовано почти 100 коммунистов, в полиции их жестоко пытали. Однако, „Непсава“ ругала правительство не за эти пытки, а за то, что оно не оказывало социал-демократам большей помощи в борьбе против коммунистов:

„Социал-демократическая партия во всех странах ведет против большевиков борьбу не на жизнь, а на смерть, и повсюду социал-демократы *вытянули* почву из-под ног большевиков. Агитация социал-демократов противодействовала большевистской агитации везде, где бы она не появлялась. Но разве имеет социал-демократическая партия в Венгрии возможность вылечить до крайности ожесточенные массы, попавшие в болото острой экономической нужды, от опасной болезни революционной романтики?“⁶⁶

Иначе говоря: дайте нам социал-демократам большую возможность движения и тогда мы защитим вас от опасности большевизма, покончим с этой „опасной болезнью“, которая хочет вести действительную, революционную борьбу за свержение капитализма. Возьмите пример — говорят они — с западных империалистов, которые укрепляют свой эксплуататорский режим с помощью социал-демократии:

„Социал-демократическая партия охотно возьмет на себя и будет применять западные методы, однако, с тем условием, чтобы и правительство устроилось в духе западной демократии.“⁶⁷

Все это служит общим интересам; итак, явна необходимость объединения сил. Социал-демократическая партия придерживается духа пакта и, ссылаясь на общую опасность, угрожающую вследствие революционной организации коммунистов, призывает контрреволюционный режим на совместную борьбу: предупреждает его в том, что

„он идет по плохому, даже роковому пути, с которого, ради общих великих интересов, хорошо было бы свернуть во время.“⁶⁸

⁶⁶ „Népszava“, 21 сентября 1922 года.

⁶⁷ „Népszava“, 22 сентября 1922 года.

⁶⁸ „Népszava“, 22 сентября 1922. г. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

А когда крайне правые газеты старались использовать аресты коммунистов против социал-демократической партии, „Непсава“ повторно и гордо ссылалась на заявление заместителя начальника полиции Кароля Андрека:

„Согласно имеющимся до сих пор данным, социал-демократическая партия не имеет ничего общего с разоблаченным большевистским движением. Среди арестованных коммунистов есть много членов отдельных профсоюзов, однако, это отнюдь не означает, что они с ведома профсоюза принимали участие в интригах. Даже показания свидетелей говорят за то, что большевики проникли в социал-демократические профсоюзы, чему — так как речь идет о рабочих — отдельные профсоюзы до сих пор не препятствовали.“⁶⁹

Итак, начальник полиции выдал пейеристам свидетельство о благонадежности: социал-демократы — добрые малые, они не принимают участия в революционной организации, „не имеют ничего общего с ней“. Можно продолжать направленное на укрепление контрреволюции сотрудничество, основанное „на общих великих интересах“, и общую борьбу против лучших представителей рабочего класса, против борющихся в подполье коммунистов.

Все это, исключая малейшее сомнение, доказывает, что, при данных возможностях, обе стороны строго соблюдали пакт. Поэтому права была венская капиталистическая газета „Neue Freie Presse“, ⁷⁰ когда спустя несколько лет, во время нового готовящегося соглашения квалифицировала пакт Бетлена 1921 года „одним из удачайших шахматных шагов“ буржуазной политики. Газета была права по отношению к сущности пакта несмотря на то, что по ошибке она писала, что в пакте согласились и в вопросе представительства социал-демократов в парламенте. В действительности это в пакте не фигурировало. Однако, это только формальный вопрос, ибо очевидно и бесспорно, что все поведение социал-демократов на выборах 1922 года и то, что вследствие этого они попали в парламент,

⁶⁹ „Népszava“, 22 сентября 1922 г. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

⁷⁰ Газета „Neue Freie Presse“ („Нейе Фрейе Прессе“) в статье под заголовком: „Граф Бетлен и венгерская социал-демократия. Попытки на сближение“ писала: „... В настоящее время между правительством и социал-демократами идут переговоры, целью которых является расширение пакта, заключенного между премьер-министром графом Бетленом и партией в 1921 году.“ „... Венгерская социал-демократическая партия на выборах 1921 года вновь начала свою активную политическую деятельность. Граф Бетлен в то время заключил с партией *так много упоминаемый пакт*, в котором он обещал партии 24 мандата в парламенте. Взамен социалисты обязались играть в парламенте роль тихой оппозиции и поддерживать правительство в его борьбе против коммунизма. Пакт, заключенный с социалистами, был одним из удачайших шахматных шагов графа Бетлена. Социалисты, которые даже несмотря на всеобщее избирательное право при тайном голосовании не могли получить в парламенте ни одного места, теперь, после сильного ограничения тайного голосования получили 24 мандата. С другой стороны, Бетлен приобрел социалистический отряд в борьбе против коммунистической опасности, которую до тех пор вели исключительно правые радикальные элементы. *Социалисты не изменили пакту*. Они помогали правительству в преодолении коммунистической агитации и вытеснили большевистских агитаторов с фабрик.“ „Neue Freie Presse“. Вена, 8 октября 1929 года. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

а также и число их депутатов в парламенте является последствием пакта и, очевидно, результатом заключенного позже частичного соглашения.

И, если „большевистских агитаторов“ даже и с помощью наилучшего сотрудничества не удалось вытеснить из рабочего движения, то это произошло не из-за пробелов в сотрудничестве Бетлена и Пейера, а из-за героической, самоотверженной, не отступающей ни перед какими трудностями деятельности подпольной, преследуемой коммунистической партии.

VI. БОРЬБА ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ПАКТА

Пакт, полный его текст и, главным образом, та часть его, в которой говорится о предательской роли, взятой на себя социал-демократической партией, держался в строгом секрете. Рабочие могли знать о нем только то, что можно было предугадать из цитированного выше заявления Бетлена. И все-же, пакт с самого начала вызывал большое беспокойство в рядах сознательных рабочих, и, чем больше проявлялось пагубное влияние пакта в экономическом обнищании и политической выдаче рабочего класса, тем более росло подозрение и законное ожесточение рабочих против тайного договора, заключенного с буржуазией.

Уже на первых партийных собраниях, проведенных после заявления Бетлена, многие ожесточенно выступали против докладов, сделанных в духе пакта. Приведем лишь единственный пример из многих: прения по докладу Иштвана Фаркаша на партийном собрании в городе Дьер (Győr). Газета венгерских коммунистов, издаваемая в Вене, поместила следующее сообщение:

„Доклад в Дьере

Иштван Фаркаш на днях сделал доклад в дьерской организации социал-демократической партии. Он информировал о пакте, заключенном партией с Бетленом. Во что бы то ни стало он хотел доказать, что Бетлен честный человек и что партия не имеет никакой причины заранее сомневаться в его обещаниях. Далее он установил, что рабочий класс склонен принести все жертвы, если речь идет об интересах родины. В своем выступлении он врал, что 1200 интернированных уже освобождены, но позже, под влиянием выступлений рабочих, он снизил это число до 103.

Выступившие рабочие резко нападали на докладчика. Один старый рабочий страстно нападал на Фаркаша и на руководство социал-демократической партии и квалифицировал заключение пакта подлостью. Он выступал против Фаркаша и социал-демократической партии из-за внесенного в пакт обещания, что партия использует свои международные связи „в интересах пакта“. Он заявил, что этим обещанием партия служит контрреволюции и капитализму и предает интересы рабочего класса.

Настроение собрания было возбужденное и оппозиционное. При требовании отчета, предъявленном *революционным дьерским пролетариатом* — Иштван Фаркаш чувствовал себя очень плохо.⁷¹

Текст пакта не знали и коммунисты. И все-же, подпольная газета партии в Венгрии „Kommün“ („Коммуна“) уже в 1922 году в целом

⁷¹ „Vörös Ujság“ („Красная газета“), Вена, 25 января 1922 года.

ряде вопросов правильно указывала на систематические и планомерные предательства, принципиальную основу и краткое изложение которых дал именно пакт. Так, при первом выступлении социал-демократической фракции в парламенте „Коммуна“ в статье „Началось раздевание“ метко писала:

„Социал-демократы сделали в национальном собрании «принципиальную декларацию». Эту декларацию наиболее метко можно характеризовать замечаниями, прозвучавшими с крыла правительства. В сторону Пейдля, читавшего декларацию, отовсюду, но особенно со скамеек правительства, звучали реплики: «Действительно патриотическая речь», «правда», «так и есть»...“.

„Первое выступление социал-демократов в парламенте не принесло венгерскому рабочему классу никакого конкретного результата. Утешительно в этом лишь то, что сознательная часть венгерского рабочего класса и не ждала от них ничего, и, таким образом, не обманулась. Другая же часть, еще верующая им и более или менее бессознательная, может быть некоторое время будет надеяться, но эти надежды рухнут тем скорее, чем больше можно будет видеть из деятельности социал-демократов в парламенте. Социал-демократическая фракция парламента выступила на сцене национального собрания и приступила к раздеванию на открытой авансцене. Чтобы иметь возможность сотрудничать с буржуазией, она отказалась от прошлого пролетариата. — *Нельзя одновременно служить буржуазии и пролетариату*. Цена примирения с буржуазией — предание пролетариата.“⁷²

Так же правильно оценила „Коммуна“ поведение социал-демократов по отношению к трудящимся сельского хозяйства, несмотря на то, что она не знала взятых на себя социал-демократами в пакте обязательств о выдаче сельскохозяйственных рабочих:

„Выступление Ференца Седер на заседании парламента 18 июля верно включается в политическую борьбу, проводимую до сих пор социал-демократами. Как трехлетняя политическая деятельность социал-демократии означает полное отступление видимой партии рабочего класса — социал-демократии — от марксистской линии, так отступлением является и выступление депутата парламента от союза сельскохозяйственных рабочих, Ференца Седер. Марксистское наследие было отброшено не только в вопросах революционной и классовой борьбы, но и в оценке соотношений классовых и общественных сил.“

„Печальное дело, что депутат сельскохозяйственного пролетариата придунайского района не имеет более срочного требования, как осуществление уверточной аграрной реформы Рубинека. Искключительно печально, что депутат сельскохозяйственных рабочих прививает эту незаконнорожденную идею дереву ирредентического направления. «Без честной земельной политики и идея ирредентизма хилая» — провозглашает стоящий на национальной основе господин депутат, который действительно является достойным представителем тех глупостей и предательства, представители которых являются и его соратники по руководству. Честная политика и ирредентическая демагогия христианского направления дает хлеб десяткам тысяч оставшейся без хлеба сельскохозяйственной бедноте, если второй парламент белого террора благосклонно примет указания Седера?“⁷³

Несгораемые шкафы еще строго хранили *письменные доказательства предательства*, но боевой рабочий класс уже видел и на своей шкуре чувствовал *факт предательства*. И поэтому все больше число рабочих и все более громко требовало опубликования пакта, ликвидации духа пакта и удаления рыцарей пакта с передовой линии рабочего движения.

⁷² „Vörös Ujság“ („Красная газета“), Вена, 5 июля 1922 года.

⁷³ „Kommün“ („Коммуна“) 2 августа 1922 года.

Заключив пакт, пэйеристы в свое время поставили свою партию перед готовым положением. Они только позже, задним числом и неполно информировали руководство партии об этом деле, а съезд партии, который мог бы предварительно вынести решение или позже требовать отчета, был созван только год спустя. Пейеристы рассчитывали, что к тому времени память о пакте ослабеет и отойдет на задний план. Конечно, действительное содержание пакта и тогда не было опубликовано или доведено до сведения делегатов съезда. Наоборот, когда речь шла о пакте, пейеристы неимоверно врали.

А о пакте говорилось очень много. Делегаты оппозиции требовали отчета о соглашении, заключенном в декабре 1921 года. Проппер тогда заявил:

„Мы не заключили с правительством пакта, а мы в исключительно тяжелом положении приняли одно приглашение... Мы начали переговоры в интересах наших страдающих в тюрьмах товарищей, и, как это можно теперь установить, в результате переговоров было освобождено около 1500 человек. Уважаемые товарищи... если я могу это сделать без отказа от принципа, то я еще раз вырву из рук контрреволюции 1500 человек.“⁷⁴

Проппер, конечно, врал говоря о 1500 человек, так как в течение одного года из концентрационных лагерей в общем не было освобождено столько человек, а большая часть освобожденных была бы освобождена и без пакта в ходе пересмотра дел, проводимого систематически каждое полугодие.

Но самой большой ложью было здесь не это, а то завуалированное, скрытое утверждение, что соглашение состоялось „без отказа от принципа“. Этому, конечно, не поверили и делегаты и, подняв вновь вопрос ответных услуг, указали на то, что пейеристы спасли режим Бетлена от катастрофы. Так, делегат из Кишпешта Габор Ошват заявил:

В душе рабочих сильно горит вопрос, что руководство партии совершило большую ошибку, начав перед рождеством переговоры с премьер-министром Бетленом. Товарищ Проппер... говорит, что он охотно будет вести с премьер-министром переговоры, если речь идет об освобождении 1500 товарищей. Это правда. Но посмотрим, что дали мы за это... Я скажу, что эти 1500 товарищей охотно остались бы еще на полгода в тюрьме... но, не думаю, что правительство могло бы долго существовать. Из выступления товарища Проппера я узнал, что это правительство не имеет политической программы и не имеет экономической концепции. Если это так, то это доказывает, что с помощью пакта и соглашений... мы только продлили жизнь этого правительства, дав ему инъекции. Такое правительство... может существовать дальше только тогда, если мы будем давать ему инъекции...⁷⁵

Делегат Будапешта Кароль Дюркович рассказал, как поставило партийное руководство партию перед готовым положением при заключении пакта:

„Когда мы услышали известие о том, какое соглашение готовится с правительством, мы привлекли партийное руководство к ответственности... Тогда партийное руководство просто объявило, что это известие ложное, заявив, что оно не

⁷⁴ Протокол XXI съезда Венгерской социал-демократической партии, стр. 124.

⁷⁵ Протокол XXI съезда Венгерской социал-демократической партии, стр. 124.

ведет никаких переговоров... Затем, к нашему величайшему удивлению, оно представило партийному выбору готовый пакт... Тогда мы немедленно высказали свои опасения, что на социал-демократической партии будет лежать большая ответственность, если она согласится на заключение такого — по нашему мнению — невозможного пакта. Однако, положение и тогда, как и всегда, было таковым, что при проявлении в партии критики, по очереди вставали товарищи и резко, грубо выступали против тех, кто высказывал противоположное мнение. Товарищ Проппер с большим пафосом заявил, что он берет на себя моральную ответственность за все случившееся, так как он сделал бы это и в другой раз, если речь идет о том, что этим он мог бы освободить из тюрьмы 1500 товарищей. Но, когда речь шла о том, что этим фактом мы продлим заключение тех, кто останется в тюрьме, то я не смел бы взять на себя моральную ответственность за этот пресловутый пакт.⁷⁶

Оратор, конечно, не мог думать о том несомненном факте, что голова пейеристов не болела за оставшихся в тюрьмах товарищей, они даже радовались этому, так как большая часть оставшихся там были коммунисты.

Делегат из Секешфехервара Иштван Мико заявил:

„Не важно, как будут терроризировать и обвинять меня некоторые товарищи но надо видеть, что в моем комитате товарищи выражают недовольство в связи с деятельностью партии, в связи с тем, что она заключила с правительством пакт, до сегодняшнего дня не опубликовала его и не представила его даже съезду, чтобы, по крайней мере, делегаты узнали о нем.“⁷⁷

Докладчик Иштван Фаркаш, один из подписавших пакт, осмелился дать на эти выступления следующий ответ:

„Говорить о переговорах с Бетленом, что они влияли на партию и что мы связали себя... этого я не могу понять. Не знаю, из каких данных исходите, из чего делаете вы этот вывод, так как это не было пактом.“⁷⁸

В конце 1923 и в начале 1924 года оппозиционное движение в социал-демократической партии приняло большой подъем. Все более видимые „результаты“ пакта: позорное поведение социал-демократической фракции парламента, ее тесное сотрудничество с буржуазией, все более открывали глаза рабочего класса, делали все более решительным и сознательным его сопротивление этой политике. Выступление оппозиции на XXII съезде социал-демократической партии в апреле 1924 года было особенно значительным проявлением силы, целей оппозиционного движения и его влияния на массы.

На этом съезде также выступили делегаты оппозиции, в том числе много делегатов из провинции, которые требовали от вождей социал-демократов отчета в их предательской политике. Проппер, Пейер и Фаркаш со свойственной им грубостью и демагогией вновь старались прижать к стенке и запугать оппозицию. Например, Проппер, „забыв“ о том, что подписанный также и им пакт запрещает организацию сельскохозяйственный рабочих, сказал следующее:

⁷⁶ Там же, стр. 147.

⁷⁷ Там же, стр. 148.

⁷⁸ Там же, стр. 154.

„Надо признать, что организация сельскохозяйственных рабочих наталкивается на трудности... Насколько я помню, социал-демократическая партия никогда, ни на один момент не пренебрегала этим вопросом.“⁷⁹

И, будучи уже в отрицании, он со смелым порывом продолжал:

„Говорят о пакте, и здесь я мог бы занять совсем удобную позицию. Этот вопрос мы обсудили, разобрали на прошлогоднем съезде, и прошлогодний съезд принял к сведению доклад руководства партии... Однако, я не займу эту удобную позицию, но опять таки я могу сказать только то, что мы сказали и в прошлом году. Да, произошли определенные переговоры. На основании этих переговоров... началась медленная ликвидация контрреволюции.“⁸⁰

Подобным образом „занимался“ вопросом пакта и Пейер:

„О том, что здесь рассказали о разных делах, о пакте и т. д. одик товарищ уже сказал, что об этом говорят все уличные торговки. Да, но и только уличные торговки, а вы (в сторону левого крыла) — переняли болтовню уличных торгов.“⁸¹

В заключение Иштван Фаркаш следующими словами „закрывает“ этот вопрос:

„Из года в год на съезде партии, если речь шла о критике политики партии, вновь и вновь поднимался вопрос пакта... Это некрасивое обвинение базировалось на том, что „говорят“, „утверждают“ о заключении пакта, о состоявшемся соглашении. Так кто же это, кто говорит, кто утверждает? На такой основе, таким образом строятся обвинения и это характеризует критическое мышление людей. Это такой метод критики, который должен осудить каждый серьезный человек.“⁸²

VII. РАБОЧИЙ КЛАСС ЗАСТАВЛЯЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ ПАКТ

Пейеристы думали, что на XXII съезде партии окончательно удалось ликвидировать вопрос пакта. Однако, дела сложились не так. С одной стороны, члены оппозиции не удовлетворились тем, что „большинство“ участников съезда голосовало против них и высказало пейеристам доверие. Это большинство вообще не выразило мнения даже действительного большинства членов социал-демократической партии. Преобладающее большинство делегатов съезда было избрано не членами партии на партийных собраниях или другим демократическим путем, а оно просто было делегировано на съезд руководствами профсоюзов. Например, на XXII съезд партии в представительстве 41 отраслевого профсоюза присутствовали 221 делегат, от 24 будапештских парторганизаций — 32 и от 45 провинциальных парторганизаций — 63 делегата.⁸³

Однако, что еще важнее этой пропорции — делегаты, главным образом, от профсоюзов, вообще не избирались демократическим способом, а бюрократы „избирали“ друг друга на заседаниях руководств или президиумов.

⁷⁹ Протокол XXII съезда Венгерской социал-демократической партии, стр. 150.

⁸⁰ Так же, стр. 149.

⁸¹ Там же, стр. 170.

⁸² Там же, стр. 188.

⁸³ Там же, стр. 133.

Естественно, что не только оппозиционные делегаты, но и массы членов партии не считали обязательными для себя резолюции, принятые таким „демократическим“ съездом партии. Все более росло недовольство руководством партии, вопрос пакта стоял на повестке дня прений в партийных и профсоюзных организациях. Боевой рабочий класс требовал опубликования пакта.

Пейеристы хотели покончить с растущей и укрепляющейся оппозицией вначале таким образом, что они по отдельности пытались подкупить или запугать руководителей оппозиции. По отношению к некоторым лицам этот метод замечательно удался. Так, например, Рудольф Пайор, бывший на съезде 1922 года одним из самых громких вождей оппозиции, на следующем съезде уже молчал и вскоре стал одним из доверенных Пейера, секретарем центрального комитета партии и самым ожесточенным преследователем оппозиции. Однако, преобладающее большинство оппозиционных работников партии нельзя было заставить замолчать с помощью подкупа и партийных функций. Против них нужны были более сильные мероприятия. Таким образом, под руководством Пейера началось планомерное истребление оппозиции.

Вначале члены оппозиции исключались из партийных и профсоюзных организаций по одиночке. Позже, когда эти исключения из партии вызвали сильное возмущение и протесты, из социал-демократической партии и из центра профсоюзов исключались уже целые группы, целые местные партийные и профсоюзные организации. Пейеристов несколько не беспокоило то, что именно в рядах оппозиции были самые боевые, самые активные товарищи, лучшие организаторы и агитаторы. Их несколько не смущало то, что этими массовыми исключениями они вызывали раскол в легальном рабочем движении. Им нужно было не единство, а гегемония, возможность свободного неограниченного классового предательства.

Однако, естественно, что исключенные не примирились с исключением, не терпели того, что их просто вытеснили из рабочего движения, и приступили к упорной, последовательной борьбе против предательского руководства пейеристов. Одним из важных средств этой борьбы было требование опубликования пакта Бетлен—Пейер.

Это требование, к которому присоединялись все большие и большие массы, может быть, само по себе не было бы достаточным для того, чтобы заставить опубликовать пакт. Однако, одновременно с этим между пейеристами и их хозяевами, правительством Бетлена, начались разногласия. Правая социал-демократия находилась постоянно между двумя жерновами. С одной стороны, она с готовностью обслуживала контрреволюционный буржуазный, стоящий в данное время у власти правительственный режим. Однако, для того, чтобы правительство пользовалось и ценило услуги социал-демократии, ей необходимы были массы. С другой стороны, рабочие массы нельзя было завербовать и сохранить с программой классового

предательства. Для этого был нужен радикальный тон и иногда, для видимости, и радикальные выступления. Таким образом, с одной стороны — полное обслуживание буржуазии, с другой стороны — мнимая борьба против буржуазии. Однако, даже эта мнимая борьба нервировала господствующий режим и он бил за это социал-демократию по рукам.

В конце 1924 года между правительством и социал-демократией, вступившей в союз с буржуазной оппозицией, произошло одно такое столкновение. Оппозиция подняла в парламенте вопрос раскрытых крупных панам, на что бетленовцы ответили введением более строгого устава парламента и насильственно удаляли из здания парламента протестовавших оппозиционных депутатов. В ответ на это оппозиция, в том числе и социал-демократы объявили, что

„Вступившая в союз оппозиция не согласна быть дальше . . . фиговым листом мнимой конституционности.“⁸⁴

Оппозиция оставила парламент и отказалась от участия „в работе законодательства“. Конечно, это было только бурей в стакане воды, но правительство все-же старалось обезоружить эту акцию оппозиции. Бетлен теперь уже на самом деле начал применять вымогательство. Насколько лживо было утверждение вождей социал-демократов, что Бетлен с помощью вымогательства заставил их подписать пакт — ведь мы видели, как от всего сердца соблюдали они все его главные пункты — настолько правда то, что в 1924 году Бетлен шантажировал социал-демократов, угрожая им опубликованием пакта. Создалось комичное положение: мнимый шантажист хотел опубликовать документы „шантажа“, а мнимый „шантажированный“ боялся разоблачения шантажа!

Пейеристы приступили к мольбе. „Непсава“ сделала все возможное, чтобы доказать, что социал-демократы всегда верно служили господствовавшим классам и не их вина, если они вынуждены приступить теперь к мнимой борьбе. Правительство не имеет причины жаловаться на них:

„До сих пор правительство в надлежащее время могло провести все законопроекты, оппозиция ни в одном случае не прибегала к оружию обструкции.“⁸⁵

Пейеристы повторно напоминали о своих незаменимых услугах в консолидации буржуазной экономики и упрочения массовой нищеты рабочего класса:

„Социал-демократическая партия, профсоюзы прилагают по-истине сверхчеловеческие усилия, чтобы не допустить выступить из берегов ожесточение рабочего класса, стонущего под невыносимым бременем нищеты и лишений.“⁸⁶

Однако, эти усилия, как они объясняют — дошли уже до предела их способности, рабочие массы невозможно дальше сдерживать, чтобы

⁸⁴ „Népszava“, 2 декабря 1924 года.

⁸⁵ „Népszava“, 30 ноября 1924 года.

⁸⁶ „Népszava“, 30 ноября 1924 года.

не потерять полностью массы, они вынуждены — к их величайшему сожалению — по крайней мере по видимости показать боевое выступление. Однако, это не будет очень опасным, не надо бояться действительного боевого выступления:

„...если правительству нужна борьба, так будет борьба... Но правительство сильно ошибается, если думает, что оно может принудить сознательные социал-демократические массы к необдуманным действиям отчаяния.“⁸⁷

Бетлен неоднократно угрожал опубликованием пакта в том случае, если социал-демократы не вернутся в парламент и не порвут с буржуазной оппозицией. А на рождестве 1924 года он в венской газете „*Neue Freie Presse*“ еще раз решительно повторил эту угрозу.⁸⁸

Пейеристы были „прижаты к стене“. Удовлетворить требования Бетлена, они ничего не достигли бы этим, так как заявления Бетлена настолько возбуждали интерес рабочего класса, что уже нельзя было избежать ознакомления и опубликования пакта. Рабочий класс хотел ясно видеть. Таким образом, компания пейеристов решила сама опубликовать пакт, и, надеясь на благотворное, заглаживающее влияние трех лет, прошедших со времени подписания пакта, старались фальсифицированно показать обстоятельства подписания, представить пакт в качестве незначительного события:

„Премьер-министр Бетлен... за последние недели все чаще упоминает о — называемом пактом — протоколе, подписанном социал-демократической партией зимой 1921 года под влиянием неустрашимого насилия. Руководство социал-демократической партии, не желая дальше терпеть этого политического шантажа, приняла решение опубликовать дословный текст протокола...“⁸⁹

На пленуме социал-демократической партии 30 декабря 1924 года Иштван Фаркаш информировал присутствовавших о пакте. Тот-же самый Иштван Фаркаш, который несколько месяцев тому назад, на апрельском съезде, еще бесстыдно говорил о том, что „каждый серьезный человек должен осудить то «некрасивое обвинение», согласно которому в декабре 1921 года между правительством и пейеристами «был заключен пакт,

⁸⁷ „*Népszava*“, 30 ноября 1924 года.

⁸⁸ Бетлен между прочим заявил корреспонденту „*Neue Freie Presse*“ следующее: „... Левые рубят дерево под собой. Если члены оппозиции — как они это повторно подчеркивают — откажутся от своих мандатов, то я буду вынужден опубликовать пакт, заключенный мной с социал-демократами, и, таким образом, создам им возможность принять участие в жизни парламента“. („*Neue Freie Presse*“, 25 декабря 1924 года.)

⁸⁹ „*Népszava*“, 31 декабря 1924 года. Газета „*Pester Lloyd*“ правильно устанавливает поводы к опубликованию пакта: „Итак, руководство социал-демократической партии, публикуя в своей газете полный текст пакта, хочет опередить угрозы премьер министра. При опубликовании текста руководство партии исходит, очевидно, из того, что таким образом оно будет иметь тактическое преимущество: свои заключенные с правительством соглашения оно может преподнести рабочим массам с таким комментарием, который в более благоприятном свете покажет поведение, проявленное им во всем этом деле. Однако, из длинного, высокомерного введения газеты „*Непсава*“ выявляется, что социал-демократы с тяжелым сердцем решились на опубликование пакта“. „*Pester Lloyd*“, 31 декабря 1924 года. (Вечерняя газета).

было соглашение». Фаркаш не стыдился выступить теперь, на несколько месяцев позже, с заявлением, что действительно был заключен пакт, „было соглашение“. Из всего поведения вождей социал-демократической партии трудно решить, что было больше — их предательство или же их подлое лицемерие. Фаркаш приступил к жалким объяснениям:

„Заявление премьер-министра выставляет социал-демократическую партию в таком виде, как будто она в каком либо отношении обязалась правительству, и, можно сказать, выставляет дело таким образом, что социал-демократическая партия попала в национальное собрание якобы на основе этого „пакта“.⁹⁰

„Бетлен старается сделать социал-демократическую партию подозрительной в глазах ее соратников, буржуазной оппозиции и всей общественности.“⁹¹

Дальше он уже врал без разбора:

„Несколько недель тому назад пленум партии имел возможность ознакомиться с текстом «пакта».⁹²

В то же время, сделав смелый поворот, он продолжал:

„Но, в сущности, пленум партии знал уже о протоколе немедленно после его подписания. Пленум хорошо знает и причины, принудившие руководство партии подписать этот протокол. Пленум партии, все органы партии и члены партии хорошо знают также и то, что руководство партии ни на один момент не считало этот протокол обязательным для себя именно из-за тех обстоятельств, при которых он был создан. Пленум партии именно поэтому принял к сведению и повторное заявление руководства партии по этому делу. Таким образом, мы не имели никакой причины держать этот протокол и дальше под замком.“⁹³

Итак, правительство шантажировало, они подписали пакт, но не соблюдали его. То-есть, они „перехитрили“ правительство, ничего не дали ему. Но, почему же секретничали они годами, почему так жалко заикались, почему врали? Очевидно, что это последнее утверждение является такой же ложью, как и другие. Они держали пакт в тайне потому, что соблюдали его, и держали его в тайне до тех пор, пока соблюдали. Когда в области осуществления и соблюдения определенных пунктов пакта возникли разногласия, Бетлен начал угрожать опубликованием пакта и тогда пейеристы вынуждены были опубликовать, наконец, текст пакта. Но Фаркаш бесстыдно продолжал врать:

„Эти переговоры были настоящей борьбой, рукопашным боем между контрреволюцией и социал-демократической партией. Можно сказать, что за каждую малейшую выгоду надо было платить кровью“.⁹⁴

Мы видели протоколы переговоров. В них нет ни одного слова о борьбе, о рукопашном бое или же о купленной ценой кровью выгоде. Но тем больше говорится в них о сердечном сотрудничестве, о согласии, о совместной защите нации. В заключение „ради полноты картины“ Фаркаш пытался вставить в свой доклад еще одну ложь:

⁹⁰ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹¹ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹² „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹³ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹⁴ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

„Ради полноты картины — заявил он — я должен сказать еще то, что, когда уполномоченные партии отказались подписать этот протокол, тогдашний министр юстиции Вильмош Пал Томчани заявил, что в таком случае постановление об амнистии не будет издано“.⁹⁵

Картина полная. Это такая же ложь, как и другие заявления. Подумаем только. Они заранее знали, что не будут соблюдать пакта, но в последний момент у них возникли опасения и они не хотели его подписать. Этому, пожалуй, можно было бы поверить, если бы мы не знали, что предварительно, в течение одного с половиной года, они забрасывали правительство именно такими и подсыбными устными и письменными предложениями; такими предложениями в которых вопрос интернированных и арестованных даже и не фигурировал или же фигурировал только во второстепенном порядке. Все заикающиеся объяснения Фаркаша своей подлой ясностью и грубой лживостью являются достойным аккомпанементом опубликованного, наконец, по принуждению пакта.

Опубликование пакта естественно возбудило всеобщее внимание и вызвало возмущение в рядах венгерского рабочего класса. Получило донесение то, что оппозиция, говоря о пакте, распространяла не выдуманную ложь. Бесчисленные предательства, совершенные социал-демократической партией в течение прошедших трех лет, многие подавленные и преданные забастовки, многие более или менее крупные предательства и добавочные пакты получили очевидное объяснение. Однако, социал-демократическая оппозиция все еще не хотела нарушить единства легального движения и стремилась очистить и освежить движение путем удаления разблаченных, раскрытых предателей. Поэтому она предприняла, в сущности, наивный шаг, искав защиту против предательской социал-демократической партии у интернационала предателей. Этот шаг, как будто, привел к результату. Заседание Исполкома II Интернационала, состоявшееся в Брюсселе в начале января 1925 года назначил комиссию для расследования дела венгерской социал-демократической партии. Эта комиссия собралась на заседание в Вене в январе 1925 года. Членами комиссии были старый ренегат марксизма Карл Каутский и главный идеолог австро-марксизма, Отто Бауер.

Социал-демократическую партию, естественно, беспокоило проводимое II Интернационалом расследование, международное разглашение ее грязных дел. „Непсава“ вновь приступила к жалким объяснениям:

„До Исполкома Интернационала обходным путем дошла коллекция легенд, клеветуших на нашу партию и ее руководство, посеяв там зерно недоразумений и сознательно неправильных толкований.“⁹⁶

Конечно, это слабое объяснение. Из него не видно, какие обходные пути имеются к Интернационалу, не видно того, почему надо было поднять

⁹⁵ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹⁶ „Népszava“, 27 января 1925 года.

такой шум из-за очевидной клеветы, создать специальную комиссию, созвать ее специальное совещание в Вене. Но, что будет обсуждать эта комиссия? Во первых, мы узнаем, что она не будет обсуждать. По „Непсава“:

„Прежде всего, устанавливаем, что на повестке дня совещания не фигурирует дело — называемого пактом — протокола.⁹⁷“

Это, конечно, опять-таки сплошная ложь. Несколько дней спустя и „Непсава“ вынуждена была опубликовать решение венской комиссии, которая резко осудила пакт, но это несколько не мешало пейеристам, пока на это была возможность, вводить венгерский рабочий класс в заблуждение. Они знали, что вопрос пакта сыграл решающую роль, и все-же, не моргнув глазом, они отрицали существование пакта. Что-же было, по их мнению, причиной венских совещаний? Они говорили, что Интернационал создал комиссию не из-за пакта,

„... а потому, что, по его мнению, внутри венгерской социал-демократической партии имеется значительная оппозиционная группа, деятельность которой может привести к расколу партии. Во избежание этого, Интернационал создал комиссию по расследованию „венгерского дела“. Однако — добавляют они — комиссия убедится в том, что в венгерской партии нет оппозиционных критиков, а есть только клеветники и нарушители порядка, от которых все органы венгерской социал-демократической партии, в интересах именно сохранения единства партии и обеспечения партийной дисциплины, хотят очистить партию.“⁹⁸

Комиссия, конечно, была комиссией II Интернационала, главными вожаками ее были Каутский и Бауер и, следовательно, она сделала все возможное для того, чтобы объявить черное—белым. Однако, как ни старалась комиссия „вымыть негров“, она не могла избежать установления нескольких несомненных фактов. А эти факты с точки зрения венгерской социал-демократии были сокрушительными. Так, комиссия установила следующее:

„Граф Бетлен ... сделал уступки ... с такими условиями, о которых и сам граф Бетлен знал, что они противоречат всем основным принципам международного рабочего движения, а некоторые из них даже и принципам социалистической морали ... Все-же, пожалуй, понятно, что заключение такого пакта, содержание и форма которого почти полностью противоречат всем требованиям международного рабочего движения, естественным образом, вызвало в партии оппозицию.“⁹⁹

На совещании комиссии присутствовали также и представители оппозиции. Оппозиция представила следующие требования:

1. Подписавшие заключенный с Бетленом пакт не могут быть дальше членами руководства партии.

2. Комиссия должна высказать, что она не одобряет политику партии, направленную на коалицию, и что на предстоящих в скором будущем муниципальных выборах партия обязана выступить с самостоятельным списком.

⁹⁷ „Népszava“, 27 января 1925 года.

⁹⁸ „Népszava“, 29 января 1925 года.

⁹⁹ Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale, стр. 110—111.

3. Товарищи, исключенные из партии вопреки совету Интернационала, должны быть приняты обратно. В будущем нельзя исключать никого из тех, кто распространяет внутри партии свои оппозиционные принципы и по демократически борется в рамках партии за их осуществление.

4. Руководящие партийные органы в будущем должны состояться не таким образом, чтобы делегаты назначались центральными органами партии и профсоюзов, а на основании демократических выборов.

5. Каждый более важный партийный вопрос должен быть представлен руководящим партийным органам.¹⁰⁰

Принятие и осуществление этих требований означало бы конец пейеризма в венгерской социал-демократической партии. Естественно, что уполномоченные II Интернационала, каутские и байеры не могли согласиться с этим. Они заявили, что они не решают и не дают указаний, а они дают только совет.

„Комиссия... не была склонна вести прения по этим вопросам, ибо она не считала себя компетентной на основании одного совещания высказать мнение по одному жизненному вопросу партии и навязать партии свое мнение.“¹⁰¹

„Непсава“ считала также исключительно важным подчеркнуть в своих статьях, говорящих о совещаниях комиссии, что комиссия является только консультативным органом и не может вмешиваться во внутренние дела венгерской партии. Пейеристы опубликовали заявление, согласно которому :

„Руководство венгерской партии с определенного времени не считает для себя обязательным т. н. пакт, заключенный в 1921 году под влиянием безвыходного положения с правительством Бетлена.“¹⁰²

Стоит сравнить это заявление с громкими заявлениями Фаркаша и других, согласно которым, они „никогда, ни на один момент“ не считали пакт обязательным для себя.

Наконец, комиссия закончила свои совещания, установив вышеуказанное и высказав краткое желание того, чтобы „ссоры“ прекратились. Пейеристы дали комиссии обещание принять обратно исключенных из партии, предоставить оппозиции большую свободу агитации и не применять новых исключений. Конечно, они ни один момент не думали сдерживать свои обещания. Совещания в Вене еще не кончились, как „Непсава“ уже самым подлым образом начала рассчитывать с оппозицией.

Союз строительных рабочих исключил из своих рядов 11 оппозиционных рабочих. Когда исключенные рабочие под защитой членов вошли в помещение союза, их удалили оттуда с помощью полиции, а „Непсава“ следующим образом писала о „фоне“ оппозиционного движения:

„Для Центрального Комитета Союза строительных рабочих вполне ясно, откуда и кто поддерживает эту ... акцию.“¹⁰³

¹⁰⁰ „Itéljen az Internacionálé!“ („Пусть судит Интернационал“). Будапешт 1925, стр. 4.

¹⁰¹ Там-же, стр. 5.

¹⁰² Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale, стр. 11.

¹⁰³ „Népszava“, 29 января 1925 года. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

И, чтобы не было никаких сомнений, чтобы клевета был общепонятна, „Непсава“ в следующем номере разъяснила:

„Мы хотели бы сказать что-то и благонамеренным недовольным людям. Пусть будут они осторожны, чтобы большевистская агитация, скрываясь за их благонамеренностью, не проникла в профсоюзы и в партийные организации, рабочие должны быть осторожны и не позволить заразить себя клеветой и опасными лозунгами.“¹⁰⁴

Таким образом, ни одного момента не шла речь о соблюдении обязательств, взятых на себя руководством социал-демократической партии в Вене. Пейеристы продолжали применять исключения из партии и клевету, продолжали свои стремления, направленные на разложение единства рабочего класса, так как лишь таким образом они могли сохранить свою власть в легальном рабочем движении, лишь таким образом могли они продолжать политику обслуживания буржуазии.

В то же время они считали мнение II Интернационала слишком суровым для них, и потому, например, выступление Отто Бауера, они сфальсифицировали таким образом, что он вынужден был опубликовать дословный текст своего выступления в газете „Arbeiter Zeitung“ и требовать исправления фальсификации. Пейеристы, конечно, не удовлетворили этого требования и не опубликовали исправления.

Наоборот, по возвращении из Вены они с новыми силами приступили к истреблению оппозиции. Они ликвидировали целые организации, в „Непсава“ ежедневно публиковались резолюции об исключениях и отстранениях от постов. Положения стало невыносимым.

VIII. БОРЬБА ЗА УДАЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАКТА ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В конце 1924 года венгерское рабочее движение получило сильное подкрепление. После четырехлетней революционной деятельности за границей в Венгрию прибыл *Маттас Ракоши* с целью организации и укрепления подпольного коммунистического движения. Под его руководством получила подъем не только подпольная работа Коммунистической партии, но также и деятельность оппозиции внутри социал-демократической партии. Оппозиционные рабочие все более ясно понимали, что ошибка кроется не в образе мышлений некоторых руководителей социал-демократической партии, в их „предательской натуре“, а в сущности социал-демократии. Поскольку росла бешеная травля пейеристов против всех критикующих и боевых движений, постольку оппозиционные массы, под руководством товарища Ракоши все более осознавали, что в рамках социал-демократической партии нельзя вести честного революционного движения.

¹⁰⁴ „Népszava“, 30 января 1925 года.

Бешеная травля руководства социал-демократической партии, направленная на подавление оппозиции, его явное стремление к удалению боевых, честных рабочих из партийных и профсоюзных организаций, вызвали большую антипатию членов партии и профсоюзов, которые до тех пор проявляли пассивное поведение. Параллельно с исключениями из партии возрастало число добровольно выходивших из организаций, находившихся под руководством предателей. Рабочие, исключенные руководителями социал-демократической партии и добровольно вышедшие из партии, под руководством действовавших в подполье коммунистов, 14 апреля 1924 года создали новую партию, Венгерскую Социалистическую рабочую партию, ставшую популярной под сокращением „МСМП“.

За отсутствием разрешения на газету сообщение о создании партии было опубликовано в листовке, изданной под заголовком „Социалист“ 25 мая 1925 года. В сообщении говорится:

„Комиссия Интернационала настолько строго осудила руководство партии, насколько это вообще было возможно при данных обстоятельствах. Конечно, она не могла объявить свою партию *предателем*, а заявила лишь, что ее действия противоречат *принципам* международного движения. Комиссия не сказала даже, что действия партии *безнравственны*, а сказала лишь, что они противоречат социалистической морали. Впрочем, комиссия считала бы непонятным, если бы при таких обстоятельствах в венгерской партии *не* развилась оппозиция. Оппозиция может продолжать свою деятельность, исключения из партии были неправильным поступком, как можно скорее надо созвать съезд партии *на основе демократических выборов*.“

Таковы были главные результаты венского совещания. На бумаге. В действительности же, на практике руководство партии еще бешенее продолжало проводить свою политику исключения из партии. Оно даже не делало из этого секрета: оно хотело достичь того, чтобы критикующие элементы оставили партию.¹⁰⁵

Оппозиция еще и тогда старалась сохранить единство, брала на себя жертвы, в форме исключения и клеветы, и решила создать новую партию только тогда, когда для нее стало окончательно явным, что в рамках социал-демократической партии невозможно продолжать борьбу за революционные цели рабочего класса:

„14 апреля была создана Венгерская социалистическая рабочая партия. К величайшему ужасу буржуазии и вождей социал-демократической партии... Исключениями из профсоюзов, увольнениями с работы они старались отпугнуть рабочих от нашей партии. Напрасно. Рабочий класс знает, что классовую борьбу нельзя довести до конца без жертв, знает и то, что свою классовую борьбу в Венгрии он должен довести до конца, не в последнюю очередь, *именно против предательской социал-демократической партии и против ее воли*.“¹⁰⁶

Мы уже видели несколько примеров „методов борьбы“ вождей социал-демократической партии, с помощью которых они хотели обезвредить оппозицию и позже новую Социалистическую рабочую партию. В заявлении направленном МСМП Интернационалу, говорится:

¹⁰⁵ „Szocialista“, 25 мая 1925 года. Газета Венгерской социалистической рабочей партии (МСМП). За неполучением разрешения на издание газеты, вследствие преследований, газета издавалась в виде „листовки.“

¹⁰⁶ Там-же. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

„Когда руководство партии предъявило обвинение в получении денег от Красной Помощи, оно должно было знать, что такая открытая клевета *означает преследование и тюрьму*. Однако, это его не устрасило, ибо оно любой ценой хотело воспрепятствовать тому, чтобы мы, в соответствии с решениями, принятыми в Вене, работали в партии в интересах правильного развития партии.“¹⁰⁷

Конечно, руководители МСМП не знали и не могли знать того, что пейэристы не удовлетворились только клеветой. Они, которые в связи с подписанием и опубликованием пакта, обвиняли правительство в „вымогательстве“, теперь не чуждались даже политического вымогательства, лишь бы освободиться от опасной — опасной для них — деятельности МСМП. Именно в это время политическую жизнь взволновало заявление бывшего министра внутренних дел Эдэна Беницкого, в котором он разоблачал Хорти, как зачинщика убийства Шомоди. Руководство социал-демократической партии воспользовалось удобным случаем и направило правительству следующий „ультиматум“:

„В том случае, если правительство и теперь не проявит склонности к удовлетворению всех требований социал-демократической партии, фракция социал-демократической партии в рамках бурного заседания в нижней палате парламента категорически будет требовать привлечения к ответственности или ухода в отставку его Высокопревосходительства господина Регента.

С другой стороны, социал-демократическая партия в ходе предполагаемых переговоров даст правительству почувствовать, что она будет склонна отказаться от своей акции в том случае, если правительство удовлетворит требования партии.“

Социал-демократы предъявили четыре требования, первым и важнейшим из которых было:

„1. Воспрепятствовать деятельности партии Ваги.“

Таким образом, величайшей очередной задачей для вождей социал-демократической партии было не разоблачение убийц, а ликвидация легальной революционной рабочей партии. Мы не имеем данных о соглашении, заключенном тогда между социал-демократической партией и правительством. Однако, является фактом то, что „бурное заседание“ не состоялось и не было предъявлено требования ухода регента в отставку. С другой стороны, правительство хотя и не запретило немедленно деятельность МСМП, всеми средствами контрреволюционного режима старалось как можно быстрее задуть партию. В этом оно и дальше уверенно могло рассчитывать на клеветническую деятельность социал-демократии.

Руководство МСМП на основании перечисленных многочисленных предательств и клеветы констатировало:

„Нет такого международного органа, который после таких предшествовавших событий не установил бы, что:

1. *ответственность за раскол партии лежит на руководстве.*“

2. руководство партии выprovоцировало раскол партии с помощью таких *безнравственных*, недопустимых обманов и средств, за которые его надо судить и клеймить самым строгим образом... Мы предъявляем руководству Венгерской социал-демократической партии обвинение в том, что руководство партии не только ни один момент не относилось с уважением к венскому решению Интернационала, но, вследствие его связи с самыми реакционными буржуазными партиями, на мун-

¹⁰⁷ „Itéljen az Internacionálé!“ („Пусть судит Интернационал.“), стр. 7.

дипальных выборах в большей мере повторило грех бетленского пакта, тот преступный шаг, который решение венской комиссии характеризовало таким образом, что он *противоречит традициям и моральным принципам рабочего движения*, что руководство социал-демократической партии *сознательно вызвало раскол партии*;

что руководство социал-демократической партии *не выдерживающим критики образом выступило* против оппозиции внутри партии, а позже против членов и руководителей Социалистической рабочей партии, который не совместим с членством в Интернационале.¹⁰⁸

Естественно, что такие возложенные на Интернационал надежды оказались обманчивыми. Этот Интернационал был не единой международной партией, центр которой направляет и руководит партии отдельных стран, а он был таким никчемным учреждением, которое по временам собиралось на совещания, но решения которого были только советами и не имели ни для кого и никакой обязательной силы. С другой стороны, этот Интернационал во всем его целом состоял из таких же предателей и клеветников, какими были и пейеристы, и так он меньше всего заботился о том, чтобы занять серьезную позицию против венгерских предателей. Венгерский рабочий класс не мог ждать от II Интернационала эффективной помощи.

В сентябре 1925 года — вследствие предательства — полиция арестовала Матиаса Ракоши. Одновременно были арестованы многие вожди МСМП. Контрреволюция всеми силами старалась доказать, что МСМП является, собственно говоря, организацией, действующей под руководством Коммунистической партии. В этом она получила большую помощь и поддержку от социал-демократической партии, которая усилив свои нападения на МСМП, затопила потоком клеветы как ВКП, так и МСМП. Эта последняя была квалифицирована организацией, созданной правительством в целях нападения в тыл социал-демократической партии, с другой стороны, одновременно называли ее якобы органом прикрытия коммунистической партии. Социал-демократов несколько не смущало явное противоречие между двумя утверждениями, исключаящими друг друга. Депутат от социал-демократической партии, очень богатый адвокат Имре Дьерки на заседании парламента ораторствовал:

„Что-же произошло? Произошло то, что вследствие, с одной стороны, акции правительства, с другой стороны, поощрения защитников расы^{108а} в т. н. оппозиционное движение внутри партии включилась большевистская агитация, которую всем и полностью приходится отклонять и которой все должны препятствовать. Никто не может обвинять нас в том, что мы в какомлибо отношении имеем общее с этим движением, так называемым движением Ракоши. Наоборот, мы самым решительным образом осуждаем и осуждали его и в прошлом. Я должен заявить, что депутаты от социал-демократической партии и все члены гораздо энергичнее, гораздо эффективнее развернули движение и акцию, направленные на подавление большевистской агитации, чем развернуло и развертывает правительство своей деятельностью, с помощью которой оно старается подавить это движение.“¹⁰⁹

¹⁰⁸ Там-же, стр. 9—11. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

^{108а} Реакционная, фашистская буржуазная группа.

¹⁰⁹ Протокол нижней палаты венгерского парламента, 1928, т. XXXV, стр. 109.

Однако, было еще много людей, которые верили в том, что социал-демократическую партию можно очистить изнутри, что силой социал-демократических рабочих из руководства партии можно удалить явных предателей, рыцарей пакта. Этих людей отрезнил съезд СДП, состоявшийся в декабре 1925 года. На этом съезде внутривластная оппозиция выступила вновь с массой фактов и данных. Был издан целый ряд листовок, разоблачавших старые и новые предательства пейеристов. Так, в листовке организации социал-демократической партии в Дьемрэ говорится о том, что пейеристы самовольно отменили устав партии, лишили ее представительства на съезде, зная, что организация укрепила бы оппозицию. Дальше в листовке говорится:

„Товарищи, мы очень хорошо знаем причину того, почему нас не пускают на съезд! Центр боится оппозиционного голоса сельскохозяйственных рабочих. Боится справедливой критики! Он хочет заглушить критику!

Уважаемые делегаты съезда! Мы обращаемся к вам... Рассчитайтесь с теми, кто предал сельскохозяйственный пролетариат и весь рабочий класс. Подписавших пакт надо исключить из партии и внедрить в партии демократию и диктатуру членов!

Уважаемые товарищи! Мы очень просим вас, решите в этом смысле! Если съезд не признает нашу правду и не свергнет тех, кто всячески препятствует организации сельскохозяйственных рабочих и классовой борьбе — то мы будем знать, что должны мы делать? Тогда мы ни на одну минуту не останемся в социал-демократической партии. И, наверно, многие поступят так, как мы!“¹¹⁰

Итак, члены партии из Дьемрэ еще обращались к съезду социал-демократической партии, но они уже сами не имели доверия к этому органу, к этой партии. Подобную картину показывает листовка, изданная членами сольнокской парторганизации и адресованная также делегатам съезда партии:

„Мы долго ждали, чтобы партия приступила к борьбе против угнетения рабочих города и деревни. Этого ждали мы уже и тогда, когда после трех лет секретничанья и вранья получил огласку хорошо известный пакт. Мы долго следили за Будапештом и ждали, чтобы что-нибудь случилось. После совещания в Вене, мы надеялись, что партия прислушается к голосу международного рабочего класса. Однако, что-же мы видим?“¹¹¹

Затем они рассказывают, что — по распоряжению центра — они должны были сменить с постов двух руководителей их партийной организации, организаторов успешной борьбы за повышение зарплаты, лишь потому, что они критиковали директивы центра. За это центр потребовал исключения из сольнокской парторганизации этих двух сельскохозяйственных рабочих, честных бойцов классовой борьбы.

„По нашему, товарищи, это уже чересчур! Преследование со стороны полиции — не новость для сельских рабочих. Однако, мы не позволим, чтобы нас преследовал руководство нашей собственной партии!“¹¹²

¹¹⁰ „A pártkongresszushoz!“ (Обращение к съезду партии!) — Листовка организации социал-демократической партии в Дьемрэ. — Институт рабочего движения. Архив. А. XIII. 3. (1925) II. Подлинный документ.

¹¹¹ „Делегатам съезда партии.“ — Листовка оппозиционной группы сольнокской организации Социал-демократической партии. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. 3. (1925) 10. Подлинный документ.

¹¹² Там же.

Между прочим, они рассказывают, что после посещения Сольнока уполномоченным центра, когда он требовал исключения из партии упомянутых выше товарищей — странным образом — „спустя несколько дней полиция арестовала этих двух товарищей и без всякой причины в течение нескольких дней держал их в заключении.“¹¹³ На основании всего этого они призывают съезд к осуществлению следующих требований:

„Мы должны провести в нашей партии коренные изменения и совершенно изменить теперешнюю политику партии. Мы должны исключить из наших рядов подписавших пакт и тех, кто знал об этом бесчестном поступке и, подло врав, скрывал его . . .“¹¹⁴

„Мы должны бороться против политических преследований . . . Но мы должны бороться также и против того, чтобы „Непсава“ и люди из центра клеветали на рабочих, если их¹¹⁵ мнения расходятся!“¹¹⁵

Однако, съезд социал-демократической партии, состоявшийся на рождестве 1925 года, вследствие характера дела, не мог удовлетворить этих требований. Этот съезд „обеспечил“ пейеристам „полную победу“ в уменьшившейся, „очищенной“ и оставленной боевыми рабочими социал-демократической партии. Голос истинной оппозиции почти даже не мог дойти до съезда. Хорошо подобранные и терроризованные делегаты „приняли к сведению доклад руководства партии“ и осудили МСМП, как нарушителя единства. Оставшиеся в социал-демократической партии т. н. оппозиционеры Енэ Киш, Альфред Халас и подобные им, сами сильнее всего протестовали против „обвинения“ их в оппозиции и объявили вечную верность пейеристской социал-демократии.

Этим вопрос оппозиции внутри социал-демократической партии можно было считать законченным. Но, конечно, и позже, до тех пор, пока существовала социал-демократическая партия, всегда вновь и вновь, в силу необходимости, в партии появлялись оппозиционные голоса и оппозиционные группы. Всегда находились люди, которые были недовольны предательской политикой партии и по-одиночке или же организованно высказывали свое недовольство. Однако, опубликование пакта Бетлен—Пейер и связанная с этим борьба внутри социал-демократической партии, а также создание МСМП и ее борьба наглядно выяснили один вопрос. Выяснилось, что в рабочем движении, как и вообще в политике, не может быть среднего пути между классовым, боевым движением пролетариата и антирабочей политикой буржуазии, что между ними нет третьего пути. Возникавшие позже внутри социал-демократической партии оппозиционные движения в течение очень короткого времени всегда доходили до распутия: *или идти вперед* по пути классовой борьбы, и это, естественно, означало приближение к подпольной коммунистической пар-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

тии и к Советскому Союзу — или же чуждаться этого решающего, решительного шага и безвозвратно измотаться, *вернуться назад в ряды предательской правой социал-демократии*. Никакие левые пышные фразы, никакой псевдорадикализм не могли больше длительно скрыть или отстрочить необходимость решающего шага. Критерием истинно левого убеждения, верности революционному марксизму стало отношение к Советскому Союзу и подпольной коммунистической партии. Однако, в том, что эти вопросы стояли так открыто и ясно, очень значительную роль сыграли опубликование пакта Бетлен-Пейер и происходившая вокруг него борьба.

IX. ПАКТ ПЕЙЕРА — ПРОГРАММА КЛАССОВОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Пакт Бетлен—Пейер был не только простым *соглашением* между правительством контрреволюционного режима и руководителями венгерской социал-демократической партии. Этот пакт, как в теоретической так и в практической области был первым документом, соединяющим тот длинный ряд предательств, который составлял сущность политики венгерской социал-демократии до тех пор, пока в Венгрии существовала социал-демократическая партия.

Матиас Ракоши уже в 1926 году, в своем выступлении перед трибуналом, по праву последнего слова, перечислив шесть крупных исторических процессов венгерского народа, справедливо сказал, что:

„Пятый процесс — это тот процесс, который ведет венгерский народ в последнее время против социал-демократической партии. Эта партия единственная в Венгрии легальная рабочая партия. С тех пор, как эта партия предала диктатуру пролетариата, она где открыто, где тайно присоединялась к контрреволюционным господствующим классам, и, в полном смысле этого слова, боролась против пролетариата. В первые времена контрреволюции она вешала через своих министров, не возражала против интернирования, одобряла ускоренные судебные процессы. В заключенном с премьер-министром Бетленом пакте она выдала контрреволюции свидетельство о благонадежности, пустила в продажу и предала свободу объединения сельскохозяйственных рабочих и железнодорожников. При борьбе против оздоровления государства она заключила пакт. Она безобразно напала в тыл типографских рабочих, начавших акцию в интересах газеты „Непсава“. Она в „демократическом блоке“ объединилась с легитимистами и с известными во всей стране панамистами. Она демобилизовала и демобилизует и теперь каждое движение рабочего класса. Невозможно перечислить всех преступлений, которые совершает она со дня на день. Однако, несомненно то, что все больше растет ожесточение и отвращение рабочего класса по отношению к этой партии, и, несмотря на всю ее клевету, весь ее террор и демагогическую мнимую борьбу, этот процесс закончится таким образом, что социал-демократическая партия останется на арена борьбы.“¹¹⁶

Пакт, действительно, стал символом предательства, совершенного социал-демократами. Он был выражением всего гнилого, всего грязного в этой партии, которую Ленин с правом назвал „представительством

¹¹⁶ „Rákosi per“ (Процесс по делу Ракоши.). Будапешт, 1950, стр. 137.

буржуазии в рядах рабочего класса". Венгерская социал-демократия напав во времена всемирного экономического кризиса в тыл самоотверженной борьбы рабочего класса против капиталистического разрешения кризиса и возродив старую, изношенную теорию „организованного капитализма" западных социал-демократий, цель которых — спасение капиталистического строя, действовала в духе пакта. Поддерживая накануне второй мировой войны венгерскую буржуазию в обслуживании немецкого фашизма и напав во времена второй мировой войны в тыл борьбы коммунистической партии за единство рабочего класса и за объединение сил нации против фашистов, пейеристы освежили и развивали дальше дух пакта. Последствием этой политики пакта пейеристов было то, что рабочий класс не мог своевременно организовать антифашистскую борьбу всего трудового народа за свободу.

Поэтому говорится в программе Венгерской партии трудящихся, что :

„Раскол в венгерском рабочем движении, пейеристское предательское руководство социал-демократической партии и яд шовинизма были решающей причиной пассивности и колебания крестьянских и мелко-буржуазных масс, слабости и запоздавшей организации демократических сил против антинародной войны и изменившего родине хортистского режима.“¹¹⁷

Руководство венгерских социал-демократов и после освобождения страны „развивало дальше" дух пакта, когда оно при изменившихся обстоятельствах, другими средствами продолжало вести политику поддержки буржуазии и, теперь уже, политику реставрации буржуазии. Этой цели служила вся деятельность Пейера, Бана, Кетли и их сторонников. Поэтому сказал товарищ Ракоши на учредительном съезде Союза трудящейся молодежи:

„— Я должен говорить о правых социал-демократах, от которых народная демократия до сих пор еще не требовала отчета в их старых преступлениях и которые поэтому набрались „смелости" и теперь, когда империалистические поджигатели войны громче бряцают своим оружием, вновь начинают действовать. Эти правые руководители социал-демократов в течение четверти столетия перед освобождением страны были наместниками Хорти и реакции в рядах рабочего класса.

Они были теми, кто с пеной у рта забрасывал Советский Союз клеветой и грязью, кто разыскивал среди трудящихся, в рабочих организациях коммунистов и выдавал их кровавым палачам Хорти. Во времена второй мировой войны они были тормозом всех освободительных движений. Они заботились о том, чтобы венгерские фабрики полным ходом работали на войну немецких фашистов, чтобы не было саботажа, не было брака, по их доносам отправляли революционных рабочих в застенки или „на движущиеся лобные места" карательных отрядов.

Эти господа на время притихли, но в последнее время вновь начинают действовать. Теперь их деятельность, конечно, совсем другая. Теперь они те люди, которые ослабляют дисциплину, повышают брак, дают советы и поощряют занижающих нормы, злоупотребляющих в области зарплаты, в области соцстрахования, они распространяют панические слухи врага, стремятся подорвать хорошее настроение трудящихся...

Они вступают в союз с агентами империалистов, сотрудничают с упорным врагом нашего народа, церковной реакцией. Теперь наша народная демократия направляет на них рефлектор всеобщего внимания и приступает к тому, чтобы

¹¹⁷ Программа Венгерской партии трудящихся.

окончательно разоблачить и обезвредить этих старых предателей, которые служат врагу в цитадели нашей демократии, внутри промышленного рабочего класса.”¹¹⁸

Но, в духе предательского пакта действовали и так называемые „левые“ руководители социал-демократов, которых товарищ Ракоши разоблачил, как подкупленных агентов буржуазии:

„С тех пор, как существует рабочее движение, буржуазия во всем мире взяла курс на то, чтобы по возможности подкупить руководителей рабочего движения. И у нас не было иначе. Теперь мы уже знаем, что большинство руководителей венгерского социал-демократического и профсоюзного движения стояли на службе хортистской буржуазии и политической полиции. Они создали даже идеологическую базу для этого подлого сотрудничества: „совместную борьбу против большевизма.“”¹¹⁹

Товарищ Ракоши на основании конкретных фактов и собственных показаний социал-демократов показал, что в этой области не было разницы между правыми и так называемыми „левыми“ руководителями, которые одинаково были агентами буржуазии. Он доказывает, что после освобождения страны эти „левые“ руководители, по указаниям английской шпионской организации — пока могли — противились созданию организованного единства рабочего класса и, когда это было уже неизбежно, так же по указанию англичан, согласились на создание единой рабочей партии.

„Самой главной задачей было: не объединение, а проникновение. Предательские вожди социал-демократов точно выполнили эти указания. Если бы они дальше противились объединению, удалению скомпрометированных руководителей, то их отстранили бы их собственные честные, левые массы . . . Мы в значительной мере разоблачили этих правых и так называемых „левых“ социал-демократических предателей . . . Мы должны извлечь урок из этих событий. Мы должны быть осторожными, чтобы десятки тысяч честных бывших социал-демократов — рабочих и партийных работников — которые, естественно, не имели понятия о подлости и предательстве их вождей, плечо к плечу с нами спокойно могли строить социализм.“”¹²⁰

Двадцатипятилетнее господство пейеризма в легальном рабочем движении нанесло венгерскому рабочему движению исключительно большой ущерб. Решающее значение имело заражение мышления рабочих и трудящихся идеологией оппортунизма. Для спокойного и уверенного строительства социализма, для разоблачения еще скрывающихся и прячущихся предателей необходима последовательная борьба против пережитков пейеристской идеологии, ликвидация этих пережитков. Важным оружием этой борьбы является — показать и разоблачить прошлое предателей.

Пакт Бетлен—Пейер был программой классового предательства. Опознанием его и ознакомлением с ним мы догола разденем предатель-

¹¹⁸ Выступление Матиаса Ракоши на I съезде ДИС (Союз трудящейся молодёжи).

¹¹⁹ Доклад Матиаса Ракоши на заседании ЦК ВПТ, 27 октября 1950 года.

¹²⁰ Доклад Матиаса Ракоши на заседании ЦК ВПТ, 27 ноября 1950 г.

скую социал-демократию, сделаем для трудящихся понятным позжие предательства социал-демократов, облегчим ликвидацию пережитков оппортунистической идеологии. Изучение истории пакта Пейера оказывает нам непосредственную помощь в нашей теперешней борьбе.

Л. Р Е Т И

(Перевод из венгерского. Оригинал: *Réti László, A Bethlen—Feyer paktum* Исторический журнал „Századok“ 1950.)

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ЖУРНАЛА ВЕНГЕРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА „САЗАДОК“

В этом году вышел в свет 84-й том журнала Венгерского Исторического Общества „Сазадок“ („Столетия“). Восьмидесятилетний журнал с самого начала был главным органом и информатором венгерской историографии. Особенно в первые годы своего существования журнал имел серьезные положительные черты; в нем публиковались статьи, вскрывающие важные данные, сотрудниками журнала были передовые венгерские историки XIX века — Тагани, Ачади, Марки, Марцали. Но уже и тогда проявлялась характеризующая буржуазную историографию классовая ограниченность; большая часть опубликованных в нем статей служила интересам классу помещиков и капиталистов. Особенно в номерах, вышедших в свет в XX столетии, выявилось, что официальная венгерская историография по существу была феодальной и клерикальной историографией. Лишь около 20% помещенного в журнале материала освещало события XIX и XX столетий (да и эти статьи носили на себе габсбургистский или шовинистический характер), 80% материала обслуживало эпоху феодализма. Авторы статей восхваляли феодализм; главным мотивом была „великая венгерская империя“, руководящая роль венгров по отношению к соседним народам. С другой стороны, стремления венгерского народа, его движения за независимость выставлялись нереальными или даже прямо катастрофическими, не вскрывалась прогрессивная история прошлого трудового народа. Таким образом не указывали на извлекаемый из истинной истории венгерской нации урок, наоборот, события искажались в феодально-клерикальном духе.

В течение первых трех лет после освобождения страны старая редакционная коллегия „Сазадок“ в основном продолжала проводить „научную политику“ своих предшественников. Вышли в свет только два тома журнала. Лишь „год поворота“ (1947 г.) создал условия для возрождения и венгерской исторической науки. Венгерское Историческое Общество получило новое руководство, его журнал „Сазадок“ — новую редакционную коллегия, в которых занимают место представители передовой венгерской историографии во главе с академиком Эржебет Андич. В демократическом преобразовании фронта венгерских историков значительную роль

играет журнал „Сазадок“, вышедший за последние два года под новым руководством уже в трех объемистых томах (82, 83, 84 т.). На этих томах все более сказывается плодотворная сила марксизма — в области выбора темы, метода, истинного вскрытия венгерской истории, обработки ее запущенных до сих пор областей. Историки-марксисты показали направление и провели большую воспитательную работу в области выбора темы и обработки материала. Эти тома журнала доказывают также и то, что уже выросла первая молодая гвардия венгерских историков, которая все более успешно и всесторонне изучая конкретный материал, ведет серьезные исследования. Наконец, и не в последнюю очередь из этих томов „Сазадок“ выявляется и то, что и все большее число буржуазных историков, следующих указаниям руководящих кадров и вдохновленных примером молодежи, начинают осознать, что подлинными научными результатами могут быть достигнуты только владея единственной научной теорией, и, строя свои специальные знания на идеологическую основу, выходят со все более ценными научными очерками.

Тома „Сазадок“, изданные под руководством новой редакционной коллегии, вышли в свет объемом в 4—500 страниц. Они содержат большие и небольшие научные статьи, хронику научной жизни, обзор книг. На последних страницах публикуется краткое содержание статей и резюме на русском и французском языках.

Том издания 1948 года, пополнивший серьезное упущение старой редакционной коллегии, вышел в свет в 1949 году. Этот том почти целиком был посвящен столетней годовщине венгерской революции и борьбе венгерского народа за свободу 1848 года.

Во введении опубликовано выступление председателя Венгерского Исторического Общества Эржебета Андич по случаю реорганизации Общества. Эржебет Андич в своем выступлении указала на то, насколько не являлась венгерская историография учителем жизни, а, наоборот, своими фальсификациями сознательно вела венгерский народ на неправильный путь. Стоя на службе господствовавшего класса, венгерская историография готова была „с исторической точки зрения“ оправдывать всякое угнетение и обесчестила венгерские передовые традиции, даже и память 1848 года. Этот славный этап венгерской истории выставлялся как заблуждение, кровавая авантюра. Злонамеренно восхвалялось господство Габсбургов, державших венгров в колониальном угнетении. Эта историография с ее антимарксистским, направленным против прогресса убеждением и не могла быть научной. Новую гвардию историков и старых специалистов, ликвидирующих преступления прошлого и стоящих на службе прогрессу, ожидает разрешение великих задач, поставленных перед историками пятилетним планом, и ознакомление трудового народа с его подлинной историей. Разрешение этой задачи венгерские историки могут достигнуть с помощью последовательного применения исторического

материализма, сделав этим историографию богатым источником веры трудящихся в прогресс и свободу.

Часть статей, посвященных событиям 1848 года, обсуждает проблемы венгерской революции и борьбы венгерского народа, проблемы национальностей и соседних народов, связанные с событиями 1848 года. Эржебет Фазекаш-Герэне в статье „Венгерские законы о национальностях в 1849 и 1868 годах“ показывает, что венгерское политическое руководство 28 июля 1849 года, незадолго до подавления борьбы за свободу реакционной царской властью, создало закон о национальностях. Если бы этот закон, демократически регулировавший вопрос национальностей в Венгрии, был издан на один год раньше, то он еще мог бы быть основой боевого объединения сил венгерского и соседних с ним народов. Однако, революция уже не имела силы для проведения его на практике. Но он и так показал, каким путем можно обосновать сотрудничество венгерского и соседних с ним народов. Автор на основании учений товарища Сталина рассматривает национальный вопрос в Венгрии 1848—49 и 1868 гг. Она устанавливает, что в период революции и борьбы за свободу национальный вопрос неотделим от крестьянского вопроса, от вопроса освобождения крепостных. И в национальных движениях 1848 года выразились крестьянские и демократические стремления. Однако, руководители венгерской революции, передовое мелкое дворянство напрасно боролись в 1848 году против реакции, они не могли своевременно удовлетворить законных требований, и таким образом, не были способны превратить силы крестьянства и дворянства в источник общей свободы. Помещичий класс, заключив в 1868 году соглашение с габсбургской династией, стал сообщником и союзником иностранного угнетения и являлся его представителем и по отношению к национальностям. Угнетение скачкообразно обострило противоречия, которые могут быть ликвидированы только странами народной демократии, освободившимися с помощью Советского Союза, борющимися плечо к плечу за общую великую цель — за строительство социализма.

В создании закона о национальностях 1849 года активную роль играл крупнейший румынский революционер-демократ Николае Балческу. Балческу уже в мае 1848 года хотел начать переговоры с венгерским правительством. За неудавшейся попыткой следовали новые, также безуспешные попытки. Об этом говорится в статье Золтана И. Тота „Вопрос о венгерском-румынском союзе в 1848 году“. Объединению сил борющихся за свою свободу народов на переговорах в 1848 году, а также и на начавшихся вновь в 1849 году препятствовали, с одной стороны, классовая ограниченность руководства венгерского мелкого дворянства, с другой стороны, сопротивление румынской интеллигенции, попавшей в сеть венской политики. Но все же имелись основы венгерско-румынской дружбы, на долгое время заглушены нападением и победой международной реакции.

Эндре Арато в статье „Национальное движение у Словаков перед революцией 1848 г. (1845—1848)“ анализирует противоречия, которые, во вред венгерской борьбе за свободу, сделали словацкое национальное движение, руководимое интеллигенцией и мелкой буржуазией, средством венской реакции. Субъективно, словацкое национальное движение было прогрессивным, но его руководители сделали ту ошибку, что выступили против борьбы венгерского народа за свободу, которая одновременно являлась борьбой за дело международного прогресса. Обострению этой ошибки содействовал тот факт, что руководители венгерской революции совершили ошибки в изданных языковых и социальных распоряжениях.

Статья Кароя Виг „К 100-ой годовщине славянского съезда в Праге“, написанная на основании статьи советского историка Никитина, опубликованной в журнале „Вопросы истории“ в 1948 году, указывает на значение этого конгресса и на его влияние и отношение в венгерской революции.

Осенью 1848 года венгерская буржуазная революция стала борьбой за свободу. Место Министерства занял революционный правительственный орган, т. н. Комитет Обороны, руководителем которого был сам Лайош Кошут. Дьезе Эмбер в статье „Венгерский Комитет Национальной Обороны в 1848 году“ дает ценную информацию о построении и деятельности этого органа, но не пытается обсудить проблемы революционного правительства.

Вопрос политической борьбы трудящихся поднимает Карой Вэрэш в статье „Вопрос избирательного права в шахтерских районах в 1848 году“. В статье приводится ценный документальный материал.

Статья Эржебет Андич, в которой приводятся документы, касающиеся измены родине тогдашнего эстергомского архиепископа Яноша Хама, разоблачает роль предателей борьбы за свободу, клерикальной реакции в 1848 году. Эти документы разоблачают, что венгерский архиепископ с находящимся под его влиянием большинством епископов предал борьбу венгерского народа за свободу, предал дело венгерского народа; предложив свои услуги австрийскому императору. Хам в интересах победы контрреволюции активизировал переплетающую всю страну церковную организацию и всеми силами старался влиять и на верующих. Революционное правительство, сам Кошут квалифицировали деятельность Хама изменой родине и издали распоряжение о конфискации его имущества.

Дьордь Шпира разработал большой архивный материал в своей статье „Венгерское крестьянство и дворянское руководство первой венгерской буржуазной революцией.“ Молодой историк-марксист указывает, в первую очередь, на ограниченность, проявляющуюся по крестьянскому вопросу в поведении мелкого дворянства, руководившего революцией за отсутствием буржуазии. Хотя закон, принятый в марте 1848 года, провозгласил освобождение крепостных, помещики все откладывали окончательный отказ от барщины. Противоречия между дворянством и крестьянством обострились, что ограничило источники сил революции и борьбы за свободу.

Показывая противоречия, автор не показывает положительных сторон дворянского руководства. Он подчеркивает противоречия, исходившие из дворянского руководства революцией, но — неправильно — недооценивает роль передовой части дворянства. На основании изложенного в этой статье читатель с трудом может взвесить огромную организационную роль Кошута и левых дворян, и не видит, что передовые дворянские руководители не только организовали национальное сопротивление, но, встав во главе его, проливали за него и свою кровь. Поэтому — и не потому, что были введены в заблуждение — встали на их сторону огромные массы крестьянства.

В этом же томе опубликована статья Дьюла Мереи „Цеховое устройство ремесла в Венгрии до 1848 года“. Этот очерк имеет ценность с точки зрения ознакомления с тем, что предшествовало движениям пештских рабочих, разыгравшимся весной и осенью 1848 года и давшим революции решающий толчок. В статье говорится о борьбе внутри цехов между подмастерьями и эксплуатировавшими их мастерами.

Статья Жигмонда Пала Пах „К исследованию вопроса о первоначальном накоплении капитала в Венгрии“ также освещает события, предшествовавшие 1848 году. К обсуждению этого вопроса мы вернемся в связи со следующим томом „Сазадок“ 1949 г.

Как на особую ценность юбилейного номера' отдельно надо указать на опубликованную в нем в переводе на венгерский язык статью советского академика В. Волгина „К столетию Манифеста Коммунистической Партии“ („Вопросы Истории“, 1948. № 3), дающую венгерским историкам богатый идеологический материал.

На первой странице второго тома реорганизованного журнала „Сазадок“ издания 1949 года помещен портрет Сталина, которого венгерские историки приветствуют по случаю 70-летия со дня его рождения, как великого вождя освободительного Советского Союза, как великого друга венгерского народа и пионера науки.

Первая статья этого тома — перевод на венгерский язык всемирно-известной статьи выдающегося советского историка академика Б. Д. Грекова „И. В. Сталин и историческая наука“.

Том издания 1949 года подчеркнуто разрабатывает такие вопросы венгерской истории, которые преднамеренно были запущены или фальсифицированы старой официальной историографией. В первой части статьи „Канун Венгерской пролетарской революции 1919 года“ под заголовком „Венгерское рабочее движение в 1914—18 гг.“ Эржебет Андич показывает Венгрию в момент взрыва первой империалистической мировой войны. Она разоблачает венгерский господствовавший класс, который боясь недовольства масс, революционной развязки, добровольно спасался в кровавой авантюре. Он не мог бы этого сделать, если бы предательские руководители единственной тогда рабочей партии — социал-демократи-

ческой партии — и профсоюзов не поддерживали правительство. Эти предательские руководители подчинились империализму, сознательно тор-мозили революционный порыв венгерских боевых рабочих масс, разложили их организации — даже на долгие годы отказались от традиции празднования 1 мая.

Причиненная войной нищета, политический и экономический террор правительства все более решительно восстанавливали трудовой народ против войны. *Победа Великой Октябрьской социалистической революции, победа руководимого большевистской партией советского народа* подняла венгерское рабочее движение из упадка, в который толкнули его оппортунистические руководители. Ценностью этой статьи является „изучение влияния русской революции в Венгрии“ — как выразился товарищ Ракоши — почти хронологическое изложение событий на основании в большей части неизвестного до сих пор архивного материала. На основании подлинных документов статья знакомит с расширением анти-милитаристического движения, со многими мелкими и несколькими крупными революционными движениями. В свое время венгерская печать под давлением милитаризированной цензуры умолчала об этих движениях, то же самое происходило и во время 25-летнего периода контрреволюции. Одно из крупнейших забастовочных движений разыгралось в марте 1918 года в городе Решицабана. Из сообщенного материала импозантно вырисовывается вспыхнувшая в июне 1918 года в Будапеште всеобщая забастовка. Многие восстания были организованы и вдохновлялись вернувшимися из России военнопленными. Правительство и духовенство применяли по отношению к ним изысканные методы физического и духовного террора. Венгерское правительство, одновременно с внешней войной, вело и решительную внутреннюю войну против венгерского народа. Но никакие военные и террористические мероприятия не могли подавить революционный подъем венгерского рабочего класса.

В этом же томе „Сазадок“ опубликована вторая часть уже упомянутой выше статьи Жигмонда Пала Пах. В первой части статьи автор, исходя из 24 главы „Капитала“ Маркса, рассматривает историю первоначального накопления капитала в Венгрии. Автор описывает процесс лишения крестьянства земли начиная с XVI столетия до 1848 года. Он показывает, как появилось это уже в ходе борьбы между реформацией и контрреформацией. Богатый документальный материал, опубликованный в статье, показывает насколько тесна была взаимосвязь между религиозной борьбой и борьбой за землю. Разогнание вооруженных дружин магнатов, конфискация поместий сторонников национальной борьбы против Габсбургов, вымогательство занявших их место новых помещиков и арендаторов — все это составляло отдельные этапы процесса создания безземельных масс. Ценной частью статьи Жигмонда Пала Пах является та глава, в которой он анализирует разложение сельской земельной

общины. Разложение и ликвидация земельной общины, превращение обрабатываемых крепостными земель в помещичьи фермы расширило тот процесс, в результате которого к концу XVIII и к началу XIX столетий образовались огромные массы аграрного пролетариата, обеспечение которых землей в течение целого столетия было основной проблемой экономического и общественного развития Венгрии. Рассматривая отдельные этапы первоначального накопления капитала, автор во второй части обсуждает подчеркнутый Марксом вопрос колониальной системы. Он устанавливает; что не Венгрия создала колониальную систему в интересах первоначального накопления капитала, а габсбургская держава колонизировала страну в интересах капиталистического развития австрийской буржуазии, наследственных земель. Автор приводит богатый материал, показывающий как колонизировали Габсбурги Венгрию; анализирует экономические причины национальной борьбы за свободу, направленной на воспрепятствование колонизации страны, и последствия ее подавления.

Большую пользу могло принести читателям изучение статьи А. Гиршфельда „О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке“ („Вспросы Истории“, 1948 г. № 1).

Ласло Жигмонд в статье „Канун второй мировой войны“ обсуждает также всеобщую историю и новейшую эпоху. Исходя из сборника исторических документов Совинформбюро „Фальсификаторы истории“, используя большой литературный материал, он доказывает, что американские, английские и французские империалисты с момента создания советской власти, в надежде на „крестовый поход“ против Советского Союза, старались поднять на ноги немецкий империализм. Так в 1918, 1923, 1933 и 1936 годах и, наконец, за последний этап второй мировой войны, при кризисах немецкого буржуазного и затем фашистского режимов английские и, особенно, американские империалисты в каждом случае спешили на помощь капиталистической Германии. Империалисты получали при этом большую помощь от „Центрума“, действующей по интенциям Ватикана католической партии. Оказывали им помощь и различные вредители и предатели рабочего движения, социал-демократы и троцкисты. Статья ярко показывает ответственность империалистического лагеря и, с другой стороны, последовательную мирную политику Советского Союза накануне второй мировой войны.

Из статей, занимающихся вопросами венгерской истории, статья Эмма Ледерер „О роли церкви в средневековой Венгрии при династии Арпадов“ характеризует угрожавшие нашей независимости вмешательства и деятельность церковной реакции и пап уже в первые столетия существования венгерского государства. Недостатком статьи является то, что она не занимается деятельностью живущего среди народа и происходящего из него низшего духовенства; но — на основании богатого документального материала на латинском языке — занимается с антинародным и открыто

корыстолюбивым высшим духовенством, показывает попытки папы — в большинстве случаев экономического и отнюдь не „принципиального“ характера — на вмешательство во внутренние дела Венгрии.

Две статьи черпают материал вновь из тем 1848—49 гг. Дьезе Эмбер описывает казнь плебейского революционера Иштвана Олаха а Золтан Варга, рассматривает вопрос формы государства и правления в связи с лишением трона династии Габсбургов в 1849 году. Он показывает, что за лишением трона не следовал революционный подъем, так как в политическом руководстве взяла верх оппортунистическая партия, и с разложением левого крыла отошло на задний план и влияние Кошута на руководство страной.

Среди опубликованного в этом томе материала ценность научного очерка имеет статья Иоахима Вега, в которой он хорошо обрабатывает и дает ценные данные о движении шахтеров в юго-западной Венгрии в 1893 году.

Заслуживает внимания публикуемое Кальманом Бенда открытое письмо одного из руководителей якобинского движения в Венгрии в конце XVIII столетия Игнаца Мартиновича, написанное им под псевдонимом. В этом письме Мартинович бичевал реакционную внешнюю политику императора Франца I.

Иштван Дарваш собрал сообщения современных газет о войсках великого русского полководца Суворова, продвинувшихся через Венгрию в 1799 году. Из современных газет выясняется, с какой любовью встречал венгерский народ русские войска, которые в течение одного месяца продвигались через территорию Венгрии.

Наконец, Лайош Лукач под заголовком „Материалы к вопросу о сотрудничестве западных империалистических держав с венгерскими контрреволюционерами в 1919 году“ публикует документы, которые показывают, к каким маневрам прибегали империалисты, чтобы уничтожить молодую венгерскую Советскую Республику в 1919 г.

Вышедший до сих пор *третий том, издание 1950 года*, возрожденного журнала „Сазадок“, согласно критике специалистов отражает значительное развитие журнала. Журнал старается осуществить указания *II Съезда Венгерской партии трудящихся*, относящиеся к историкам, особенно, указания *Матиаса Ракоши*. Согласно этим указаниям, перво-степенным долгом венгерских историков является вскрытие столетней борьбы венгерского народа против угнетения, верное описание отдельных крупных исторических деятелей, шедших во главе этой борьбы.

Первая статья 84 тома журнала (1950 г.) посвящена 100 годовщине смерти героического польского полководца венгерской борьбы за свободу Йожефа Бэма. Автор статьи Эндре Ковач в своей работе опирался на заметки Маркса и Энгельса, на результаты советской и польской историографии, на богатую современную мемуарную литературу и архивный

материал. Йозеф Бэм был международным солдатом революции, его характеризовали замечательные военные достоинства и пламенная любовь к свободе. Из поражения борьбы польского народа за свободу 1831 г. он извлек тот урок, что дело освобождения нации неотделимо от дела крестьянства. Обогащенный этим опытом пришел он осенью 1848 года в Венгрию. В течение трех месяцев он очистил территорию Трансильвании от австрийских войск. Успех его зимнего и весеннего походов приобрел ему не только дружбу Кошута и Петэффи, но и доверие всего трудового народа. Автор показывает его метод организации армии, его военные победы, славные походы; показывает также, в чем коренятся эти победы, революционную политику Бэма. Этот великий революционер провозглашал: „венгры, саксонцы и румыны, протяните по-братски руку друг другу устранив всякую национальную ненависть, и вы будете счастливы“. Его целью было распространение борьбы против реакции за границы страны, так, в первую очередь, на Галицию, на территории с румынским населением, на Молдавию и Буковину. Он вел успешную деятельность в интересах привлечения румынов, но после начала царской интервенции уже не мог победить преобладающую силу. Бэм, как подобает подлинному солдату революции, боролся до последней минуты, и оставил страну только в последний момент, после капитуляции главного венгерского военачальника. Всей десятимесячной деятельностью в Венгрии он навеки записал свое имя на страницы истории венгерской нации, его имя стало символом польско-венгерской дружбы.

Статья Лайоша Элекеш „Армия Гунияди“, опубликованная в этом же номере, также стоит на службе отечественных традиций венгерского народа. Янош Гунияди — общий герой придунайских народов. Его походы в середине XV столетия открывают новую главу в истории борьбы против главного врага прогресса в те времена, против стремящейся к мировому господству турецкой державы. В предыдущую эпоху венгры и их союзники терпели тяжелые поражения и теряли все большую территорию. Гунияди своими победами приостановил, даже отбросил турков, и вернул угнетенному народу веру и боевую решимость. Войны, веденные Гунияди, были справедливыми войнами, и поэтому он мог рассчитывать на воодушевленную, активную поддержку со стороны угнетенных народов, независимости которых угрожала опасность. Успехами походов 1442, 1443—44 годов, а также успешной защитой Белграда в 1456 году он был обязан ополченцам. Наряду с поддержкой народных масс, источником его успехов была проведенная им в организации армии реформа. Хотя он не мог отказаться от феодальных войск, но он опирался главным образом на наемные войска. Изъяв наемные войска из под контроля боящихся за свою власть феодальных магнатов, Гунияди создал ядро армии, способной содействовать централизации государства. Наряду с тяжелой конницей, он развил важную в боях с турками легкую конницу и пехоту, играющую

решающую роль в войнах будущего. Он широко использовал метод ведения войны гуситов. Проведенные им мероприятия, свидетельствующие о понимании им характера турецких войн, личная храбрость и пример ставят Яноша Гунияди, высоко ценимого и Марксом, в ряд выдающихся полководцев.

Иштван Сабо дает полезный материал для разработки отечественных традиций венгерского народа в статье о гайдуках, игравших большую роль в борьбах за независимость XVI—XVII столетий. В статье „Роль гайдуков в 1514 году“ автор указывает, что в крестьянской войне Дьердь Дожа вооруженные пастухи крупного рогатого скота „гайдуки“, были одними из первых выступивших на борьбу против феодалов. Выяснение их роли важно потому, что они не только составляли военное ядро и являлись представителями не склонной к соглашательству революционной готовности в великой крестьянской войне 1514 года, но также и потому, что в последующие десятилетия они преобразовались в регулярное наемное войско, которое последовательно сражалось против турок и, во времена национальных восстаний, против габсбургской власти.

Иштван Като, давший в предыдущем томе журнала критическое обозрение литературы о якобинском движении в Венгрии, в этом номере в статье „Вопросы движения венгерских якобинцев“ рассматривает пролог революции 1848 года, организацию, происходившую в 1790—94 годах, которая является одной из самых красивых прогрессивных традиций венгерского народа. Организация связана с небольшим слоем революционных демократов, руководители которых были казнены габсбургской реакцией.

Тибор Кардош в статье „Движение гуситов и роль Матиаса Гунияди в создании венгерской национальной церкви“ подробно рассматривает падение гуситизма в Венгрии его течение и характеристики. Автор констатирует, что движения гуситов в Чехии и Венгрии в общем были параллельными, и в Венгрии оно вынесло на поверхность важные элементы национального сознания.

Таким образом, движение гуситов подготовило попытки Матиаса Гунияди к централизации. Одним из важнейших средств централизации Матиас считал освобожденную от влияния папства национальную церковь. Борясь за освобождение церкви, он неоднократно сам разоблачал стремление папства к политической власти. В деятельности Матиаса, как реформатора церкви, его помощником был канцлер, происходивший из чешских родителей-гуситов.

Многие статьи занимаются вопросом венгерского крестьянства, уделяя особое внимание крестьянским движениям. Дьюла Мереи в своей статье „К истории капиталистического развития венгерского сельского хозяйства“ исходит из *гениального труда Ленина* „Развитие капитализма в России“. Он обстоятельно рассматривает феодальные пережитки, оставшиеся в трудовой организации венгерского сельского хозяйства за период

от 1850 по 1918 год. После подавления борьбы венгерского народа за свободу реакция стремилась воспрепятствовать действительному осуществлению освобождения крепостных. В статье описываются те крестьянские движения, разыгравшиеся во всей стране, которые в конце концов заставили привести в исполнение закон об освобождении крепостных. Автор пишет о дальнейших крестьянских движениях, о полном обнищении крестьянства, о венгерском варианте „системы отработки“, о непрекращающейся классовой борьбе крестьянства.

Кроме этой большой статьи еще две статьи обслуживают вопрос классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма и капитализма. Эва Х. Балаж в статье „Движение крепостных варадского епископата в середине XVIII столетия“ пишет с сопротивлением крепостных, работавших в рудниках. Пал Ш. Шандор в статье „Данные об экспроприации крестьянства и о крестьянских движениях в эпоху абсолютизма (1849—1867)“ показывает обнищение крестьянства и подавление его движений дворянством, заключившим союз с австрийским абсолютизмом.

Статья А. Шандора и П. Колошша „Из истории государственных займов Венгрии (Во времена кризиса 1873 года)“ помогает ознакомлению с историей колониального угнетения Венгрии.

В третьем томе „Сазадок“, вышедшем в свет в новой редакции, венгерские историки дали богатый материал по отдельным вопросам отечественной борьбы и передовых движений венгерского народа. Но первоочередной задачей историков является также и разоблачение врага, чем они оказывают трудящемуся народу помощь в его борьбе за защиту мира, за строительство социализма. Этой задаче служит журнал одной большой статьей и опубликованием документов.

Автор статьи Ласло Рети использовал для своей статьи „Пакт Бетлена-Пайера“ неизвестный до сих пор архивный материал. Он показывает, что означал в Венгрии „социал-демократизм“ за период времени 1919 до 1924 гг. Премьер министр граф Иштван Бетлен и предательский, правый руководитель социал-демократической партии Кароль Пейер заключили этот пакт в глубокой тайне. В пунктах этого пакта социал-демократы заверяют контрреволюционное правительство в том, что они приспособятся к контрреволюционному режиму, откажутся от организации крестьянства, не будут вести революционной и, даже, республиканской пропаганды, и все свои заграничные связи используют в интересах создания „хорошей репутации“ фашистской Венгрии. Этот пакт, превративший партию рабочих масс в „доброжелательную оппозицию“ в течение долгих лет держался в секрете. С другой стороны, в духе этого пакта нападали в тыл героической борьбы коммунистической партии за свободу рабочего класса и венгерского народа. Когда руководители социал-демократической партии под давлением революционных рабочих масс вынуждены были опубликовать его, даже и их интернационал заклеил их поступок. Но создатели

пакта остались на их постах, чтобы дальше действовать на службе контр-революционного правительства. Правые и т. н. левые руководители и после освобождения страны продолжали свою разлагающую деятельность в духе пакта. Благодаря бдительности Венгерской партии трудящихся и лично товарища Ракоши удалось разоблачить их и удалить из венгерского рабочего движения, завоевавшего наконец свое единство.

Не только правая социалдемократия была твердой опорой угнетающего венгерского господствующего класса. Он всегда мог рассчитывать на поддержку клерикальной реакции. Об этом рассказывает Бела Балаж в своей статье „Деятельность клерикальной реакции во время белого террора“. Начиная с того момента, когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в результате борьбы руководимого коммунистами рабочего класса, 21 марта 1919 года в Венгрии была провозглашена Советская Республика, клерикальная реакция оказалась самым активным штурмовым отрядом. Когда венгерская Красная Армия потерпела поражение в борьбе против многократно превосходящей силы и начались кровопролития, организованные белым террором, в этих кровопролитиях приняла участие и клерикальная реакция. Особенно трудным стало положение крестьянства, живущего в условиях нищеты на больших церковных имениях.

По вопросам всеобщей истории и внешней политики этот том „Сазадок“ публикует ценную статью советского автора Н. Калинина „Мюнхенский сговор и предательская роль английских лейбористов“ (Вопросы Истории, 1950, № 10).

Краткое изложение содержания вышедших до сих пор под новой редакцией трех томов „Сазадок“ дает схематическую картину работы венгерских историков за время после освобождения страны. Сжатое выступление Эржебет Андич во введении, заключительная речь почетного председателя Венгерского Исторического Общества Йожефа Реваи, произнесенная им на одном из заседаний Общества, и, особенно, доклад Матиаса Ракоши на II Съезда Венгерской партии трудящихся дали ценные указания к важнейшим задачам новой венгерской историографии.

Новое, марксистское поколение историков — и все более усиленно — и старые, буржуазные историки поняли, что их задачей является вскрытие истинной истории трудящегося народа, разоблачение исторических фальсификаций прошлого. Венгерские историки, в первую очередь, сотрудники „Сазадок“ могут выполнить стоящие перед ними великие задачи, если они усиленнее будут опираться на учения классиков марксизма-ленинизма, усиленнее будут изучать достижения советской историографии. При таких условиях следующие номера „Сазадок“ смогут показать новые достижения венгерской истории.

Les *Acta Historica* paraissent en russe et publient des travaux du domaine de la historique.

Les *Acta Historica* sont publiées sous forme de fascicules qui seront réunis en volumes de 300 à 500 pages. Il paraît, en général, un volume par an.

Les manuscrits, autant que possible écrits à la machine, doivent être envoyés à l'adresse suivante:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est 60 forints par an.

On peut s'abonner à l'Entreprise de Commerce extérieur des Livres et Journaux „Kultúra“ (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Compte courant No. 45-790-057-50-032) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Acta Historica* publish papers on history in Russian.

The *Acta Historica* appear in parts of various size, making up volumes of 300 to 500 pages. On the average, one volume is published per year.

Manuscripts should, if possible, be typed and addressed to:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 60 forints a volume. Orders may be placed with the „Kultúra“ Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest VIII, Rákóczi-út 5. Account No. 45-790-057-50-032) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Historie in russischer Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen Band von 20–30 Bogen. Im allgemeinen erscheint jährlich ein Band.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind, möglichst mit Maschine geschrieben, an folgende Adresse zu senden:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion und den Verlag bestimmte Korrespondenz zu senden.

Abonnementspreis pro Band 60 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Aussenhandels-Unternehmen „Kultúra“ (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Bankkonto Nr. 45-790-057-50-032) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Ára : 40 Ft.

INDEX

Введение	1
Л. Элекеш: Армия Гуниади	5
Э. Г. Фазекаш: Сравнение венгерских законов о национальностях 1849 и 1868 гг. с точки зрения прогрессивных сил истории	61
Л. Рети: „Пакт Бетлен—Пейер“	95
Отчет о работе журнала Венгерского Исторического Общества „Сазадок“	149

